ЖИЗНЬ ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ ЛЮДЕЙ

БІОГРАФИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА Ф. ПАВЛЕНКОВА

Г. ВАШИНГТОНЪ

ЕГО ЖИЗНЬ, ВОЕННАЯ И ОБЩЕСТВЕННАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ.

БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

В. Чепинскаго.

Съ портретомъ Вашингтона, гравированнымъ въ Петербургѣ К. Адтомъ.

ЦѢНА 25 КОП.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типогр. Высочайше утвержденнаго Товар. «Общественная Польза»,

Большая Подъяческая 39.

1898

Вашингтонъ.

E 312
.C49
WASHINGTONIANA

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 8 Января 1898 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

Введеніе 5

ГЛАВА I.

Дѣтство и юность Вашингтона 7

ГЛАВА II.

Война съ французами и начало военной дѣятельности Вашингтона. 16

ГЛАВА III.

Деревенская жизнь Вашингтона 27

ГЛАВА IV.

Причины и начало американской революціи 37

ГЛАВА V.

Ходъ американской революціи отъ взятія Бостона до союза съ Франціей 49

ГЛАВА VI.

Послѣдніе годы американской революціи 62

ГЛАВА VII.

Перерывъ общественной дѣятельности Вашингтона 74

ГЛАВА VIII.

Президентство и послѣдніе годы Вашингтона 82

При составленіи настоящаго очерка служили слѣдующія книги:

1. **Jared Sparks,** «Life of George Washington,» Boston, 1834—37.
2. «Works of George Washington», edited by J. Sparks.
3. **Гизо,** «Очеркъ жизни Вашингтона», С.-Петербургъ, 1863.
4. **Cornelis de Witt,** «Histoire de Washington», précédée d'une étude historique sur Washington par M. Guizot, Paris, 1884.
5. **Bancroft,** «Essay on the Life of Washington», London, 1835.
6. **Washington Irving,** «Life of George Washington», New-York, 1855—58.
7. **Paul Ford,** «The True George Washington», London, 1897.

Введеніе.

Конецъ XVIII-го столѣтія—это эпоха крупныхъ общественныхъ переворотовъ, какъ въ Новомъ, такъ и въ Старомъ Свѣтѣ. Незадолго до начала великой французской революціи разразилась упорная борьба между Англіей и ея сѣверо-американскими колоніями, добивавшимися полной политической независимости.

Эта борьба, крайне трудная для американцевъ и потребовавшая отъ нихъ чрезвычайнаго напряженія силъ, увѣнчалась полнымъ торжествомъ колоній надъ могущественной метрополіей и привела къ основанію обширной республики—Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, на долю которыхъ выпала огромная роль въ исторіи человѣчества. Успѣхомъ своимъ американская революція обязана въ значительной мѣрѣ своему военному вождю — Георгу Вашингтону, который, по окончаніи борьбы съ Англіей, сдѣлался первымъ президентомъ юной заатлантической республики. Георгъ Вашингтонъ — это одна изъ самыхъ замѣчательныхъ, оригинальныхъ и свѣтлыхъ личностей, когда либо дѣйствовавшихъ въ исторіи; неудивительно поэтому, что даже трезвые, практическіе янки донынѣ окружаютъ своего любимаго національнаго героя какимъ-то сверхчеловѣческимъ ореоломъ, надѣляютъ его—такъ же какъ Франклина и Линкольна — всевозможными добродѣтелями, не допуская въ немъ ни недостатковъ, ни слабостей, ни даже ошибокъ.

Но, по правдѣ сказать, Вашингтонъ-человѣкъ много интереснѣе, нежели Вашингтонъ-полубогъ; хотя жизнь, дѣянія, мысли, чувства и характеръ его заключаютъ въ себѣ много поучительнаго для простыхъ смертныхъ, но нельзя сомнѣваться, что были у него и недостатки, какъ личные, такъ и національные, а также недостатки той эпохи, въ какую онъ жилъ. Какъ бы мы ни были далеки отъ обоготворенія героевъ, но мы ни можемъ не признать, что Вашингтонъ являетъ собою крайне рѣдкій примѣръ гармоническаго сочетанія лучшихъ качествъ человѣческой природы. Такіе люди вездѣ, гдѣ бы они не появлялись, распространяютъ вокругъ себя добро и свѣтъ, ибо они

ближе, чѣмъ прочіе люди, подходятъ къ идеалу человѣка. При удивительной добротѣ, они отличаются мощнымъ духомъ, благодаря которому спокойно относятся ко всѣмъ превратностямъ жизни, не задумываются пожертвовать личными благами ради торжества истины и справедливости, ради счастья своихъ ближнихъ. Таковъ былъ Вашингтонъ, характеромъ своимъ напоминающій скорѣе героевъ древности, нежели сыновъ настоящаго времени. При всемъ томъ однако Вашингтонъ былъ также истиннымъ американцемъ, носителемъ и выразителемъ лучшихъ стремленій, чувствъ и мыслей своей націи, а потому онъ болѣе, чѣмъ кто-либо другой, способенъ былъ осуществить народное дѣло. Хотя родился и воспитался онъ въ зажиточной, даже аристократической средѣ, но въ немъ глубоко внѣдрены были демократическія тенденціи свободолюбивыхъ американскихъ колонистовъ; къ тому же это былъ настоящій «maker of himself» (самоучка во всѣхъ смыслахъ), самому себѣ обязанный и своими знаніями, и выработкой воли, какъ это и подобаетъ американцу.

Онъ вѣрилъ всею душой въ непоколебимость демократическихъ принциповъ, вѣрилъ, что политическая самостоятельность сдѣлаетъ соотечественниковъ его счастливѣе, создастъ для нихъ болѣе достойную жизнь, а потому всякіе честолюбивые замыслы были ему чужды, и онъ далекъ былъ отъ того, чтобы злоупотребить своею военною властью такъ, какъ Кромвель или Наполеонъ, хотя легко могъ бы пойти по стопамъ ихъ; но нарушеніе довѣрія народа казалось ему святотатствомъ. Глубокій умъ, соединенный съ практическимъ смысломъ настоящаго янки, неистощимая энергія, непоколебимая воля, нравственная принципіальность, и при всемъ томъ простота и скромность — привилегія истинно великихъ натуръ,— всѣми этими качествами Вашингтонъ обладалъ въ высокой степени; лучшаго вождя врядъ-ли удалось бы найти американцамъ, въ то время еще весьма слабымъ по сравненію со своими врагами. Какъ онъ примѣнялъ къ дѣлу свои способности, какъ умѣлъ понимать настроеніе, нужды войска и народа, въ какой степени личность его могла руководить ходомъ историческихъ событій, покажетъ подробное его жизнеописаніе въ связи съ общественными, политическими и экономическими фактами, среди которыхъ пришлось ему дѣйствовать.

ГЛАВА I.

Дѣтство и юность Вашингтона.

Предки Вашингтона. — Его дѣтство. — Смерть отца. — Вліяніе матери. — Школа. — Жизнь въ домѣ старшаго брата. — Военныя наклонности. — Первая любовь. — Знакомство и дружба съ лордомъ Томасомъ Фэрфаксомъ. — Вашингтонъ — общественный землемѣръ.

Немногіе американцы могутъ похвалиться такой родословной, какъ Георгъ Вашингтонъ; впрочемъ, родословная эта, по собственному признанію Вашингтона, не имѣла особеннаго значенія въ его глазахъ. Онъ происходилъ отъ родовитой англійской аристократіи, появляющейся въ исторіи уже въ XII вѣкѣ. Вашингтоны въ Англіи были рыцарями-ленниками епископа Дургамскаго и прославились своими походами противъ дикихъ скоттовъ. Въ XVI столѣтіи родъ Вашингтоновъ распался на нѣсколько вѣтвей. Родоначальникомъ той вѣтви, отъ которой происходилъ вождь американской революціи, былъ Лоренсъ Вашингтонъ, мэръ города Нортгэмптона, во время реформаціи усердно помогавшій Генриху VIII расхищать монастырскія владѣнія. За это ему пожаловано было помѣстье Сульгревъ, и потомки его пользовались благоволеніемъ и милостями англійскихъ королей—какъ Тюдоровъ, такъ и Стюартовъ, а потому отличались горячей преданностью престолу Англіи. Полковникъ Джемсъ Вашингтонъ поплатился даже жизнью, сражаясь за короля Карла I. Другой полковникъ, Генри Вашингтонъ, около того же времени прославился геройскою защитой довѣреннаго ему королемъ города Ворчестера и снискалъ себѣ удивленіе и уваженіе даже своихъ враговъ революціонеровъ.

Послѣ смерти Карла I, когда Кромвель началъ безпощадно преслѣдовать приверженцевъ короля, они одинъ за другимъ стали переселяться въ сѣв. Америку, главнымъ образомъ въ Виргинію. Туда же, въ 1657 г., переселились обѣднѣвшіе правнуки Лоренса Вашингтона. Одинъ изъ нихъ, Джонъ, пріобрѣлъ себѣ помѣстье на р. Бриджъ-Крикѣ, притокѣ Потомака, въ графствѣ Вестморлендѣ. Женившись на богатой дѣвушкѣ, онъ сдѣлался однимъ изъ самыхъ крупныхъ плантаторовъ Виргиніи,

а впослѣдствіи, участвуя въ походѣ противъ индѣйцевъ, оказалъ своей новой родинѣ большія услуги. Внукъ Джона, Августинъ, отецъ знаменитаго борца за свободу Америки, родился въ 1694 г. Онъ получилъ высшее образованіе въ Англіи, а по возвращеніи оттуда занялся сельскимъ хозяйствомъ въ унаслѣдованныхъ имъ земляхъ и мало-по-малу значительно расширилъ свои владѣнія. Августинъ Вашингтонъ былъ женатъ два раза. Отъ перваго брака у него было два сына—Лоренсъ и Августинъ; отъ второго—съ красивой, умной Мэри Болль—четыре сына и двѣ дочери. Старшій изъ нихъ, Георгъ, родившійся 22 февраля 1732 г. въ отцовскомъ помѣстьѣ на р. Бриджъ-Крикѣ, сдѣлалъ имя Вашингтоновъ безсмертнымъ.

Вскорѣ послѣ рожденія Георга, отецъ его съ семьею переѣхалъ въ другое имѣніе, находившееся въ графствѣ Страффордъ, недалеко отъ г. Фредериксбурга. Здѣсь протекло дѣтство и юность Георга Вашингтона. Чтенію, письму и цыфири онъ научился въ школѣ приходскаго пономаря Гобби, который самъ обладалъ весьма скудными познаніями. Къ счастью, Георгъ имѣлъ возможность расширять свои свѣдѣнія въ семьѣ во время и послѣ окончанія «курса наукъ» у Гобби. Отецъ Георга, который былъ для своего времени очень образованнымъ человѣкомъ, любилъ бесѣдовать со своими дѣтьми запросто на разныя темы, стараясь развивать ихъ и заронить въ ихъ душу любовь къ труду и къ правдѣ. Старшаго сына своего отъ перваго брака, Лоренса, какъ своего наслѣдника, онъ отправилъ въ Англію для полученія высшаго образованія; Георгу-же приходилось довольствоваться меньшимъ. Зато Георгъ пользовался всѣми благами здоровой деревенской жизни на чистомъ воздухѣ и, крѣпкій, здоровый уже отъ природы мальчикъ, физически развивался какъ нельзя лучше. Замѣчательно, что одною изъ любимыхъ его игръ была игра въ солдаты со сверстниками. Это было впрочемъ вполнѣ естественно, если принять во вниманіе окружавшую его атмосферу. Братъ его Лоренсъ, вернувшись изъ Англіи, принялъ участіе въ войнѣ между Англіей и Испаніей; онъ не разъ имѣлъ случай сражаться съ испанцами, и невольно дѣйствовалъ на младшаго брата своимъ военнымъ воодушевленіемъ, приготовляясь къ походу. Да и вся Виргинія въ это время была охвачена военной горячкой, и молодежь не замедлила также заразиться ею. Георгъ устраивалъ полки изъ своихъ школьныхъ товарищей, обучалъ ихъ маршировать и т. д. и

даже задавалъ сраженія—на этотъ разъ какъ главнокомандующій школы Гобби.

По окончаніи войны, Лоренсъ Вашингтонъ вернулся домой, но больше на военную службу ему поступать не пришлось, такъ какъ въ апрѣлѣ 1743 г. внезапно скончался его отецъ, и Лоренсъ становился главою семьи. По отцовскому завѣщанію, онъ получилъ имѣніе на берегу р. Потомака; второй сынъ отъ перваго брака, Августинъ, получилъ родовое имѣніе въ Вестморлендѣ, а Георгу предназначалось то помѣстье, гдѣ онъ выросъ, и гдѣ отецъ съ семьею провелъ свои послѣдніе годы.

Вскорѣ послѣ смерти отца, Лоренсъ, несмотря на разницу лѣтъ, очень любившій Георга, женился на миссъ Аннѣ Фэрфаксъ и поселился въ своемъ имѣніи на р. Потомакѣ, назвавъ это помѣстье Моунтъ-Верноном въ честь адмирала Вернона, подъ начальствомъ котораго онъ служилъ во флотѣ.

Вдова Августина Вашингтона съ дѣтьми осталась жить въ имѣніи, находившемся въ графствѣ Стаффордѣ. Согласно завѣщанію мужа, Мэри Вашингтонъ была назначена опекуншею своихъ дѣтей и предназначавшагося имъ имущества. Она, какъ оказалось, была вполнѣ достойна такого довѣрія. Это была женщина съ недюжиннымъ природнымъ умомъ, здоровыми инстинктами и сильной волей. Не смотря на свои грубоватыя манеры и суровый видъ, она отличалась простотою и добрымъ сердцемъ. Много времени отнимали у нея разныя заботы по хозяйству; но она умѣла находить свободные часы и посвящать ихъ умственному и нравственному воспитанію своихъ дѣтей. Какъ своими бесѣдами съ ними, такъ и примѣромъ своей жизни, она старалась внушить имъ сознаніе долга, уваженіе къ человѣческой личности и умѣнье сдерживать внѣшнія проявленія своего темперамента. Георгъ очень походилъ лицомъ и характеромъ на мать; въ дѣтствѣ онъ часто обнаруживалъ вспыльчивый и неукротимый нравъ, но всѣ эти шероховатости его характера мало-по-малу сглаживались подъ разумнымъ вліяніемъ матери. Она часто читала своимъ дѣтямъ вслухъ выдержки изъ книгъ религіознаго и нравственнаго содержанія, касаясь при этомъ всевозможныхъ житейскихъ отношеній; особенное впечатлѣніе на Георга произвели «Размышленія религіознаго и нравственнаго характера» Гейля; къ этой книгѣ онъ всю жизнь питалъ пристрастіе и почти никогда не разставался съ нею.

Мэри Вашингтонъ была не изъ тѣхъ матерей, которыя безъ долгихъ разговоровъ мѣтятъ своихъ сыновей въ генералы. Она была чужда всякаго тщеславія и вовсе не мечтала о томъ, чтобы сынъ ея хваталъ звѣзды съ неба. Прежде всего, ей хотѣлось, чтобы Георгъ былъ хорошимъ сельскимъ хозяиномъ, чтобы онъ замѣнилъ отца младшимъ братьямъ и сестрамъ, а для матери былъ бы опорой въ старости. Черезъ нѣкоторое время послѣ смерти мужа, она отправила Георга въ имѣніе брата его Августина для посѣщенія находившейся по близости школы Вилльямса, гдѣ Георгъ могъ пріобрѣсти всѣ необходимыя для сельскаго хозяина познанія. Эту школу Георгъ посѣщалъ втеченіе нѣсколькихъ лѣтъ, изучая тамъ математику, геометрію и межевое искусство. Въ школѣ Вилльямса не обучали ни литературѣ, ни иностраннымъ языкамъ, а потому Вашингтонъ никогда не зналъ ни одного языка, кромѣ англійскаго. Зато англійскимъ языкомъ онъ владѣлъ въ совершенствѣ, но этимъ обязанъ былъ скорѣе себѣ, чѣмъ школѣ. Путемъ упорныхъ и долгихъ упражненій научился онъ выражаться кратко и ясно. Въ свободные отъ занятій часы онъ переписывалъ выдержки изъ немногихъ книжекъ, попадавшихся ему подъ руку, или излагалъ прочитанное своими словами; тетради его, сохранившіяся донынѣ, свидѣтельствуютъ о прилежаніи и усидчивости, поразительныхъ для мальчика его возраста. Тщательно отдѣлывалъ онъ свой слогъ, когда писалъ изложенія,— объ этомъ можно судить по помаркамъ; тщательно копировалъ каллиграфическіе образцы, и мало-по-малу выработалъ себѣ четкій, красивый почеркъ и прекрасный слогъ. Замѣчательно, что онъ съ дѣтства чрезвычайно любилъ переписывать дѣловыя бумаги—завѣщанія, контракты, векселя и т. п. Онъ очевидно и самъ вполнѣ серьезно готовился къ роли сельскаго хозяина, стараясь пріобрѣсти всѣ необходимыя для этой цѣли практическія познанія. Особенно усердно изучалъ онъ «Спутникъ молодого человѣка», откуда почерпалъ свѣдѣнія о томъ, какъ держать себя въ обществѣ, какъ писать письма и дѣловые документы, какъ размежевывать земли, строить дома, приготовлять чернила и сидръ, разводить деревья, подавать первую помощь въ болѣзняхъ и т. д. Тетрадки Георга свидѣтельствуютъ о полномъ отсутствіи у него художественнаго дарованія—всѣ онѣ отличаются дѣловымъ тономъ, доходящимъ до сухости. Нечего и говорить, что весьма многія изъ пріобрѣ-

тенныхъ имъ практическихъ познаній пригодились ему впослѣдствіи. Въ умѣньи составлять дѣловыя бумаги онъ могъ соперничать съ любымъ юристомъ.

Въ свободное время Георгъ Вашингтонъ съ увлеченіемъ предавался физическимъ упражненіямъ—бѣгу, прыганью, состязаніямъ и пр., а главнымъ образомъ верховой ѣздѣ. Уже въ 14 лѣтъ онъ безъ труда объѣзжалъ самыхъ необузданныхъ лошадей и слылъ за превосходнаго наѣздника. Физическое развитіе его шло рука объ руку съ умственнымъ, и это много способствовало тому, что изъ него вышелъ такой уравновѣшенный человѣкъ. Среди товарищей онъ пользовался любовью, особенно за свою прямоту и правдивость. Нерѣдко онъ въ качествѣ третейскаго судьи улаживалъ разногласія и споры между школьниками,—роль, которую впослѣдствіи, будучи главою американскаго Союза, не разъ приходилось ему исполнять въ иномъ масштабѣ.

Каникулы и праздники Георгъ часто проводилъ въ Моунтъ-Вернонѣ, въ семьѣ своего брата Лоренса, который имѣлъ на него сильное вліяніе и вполнѣ замѣнялъ ему отца. Лоренсъ въ это время былъ членомъ законодательнаго собранія Виргиніи и въ то же время военнымъ начальникомъ того округа Виргиніи, гдѣ находилось его имѣніе. Лоренсъ познакомилъ Георга съ семьей своего тестя, лорда Вилльяма Фэрфакса. Самъ лордъ Вилльямъ, жившій въ имѣніи Бельвуаръ, былъ человѣкъ образованный и бывалый и старость свою рѣшилъ провести въ Виргиніи, гдѣ управлялъ обширными помѣстьями своего брата, лорда Томаса. Семья Фэрфаксовъ принадлежала къ изысканной англійской аристократіи, и въ нейто молодой Георгъ получилъ окончательную свѣтскую шлифовку. Вопросъ о поведеніи въ обществѣ сильно занималъ Георга, и онъ самъ составлялъ съ свойственною ему обстоятельностью правила для своего руководства. До насъ дошли многія изъ этихъ правилъ, по правдѣ сказать, довольно наивныхъ и курьезныхъ. Рядомъ съ такими правилами: «При всякомъ дѣйствіи въ обществѣ слѣдуетъ принимать во вниманіе чувства и взгляды присутствующихъ», можно найти и такія: «Находясь въ обществѣ, не распѣвайте себѣ подъ-носъ, не барабаньте пальцами и не стучите ногами», или: «Не спите, когда другіе говорятъ; не сидите, когда другіе стоятъ; не говорите, когда слѣдуетъ мол-

чать» и т. д. Впрочемъ Вашингтонъ составлялъ этотъ кодексъ вполнѣ серьезно и серьезно же проводилъ его въ жизнь.

Въ Моунтъ-Вернонѣ между прочимъ пробудились и военныя наклонности Вашингтона. Лоренсъ былъ всею душою преданъ военному дѣлу; кромѣ того, въ домѣ его нерѣдко собирались капитаны военныхъ англійскихъ кораблей, стоявшихъ на якорѣ въ Потомакѣ, а также провинціальные офицеры Виргиніи; Георгъ то и дѣло слышалъ разговоры на разныя военныя темы; описанія битвъ, воспоминанія о скитаніяхъ по морю, о борьбѣ съ пиратами—все это глубоко дѣйствовало на впечатлительнаго, энергичнаго мальчика, котораго невольно тянуло къ этой жизни, полной опасностей и приключеній. Въ 14 лѣтъ онъ заявилъ о своемъ желаніи поступить на морскую службу, но встрѣтилъ сильное сопротивленіе въ матери, которая въ послѣднюю минуту взяла свое сначала-было вынужденное согласіе обратно, не рѣшаясь подвергать своего первенца опасностямъ, сопряженнымъ съ военной жизнью. Дѣлать было нечего: Георгу пришлось подчиниться матери и вернуться въ школу Вилльямса. Такъ какъ въ этой школѣ Георгъ пріобрѣлъ кое-какія свѣдѣнія по межеванію земель, и такъ какъ землемѣры прекрасно оплачивались въ Виргиніи, то Георгъ рѣшилъ взяться за эту профессію. Границы виргинскихъ помѣстій въ то время не были еще точно установлены, землемѣровъ же было мало, а потому это былъ планъ весьма практическій. Втеченіе двухъ лѣтъ Вашингтонъ обстоятельно и серьезно изучалъ землемѣрное искусство, какъ теоретически, такъ и практически, настойчиво доводя до конца всѣ предпринимаемыя имъ работы.

Спокойное дѣловое настроеніе Вашингтона было нарушено въ это время маленькимъ несчастьемъ: онъ влюбился, но безъ взаимности. Это событіе занесено въ его дневникъ, который онъ велъ съ десятилѣтняго возраста. Пятнадцатилѣтній юноша чувствовалъ себя глубоко несчастнымъ, пытался изливать свое горе въ стихахъ, которые однако не обнаруживаютъ ни малѣйшаго поэтическаго дарованія; видно только, что онъ былъ очень чувствителенъ къ женской красотѣ. Кто былъ предметомъ его первой нѣжной страсти—неизвѣстно; самъ онъ видитъ главную причину своего несчастія въ отсутствіи смѣлости и въ нерѣшимости открыть «свое тоскующее, истекающее кровью сердце». Вѣроятно его мученія объясняются невниманіемъ особы, «поразившей его сердце стрѣлою Купидона», къ воздыханіямъ и

ухаживаньямъ школьнаго мальчишки. Во всякомъ случаѣ, эта страсть надолго нарушила душевный покой пылкаго юноши, и впослѣдствіи, даже въ зрѣлые годы, онъ всегда былъ молчаливъ и застѣнчивъ въ обществѣ женщинъ.

Окончивъ школу Вилльямса, Георгъ поселился въ Моунтъ-Вернонѣ. Школьное образованіе его было окончено, но далеко не удовлетворяло его, такъ что онъ всячески старался его пополнить. Въ Моунтъ-Вернонѣ онъ по нѣскольку разъ перечитывалъ попадавшіяся ему подъ руку немногія книги, и упражнялся въ межеваніи, хотя и здѣсь несчастная любовь по временамъ сильно мѣшала ему работать. Иногда онъ цѣлыми часами бродилъ по лѣсамъ, стараясь отвести свою наболѣвшую душу на лонѣ природы.

Нерѣдко посѣщалъ онъ семью Фэрфаксовъ и подружился съ старшимъ сыномъ лорда Вилльяма, Георгомъ. Вашингтону было въ ту пору 16 лѣтъ, но, благодаря своему высокому росту и крѣпкому тѣлосложенію, онъ производилъ впечатлѣніе вполнѣ возмужалаго юноши. Онъ былъ сдержанъ не по лѣтамъ, отличался солидными манерами, соединенными съ простотою и скромностью, и пользовался общимъ уваженіемъ. Внутренняя борьба, пережитая имъ, придала болѣе опредѣленный характеръ его нравственной личности; внѣшній же меланхолическій видъ придавалъ всей его фигурѣ особенную прелесть.

Часто бывая у Фэрфаксовъ въ Бельвуарѣ, Вашингтонъ познакомился съ настоящимъ владѣльцемъ этого имѣнія, лордомъ Томасомъ Фэрфаксомъ, недавно прибывшимъ изъ Англіи съ цѣлью поселиться въ Виргиніи. Этотъ человѣкъ, имѣвшій немалое вліяніе на характеръ и жизнь Вашингтона, былъ чистокровный аристократъ, очень свѣтскій и въ то-же время очень образованный, съ развитыми литературными и художественными вкусами. Неудачная любовь однако имѣла на него такое огромное вліяніе, что онъ навсегда рѣшилъ покинуть суетную свѣтскую жизнь и долгое время скитался по свѣту, наѣзжая и въ свои виргинскія имѣнія. Величественная природа и пріятный климатъ Виргиніи настолько пришлись ему по душѣ, что въ старости онъ навсегда рѣшилъ здѣсь поселиться. Несмотря на рѣзкія черты лица и эксцентричныя манеры, это былъ добрый старикъ, легко сходившійся съ людьми, и въ его обществѣ молодой Вашингтонъ стряхнулъ свою меланхолію. Вмѣстѣ съ лордомъ Томасомъ Георгъ охотился на лисицъ,—что старикъ

считалъ самымъ вѣрнымъ средствомъ отъ несчастной любви; Вашингтонъ сильно пристрастился къ этому виду спорта и привязался къ лорду Томасу, который съ своей стороны полюбилъ энергичнаго юношу; дружба между ними продолжалась около двадцати лѣтъ.

Желая избрать себѣ постоянное мѣсто жительства у подножія Аллеганскихъ горъ. лордъ Томасъ рѣшилъ размежевать свои владѣнія въ этой мѣстности и положить конецъ расхищеніямъ, которыя производились въ его земляхъ разнымъ пришлымъ людомъ. Лордъ Томасъ видѣлъ землемѣрныя работы Вашингтона въ окрестностяхъ Моунтъ-Вернона и, зная характеръ, физическую силу, ловкость и отвагу своего молодого друга, рѣшилъ именно ему поручить размежеваніе своихъ земель, что̀ представляло не малыя трудности въ дикой странѣ съ ея дикими обитателями. Вашингтонъ съ радостью принялъ предложеніе лорда Томаса размежевать его земли за денежное вознагражденіе, и въ серединѣ марта 1748 года вмѣстѣ съ Георгомъ Фэрфаксомъ отправился въ лѣсныя дебри Америки.

Молодые люди поѣхали верхомъ въ сопровожденіи нѣсколькихъ слугъ. Переваливъ черезъ Голубыя горы, они очутились въ живописной долинѣ Шенандоа, на западѣ которой расположены Аллеганы. Долина эта орошалась многоводной рѣкой Шенандоа (дочерью звѣздъ); природа кругомъ была очаровательная. На горахъ еще лежалъ снѣгъ, но безчисленные потоки низвергались съ шумомъ съ высотъ, и въ долинѣ уже царила весна. Вашингтонъ записывалъ всѣ свои впечатлѣнія и наблюденія въ дневникъ; но повидимому его интересовала нестолько природа, сколько тѣ матерьяльныя выгоды, которыя можно было извлечь изъ ея разумной эксплуатаціи. Въ дневникѣ по крайней мѣрѣ коммерческая точка зрѣнія преобладаетъ надъ поэтической. Правда, Вашингтонъ упоминаетъ и о красотѣ лѣсовъ, горъ и рѣкъ, восхищается вѣковыми деревьями, рощами сахарнаго тростника,—но лишь мимоходомъ. Его больше интересуютъ качества почвы, орошеніе, поверхность и расположеніе земельныхъ участковъ Какъ истинный практическій дѣлецъ, Вашингтонъ всецѣло ушелъ въ порученный ему трудъ, усердно снималъ планы съ земель, лежащихъ при сліяніи Шенандоа съ Потомакомъ, а затѣмъ по лѣвому берегу Потомака. Здѣсь приходилось ему сталкиваться съ нѣмецкими эмигрантами, обрабатывавшими часть измѣряемыхъ имъ земель, а затѣмъ и съ красно-

кожими; ему удалось видѣть военную пляску индѣйцевъ вокругъ костра подъ звуки музыки, производимой пустой тыквой, наполненной дробью, и ударами въ котелъ, на подобіе барабана обтянутый оленьей кожей. Впослѣдствіи Вашингтонъ отлично изучилъ нравы индѣйцевъ и научился вести съ ними дѣла.

Такъ прожилъ Вашингтонъ около мѣсяца, проводя дни и ночи подъ открытымъ небомъ и усердно занимаясь чертежами и измѣреніями. Отъ дождя онъ спасался вмѣстѣ со своими спутниками въ шалашѣ, сооруженномъ изъ древесныхъ вѣтвей, а въ хорошую погоду ночевалъ на медвѣжьей шкурѣ или на охапкѣ соломы около костра. Вашингтонъ какъ нельзя лучше умѣлъ примѣняться ко всякой жизни, довольствуясь въ случаѣ нужды самымъ малымъ, нерѣдко лично поджаривая себѣ дичь на самодѣльномъ вертелѣ и находя въ подобной жизни не мало прелести. Наконецъ 12-го апрѣля Вашингтонъ вернулся въ Моунтъ-Вернонъ, прекрасно исполнивъ возложенное на него порученіе, къ великому удовольствію лорда Томаса, который щедро вознаградилъ молодого землемѣра.

Вскорѣ послѣ этого Вашингтонъ назначенъ былъ общественнымъ землемѣромъ графства Фэрфаксъ, и болѣе трехъ лѣтъ исполнялъ эту обязанность съ свойственнымъ ему усердіемъ и добросовѣстностью, проводя цѣлые мѣсяцы въ глубинѣ лѣсовъ и основательно знакомясь съ характеромъ страны и ея жителей. Нерѣдко проводилъ онъ по нѣскольку дней у лорда Томаса, поселившагося навсегда въ глуши, къ западу отъ Голубыхъ горъ, въ имѣніи Гринвей-Куртъ. Сюда стекалось множество всякаго народа, такъ какъ старый лордъ былъ чрезвычайно гостепріименъ ко всѣмъ, не исключая дикихъ индѣйцевъ и грубыхъ колонистовъ. Лордъ Томасъ привезъ съ собою изъ Англіи много книгъ, и, когда было возможно, Вашингтонъ съ наслажденіемъ предавался чтенію. Такимъ образомъ онъ основательно изучилъ исторію Англіи и вообще значительно расширилъ свой умственный горизонтъ.

Такъ протекли юные годы Вашингтона. Жизнь въ дѣвственныхъ лѣсахъ закалила его, сдѣлала опытнѣе; братъ его Лоренсъ и лордъ Томасъ въ значительной степени способствовали его умственному развитію. Еще не достигнувъ 20-ти лѣтъ, Вашингтонъ былъ вполнѣ подготовленъ къ тому, чтобы взять на себя отвѣтственное общественное дѣло. Такое дѣло скоро представилось и выдвинуло Вашингтона на арену исторіи.

ГЛАВА II.

Война съ французами и начало военной дѣятельности Вашингтона

Причины войны между Англіей и Франціей.—Приготовленіе Вашингтона къ военной службѣ.—Поѣздка въ Вестъ-Индію и смерть Лоренса.—Посольство Вашинггона для переговоровъ съ французами.—Начало военныхъ дѣйствій.—Капитуляція форта Нецессити.—Кампанія генерала Брэддока.—Вашингтону поручается командованіе виргинской милиціей. Вытѣсненіе французовъ изъ Виргиніи.—Женитьба Вашингтона.—Вытѣсненіе французовъ изъ Канады.—Слѣдствія войны для Америки.

Между владѣніями французовъ и англичанъ въ Америкѣ границы не были точно установлены, а потому нерѣдко возникали распри между обоими народами, доказывавшими другъ другу свои права на обладаніе роскошнымъ бассейномъ р. Миссиссипи. Особенно лакомымъ кускомъ какъ англичанамъ, такъ и французамъ казались земли по р. Огіо, покрытыя богатою дѣвственною растительностью и явившіяся яблокомъ раздора между обоими народами.

Такъ какъ земли по р. Огіо были населены воинственными индѣйцами, то французы съ своей стороны, а англичане съ своей—всячески старались привлечь къ себѣ краснокожихъ. Въ половинѣ XVIII столѣтія Англіи удалось заключить союзъ со многими индѣйскими племенами; французы же, считая земли по Огіо своею собственностью, стали забирать въ плѣнъ англійскихъ торговцевъ, появлявшихся въ этой мѣстности. Дѣло принимало серьезный оборотъ, и, предвидя скорую войну, обѣ стороны начали дѣятельно готовиться къ ней.

Виргинія была первою англійскою колоніею, гдѣ пробудился военный духъ. Она раздѣлилась на военные округа, во главѣ которыхъ стояли маіоры, завѣдывавшіе наборомъ и обученіемъ солдатъ. На эту должность былъ призванъ, по рекомендаціи своего брата Лоренса, юный Георгъ Вашингтонъ, уже успѣвшій снискать себѣ общее довѣріе и уваженіе.

Молодой Вашингтонъ былъ въ восторгѣ отъ этого назначенія и, по своему обыкновенію, методично и терпѣливо стал готовиться къ новому дѣлу. Моунтъ-Вернонъ, гдѣ еще недавно онъ изливалъ въ стихахъ свои любовныя страданія, теперь превратился для него въ военную школу. Онъ усердно занимался военной тактикой, стратегіей, обучался фехтованію

стрѣльбѣ, читалъ военныя сочиненія, записывая въ дневникъ всѣ поражавшія его мысли. Но скоро занятія эти пришлось прервать, чтобы сопровождать давно уже хворавшаго чахоткой брата Лоренса на островъ Барбадосъ (въ Вестъ-Индіи), куда посылали его врачи. По этому случаю Георгъ впервые совершилъ большое путешествіе по морю; судя по его запискамъ, онъ впрочемъ не столько интересовался красотою морскихъ пейзажей, сколько направленіемъ вѣтровъ, климатическими условіями и т. д. Едва пріѣхавъ въ Барбадосъ, Георгъ заболѣлъ оспой, отъ которой оправился, только благодаря уходу нѣжно любившаго его брата; но слѣды оспы навсегда остались на его лицѣ. Тропическая природа Вестъ-Индіи произвела на него сильное впечатлѣніе; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не упускалъ случая изслѣдовать почву, набюдать нравы жителей, общественныя учрежденія и охотно посѣщалъ театръ,—удовольствіе, до тѣхъ поръ невѣдомое для него.

Однако пребываніе на Барбадосѣ не возстановило силъ Лоренса; къ тому же онъ такъ тосковалъ по семьѣ, что Георгъ по просьбѣ брата отправился за его женою и ребенкомъ, намѣреваясь привезти ихъ въ Вестъ-Индію. Георгу пришлось ѣхать въ Моунтъ-Вернонъ зимою, когда, вслѣдствіе частыхъ бурь, морское плаваніе медленно подвигалось впередъ; корабль, на которомъ онъ плылъ, чуть-было не потерпѣлъ крушенія, о чемъ подробно говорится въ дневникѣ. Въ отсутствіе Георга Лоренсъ сталъ еще сильнѣе тосковать по своей родной Виргиніи, и раннею весной отправился самъ въ Моунтъ-Вернонъ. Дорога такъ изнурила его, что, едва успѣвъ добраться до дому, онъ скончался въ кругу своей семьи, 34-хъ лѣтъ отъ роду. Это было большимъ горемъ для Георга, такъ какъ онъ въ лицѣ Лоренса потерялъ лучшаго друга, вполнѣ замѣнявшаго ему отца. Имѣніе Моунтъ-Вернонъ, согласно отцовскому завѣщанію, въ случаѣ смерти Лоренса, должно было достаться Георгу, который скоро и вступилъ въ управленіе этимъ обширнымъ помѣстьемъ. Моунтъ-Вернонъ на всю жизнь остался любимымъ мѣстопребываніемъ Вашингтона, гдѣ онъ находилъ покой и отдыхъ отъ трудовъ и тревогъ общественной жизни.

Между тѣмъ отношенія французовъ и англичанъ продолжали обостряться. Французы строили крѣпости, снаряжали флотъ и тѣснили колонистовъ-англичанъ; наконецъ, виргинскій губернаторъ Динвидди рѣшилъ сдѣлать по этому поводу

представленія коменданту главной французской крѣпости на р. Френчъ-Крикѣ. Кромѣ переговоровъ съ французами, необходимо было еще снабдить союзныхъ индѣйцевъ оружіемъ и привлечь какъ можно больше краснокожихъ на сторону англичанъ; для выполненія этой миссіи, нуженъ былъ смѣлый, проницательный человѣкъ,—и выборъ губернатора палъ на Вашингтона, послѣ смерти брата снова занявшаго постъ маіора.

Поздней осенью 1753 г. Вашингтонъ съ нѣсколькими спутниками направился къ озеру Эри, близъ котораго находилась главная квартира французовъ; одинъ изъ товарищей Вашингтона, Джистъ, умѣлъ разговаривать съ индѣйцами. Дороги и погода были отвратительны, и путешествіе продолжалось больше мѣсяца по пустыннымъ мѣстностямъ, населеннымъ дикарями. Во время этого путешествія Вашингтонъ съумѣлъ привлечь на свою сторону нѣсколько индѣйскихъ племенъ и многое разузнать о силѣ французскаго войска и объ устройствѣ французскихъ укрѣпленій. Между прочимъ онъ узналъ, что французы уже весною собираются начать войну, разсчитывая быстротою своихъ дѣйствій взять перевѣсъ надъ болѣе многочисленными, но болѣе медлительными англичанами. Прибывъ на мѣсто своего назначенія, Вашингтонъ передалъ коменданту французской крѣпости письма и документы, врученные ему губернаторомъ. Губернаторъ въ своемъ письмѣ категорически заявлялъ, что земли на Огіо принадлежатъ англійской коронѣ, и требовалъ перемѣны образа дѣйствій французовъ относительно англичанъ. Пока французы совѣщались относительно отвѣта, Вашингтонъ осмотрѣлъ крѣпость и даже успѣлъ набросать ея планъ.

Получивъ отвѣтъ коменданта, и — надо сказать — отвѣтъ весьма уклончиваго характера, Вашингтонъ отправился въ обратный путь. Стоялъ декабрь. Рѣка была запружена плавучими льдами, такъ что плыть на лодкахъ было почти невозможно; пробираться сухимъ путемъ было не легче изъ-за массы выпавшаго снѣга. Наконецъ, Вашингтонъ, торопившійся назадъ, принужденъ былъ покинуть своихъ спутниковъ и своихъ лошадей и отправиться пѣшкомъ вдвоемъ съ Джистомъ, отыскивая дорогу сквозь лѣса по компасу, и на каждомъ шагу встрѣчая новыя затрудненія и опасности. Неустрашимые путешественники не падали однако духомъ, хотя не разъ сбивались съ пути, выбивались изъ силъ, ночевали на снѣгу и не предвидѣли конца своимъ скитаніямъ; къ тому же они знали, что шайки

индѣйцевъ, дружественныхъ французамъ, слѣдятъ за ними. Одинъ индѣецъ, взявшійся показать имъ дорогу, завелъ ихъ далеко въ сторону и даже стрѣлялъ въ Вашингтона—къ счастью не попавъ въ него. Совершенно разбитые, съ трудомъ отдѣлавшись отъ опаснаго индѣйца, добрались они до р. Аллеганы. Рѣка эта однако не замерзла, какъ они ожидали; только берега покрылись ледяной корой, а по серединѣ рѣки съ неудержимою силою несся плавучій ледъ. Между тѣмъ перебраться на другой берегъ было необходимо. Кое-какъ соорудивъ плотъ при помощи одного только топора, путники спустили его на воду; но плотъ понесло внизъ по теченію, не смотря на отчаянное сопротивленіе Вашингтона, упиравшагося шестомъ въ дно рѣки. Вдругъ о шестъ ударилась огромная глыба льда, Вашингтонъ потерялъ равновѣсіе и полетѣлъ въ воду. Вынырнувъ, онъ схватился за край плота и такимъ образомъ спасся. Пришлось пристать къ островку на серединѣ рѣки и здѣсь ночевать. Холодъ былъ страшный; Джистъ ночью отморозилъ себѣ руки и ноги, и можно себѣ представить, что чувствовалъ Вашингтонъ послѣ ледяной ванны. Къ утру однако ледъ окрѣпъ на столько, что измученные путешественники безъ труда перебрались на другой берегъ. Затѣмъ они продолжали свой путь въ Вилльямсбургъ— резиденцію губернатора, куда прибыли въ январѣ 1754 г. Вашингтонъ вручилъ губернатору письмо коменданта и далъ подробный отчетъ о своей миссіи, въ которой обнаружились выдающіяся военныя способности молодого маіора, успѣвшаго не только вступить въ дружбу съ индѣйцами, но и подробно развѣдать положеніе непріятеля и обозначить мѣста, наиболѣе удобныя для постройки крѣпостей. Виргинія имѣла полное основаніе гордиться имъ и возлагать на него большія надежды.

Свѣдѣнія, собранныя Вашингтономъ, ясно показывали, что необходимо готовиться къ оборонѣ, и губернаторъ распорядился, чтобы при сліяніи рѣкъ Мононгаэлы и Аллеганы выстроена была крѣпость (на Огіо).

Въ это время англійскому правительству трудно было добиться отъ колоній какихъ бы то ни было жертвъ въ пользу короны, такъ какъ, на мѣсто англійскаго патріотизма, началъ выступать патріотизмъ колоніальный, и оппозиціонный республиканскій духъ достигъ уже угрожающихъ размѣровъ. Съ большимъ трудомъ набирались полки; Вашингтону, сдѣланному подполковникомъ, приходилось вербовать солдатъ изъ всякаго

сброда безпріютныхъ людей; фермеры же отказывались идти на войну вслѣдствіе ничтожнаго жалованья. Только обѣщаніе губернатора раздѣлить 200,000 акровъ земли по Огіо между участниками войны послѣ ея окончанія побудило молодыхъ фермеровъ охотнѣе записываться въ рекруты.

Наконецъ, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ Вашингтонъ, усердно занимавшійся обученіемъ новобранцевъ, могъ выступить въ походъ во главѣ трехъ недурно сформированныхъ отрядовъ. Онъ получилъ предписаніе сохранять оборонительное положеніе; но, узнавъ, что французы завладѣли недостроенною англійской крѣпостью (на Огіо), назвавъ ее фортомъ Дюкеномъ, Вашингтонъ рѣшилъ аттаковать непріятеля вездѣ, гдѣ это окажется возможнымъ.

Послѣ многихъ трудныхъ переходовъ по мѣстности, гдѣ шагъ за шагомъ приходилось пролагать дорогу для перевозки тяжелаго оружія, Вашингтонъ дошелъ до мѣстности, извѣстной подъ названіемъ Большихъ Луговъ. Судя по письмамъ Вашингтона, онъ былъ въ это время полонъ отваги и воодушевленія, и былъ готовъ «даже безъ вознагражденія служить королю и отечеству». Это безкорыстіе навсегда осталось отличительною чертою Вашингтона, хотя впослѣдствіи онъ понялъ, что служба отечеству бываетъ иногда важнѣе службы королю.

Въ концѣ мая союзные индѣйцы увѣдомили Вашингтона, что вокругъ него уже нѣсколько дней бродитъ отрядъ французовъ. Взявъ съ собою лишь 40 человѣкъ, Вашингтонъ въ туже ночь отправился по темному, дремучему лѣсу въ то мѣсто, которое указывали ему индѣйцы. Вскорѣ послѣ восхода солнца, онъ набрелъ на отрядъ французовъ, состоявшій изъ 30 человѣкъ: они засѣли въ глубокомъ оврагѣ, и Вашингтонъ, горя нетерпѣніемъ сразиться, первый очутился на краю оврага; увидѣвъ, что французы схватились за оружіе, онъ скомандовалъ аттаку. Французы пытаются остановить англичанъ, выдавая себя за парламентеровъ; но Вашингтонъ понимаетъ, что имѣетъ дѣло со шпіонами, и начинается борьба — первая стычка Вашингтона съ непріятелемъ. Англичане убили начальника французскаго отряда, Жюмонвилля, и десятерыхъ французовъ, остальныхъ забрали въ плѣнъ. Вашингтонъ такъ разгорячился во время борьбы, что стоялъ въ самомъ жаркомъ огнѣ, не замѣчая этого, и спасся какимъ-то чудомъ.

Эта стычка была сигналомъ къ семилѣтней войнѣ между Фран-

ціей и Великобританіей. Такъ какъ въ это время война не была еще объявлена, то каждое изъ правительствъ обвиняло другое въ нарушеніи мира. Французы называли Вашингтона убійцей Жюмонвилля; но Вашингтонъ доказалъ, что имѣлъ полное основаніе считать Жюмонвилля за шпіона; это подтверждалось между прочимъ бумагами, найденными при Жюмонвиллѣ.

Подъ командой Вашингтона находилось въ это время 400 человѣкъ, и съ ихъ помощью онъ соорудилъ нѣчто вродѣ укрѣпленія на мѣстѣ, гдѣ стоялъ его лагерь. Такъ возникъ фортъ Нецессити, который въ началѣ іюля былъ аттакованъ 1,500 французовъ. Не смотря на всѣ старанія Вашингтона и на личное участіе его въ работахъ, фортъ укрѣпленъ былъ плохо, и англичанамъ пришлось согласиться на предлагаемыя французами условія капитуляціи. Условія эти заключались въ томъ, что отряду Вашингтона разрѣшалось отступить, обязавшись втеченіе года не дѣлать нападеній на французовъ.

Не смотря на неудачный исходъ экспедиціи, виргинское законодательное собраніе выразило Вашингтону благодарность за услуги, оказанныя отечеству. Вскорѣ однако, оскорбленный тѣмъ, что губернаторъ рѣшилъ уничтожить въ виргинской арміи чинъ выше капитана, Вашингтонъ, дорожившій своимъ чиномъ подполковника, дарованнымъ ему по желанію народа, вышелъ въ отставку и отправился въ Моунтъ-Вернонъ. Тамъ онъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ возможности вступить въ армію, не теряя своего достоинства. Это его желаніе скоро исполнилось.

Въ началѣ весны 1755 г. Англія наконецъ приняла участіе въ войнѣ своихъ колонистовъ съ французами. Въ Виргинію прислано было два регулярныхъ полка подъ начальствомъ генерала Брэддока, который рѣшилъ отнять у французовъ крѣпость Дюкенъ. Брэддокъ былъ храбрый воинъ, хорошо знакомый съ военнымъ дѣломъ, какъ оно было поставлено въ Европѣ; но онъ не зналъ ни страны, куда явился, ни пріемовъ войны, заимствованныхъ плантаторами у индѣйцевъ. Пришлось привлечь къ дѣлу офицеровъ изъ американцевъ, лучше посвященныхъ въ мѣстныя условія; между прочимъ, наслышавшись объ опытности Вашингтона, Брэддокъ старался и его притянуть въ свое войско. Вашингтонъ съ радостью согласился, разсчитывая быть полезнымъ англійскому генералу, и поступилъ въ его штабъ въ качествѣ волонтера; вскорѣ однако онъ назначенъ былъ адъютантомъ Брэддока. Но Брэддокъ, какъ ру-

тинеръ, никакъ не могъ освоиться съ новыми условіями, въ которыхъ приходилось бороться; тѣмъ не менѣе онъ не рѣшался слѣдовать совѣтамъ своего молодого адъютанта и съ недовѣріемъ относился къ планамъ Вашингтона, казавшимся ему неприложимыми къ дѣлу. Не смотря на просьбы и возраженія Вашингтона, Брэддокъ непремѣнно хотѣлъ подчинить виргинскихъ стрѣлковъ европейской дисциплинѣ; высокомѣрно относясь къ дикимъ индѣйцамъ, онъ не желалъ заключать союзовъ съ индѣйскими племенами и пользоваться услугами индѣйскихъ развѣдчиковъ; и вмѣсто того, чтобы, не теряя времени, двигаться впередъ и напасть на непріятеля, пока силы его еще были разсѣяны, англійскій генералъ хотѣлъ совершить походъ по всѣмъ правиламъ военнаго искусства, такъ что на каждомъ шагу приходилось останавливаться среди дремучихъ лѣсовъ, лишенныхъ всякихъ путей сообщенія. Образъ дѣйствій генерала приводилъ Вашингтона въ отчаяніе; душевное состояніе его еще ухудшилось, когда вдругъ посреди экспедиціи онъ опасно захворалъ, такъ что его пришлось тащить по непроходимымъ почти мѣстамъ въ экипажѣ, гдѣ онъ предавался самымъ безотраднымъ мыслямъ. Англичане между тѣмъ приближались къ форту Дюкену; въ день переправы черезъ рѣку Мононгаэлу Вашингтонъ, еще больной, сѣлъ верхомъ на лошадь и занялъ свое мѣсто рядомъ съ генераломъ. Едва успѣли солдаты Брэддока перебраться на другой берегъ и въ наилучшемъ порядкѣ вступить въ лѣсъ, какъ вдругъ на авангардъ со всѣхъ сторонъ посыпался градъ пуль. Непріятель однако былъ невидимъ. Солдаты пришли въ замѣшательство; одни виргинцы, привыкшіе къ подобнымъ неожиданностямъ, сохранили хладнокровіе. Не обращая вниманія на запрещеніе генерала, они разсыпались по лѣсу, чтобы на манеръ индѣйцевъ сражаться, спрятавшись за деревья; регулярные отряды стали отступать, и скоро началась такая паника, что всѣ усилія Брэддока возстановить порядокъ оказывались безполезными. Втеченіе трехъ часовъ французы и индѣйцы, спрятанные за деревьями и въ оврагахъ, обстрѣливали англичанъ, изъ которыхъ половина осталась на мѣстѣ. Генералъ и лучшіе его офицеры были смертельно ранены.

Во время битвы Вашингтонъ, не смотря на свою физическую слабость, проявилъ изумительную смѣлость и присутствіе духа. Подъ градомъ пуль, онъ бросался во всѣ сто-

роны, стараясь остановить бѣгущихъ и ободрить ихъ своимъ примѣромъ; подъ нимъ убито было двѣ лошади, сюртукъ его былъ прострѣленъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ, но самъ онъ остался невредимымъ. Всѣ старанія его поддержать мужество англійскихъ солдатъ были однако тщетны. Битва была безвозвратно проиграна. «Насъ позорно побили,—писалъ Вашингтонъ;—мы побиты горстью французовъ, которые вѣроятно хотѣли только помѣшать нашему движенію. Я убѣжденъ, что французовъ было не больше 300 человѣкъ, тогда какъ наше войско простиралось до 1,300 человѣкъ. Виргинцы проявили замѣчательную храбрость и всѣ почти погибли, благодаря позорному поведенію такъ называемаго регулярнаго войска»...

Въ самомъ безнадежномъ настроеніи отправился Вашингтонъ въ свое имѣніе, желая навсегда бросить военную дѣятельность. Но образъ дѣйствія Брэддока и его солдатъ только усилилъ популярность и славу Вашингтона; въ немъ одномъ видѣли спасеніе его соотечественники послѣ несчастной битвы на р. Мононгаэлѣ. Наиболѣе почтенные виргинцы въ одинъ голосъ умоляли его стать во главѣ колоніальной милиціи, и губернаторъ, не желая возбуждать разногласій, согласился на всѣ условія, поставленныя ему Вашингтономъ, и назначилъ его главнокомандующимъ Виргиніи съ чиномъ полковника. Между прочимъ Вашингтонъ сохранилъ за собою право назначать офицеровъ. Три года (1755—1758) былъ онъ главнокомандующимъ виргинскими войсками; эти три года были для него цѣлымъ рядомъ непріятностей и мученій, ни минуты не дававшихъ ему покоя.

Законодательное собраніе ассигновало средства на составленіе отряда въ 1500 человѣкъ для защиты границы, весьма неопредѣленной и тянувшейся на протяженіи нѣсколькихъ сотенъ миль. Индѣйцы въ эту пору огнемъ и мечомъ опустошали страну, потомъ на время исчезали, а затѣмъ снова появлялись въ еще бо́льшихъ количествахъ. Вашингтону приходилось постоянно и безуспѣшно преслѣдовать ихъ; вездѣ послѣ нихъ оставались развалины и трупы. Населеніе колоній не знало, куда приткнуться, и усваивало себѣ дикія привычки кочевниковъ, забывая о нравственномъ чувствѣ, объ общественныхъ связяхъ. Право сильнаго становилось закономъ для колонистовъ; бродячими толпами являлись они въ укрѣпленія и старались склонить солдатъ къ участію въ ихъ разбойнической жизни. Это часто

удавалось имъ: солдаты, счастливо спасшіеся отъ засадъ индѣйцевъ, дезертировали, и Вашингтонъ терялъ такимъ образомъ послѣднихъ своихъ подчиненныхъ. Говорить о дисциплинѣ, о порядкѣ въ арміи при такихъ обстоятельствахъ было невозможно. Если прибавить къ этому постоянныя препирательства между офицерами колоніальными и королевскими изъ-за чиновъ, а также несправедливыя нападки общественнаго мнѣнія, то получимъ довольно полную картину того, что испытывалъ Вашингтонъ. Не разъ думалъ онъ бросить взятое на себя дѣло, и только довѣріе друзей къ его силамъ и сознаніе долга удерживали его отъ этого. Не смотря на непокорность арміи, не смотря на свои неудачи, на страданія самолюбія, онъ не покинулъ поста, на которомъ одинъ могъ достойно служить своей родинѣ. Не падая духомъ, онъ продолжалъ непрерывную борьбу съ внѣшними врагами и съ внутренними неурядицами. Это была для него суровая школа, сформировавшая его умъ и характеръ, сгладившая противорѣчія его бурной и страстной натуры и приблизившая его къ той гармонической цѣльности, какой рѣдко удавалось достигать людямъ.

Когда во главѣ англійскаго министерства сталъ Питтъ, съумѣвшій сдѣлать политику Англіи болѣе энергичной и вліятельной, то положеніе Вашингтона стало нѣсколько лучше. Въ Америку посланы были три дивизіи, подъ главнымъ начальствомъ генерала Аберкромби, причемъ двѣ дивизіи должны были дѣйствовать на сѣверѣ, а третья, подъ предводительствомъ бригадира Форбса, отправлена была въ Виргинію, получивъ предписаніе овладѣть фортомъ Дюкенъ. Кромѣ того Питтъ понялъ, что необходимо уравнять въ правахъ и чинахъ офицеровъ (до полковника включительно) колоніальной и королевской арміи, чтобы уничтожить постоянныя пререканія, мѣшавшія единодушію войска; такимъ образомъ осуществлялась мѣра, которую Вашингтонъ давно уже считалъ чрезвычайно важной, и которая дѣйствительно облегчила положеніе дѣлъ. Форбсъ зналъ, что неудача Брэддока въ значительной мѣрѣ объясняется его пренебреженіемъ къ совѣтамъ Вашингтона, и потому постоянно совѣщался съ начальникомъ провинціальной милиціи. Къ регулярнымъ англійскимъ войскамъ и къ виргинской арміи вскорѣ примкнули пенсильванцы и нѣкоторые другіе колонисты въ числѣ 4,500 человѣкъ. Подъ командой Вашингтона находилось около 2,000 человѣкъ, разсѣянныхъ однако по большому про-

странству и нуждавшихся въ палаткахъ, продовольствіи и т. д. Въ такомъ положеніи находилось дѣло въ концѣ лѣта 1758 г. Въ это время Вашингтонъ отправился въ Вилльямсбургъ съ докладомъ о нуждахъ своего войска. Эта поѣздка имѣла рѣшающее значеніе для его личной жизни.

По дорогѣ въ Вилльямсбургъ Вашингтонъ познакомился съ Чэмберленомъ, имѣніе котораго находилось по близости, и который сталъ упрашивать Вашингтона заѣхать къ нему хоть пообѣдать, если ужъ никакъ нельзя погостить подольше. Вашингтонъ уступилъ настояніямъ гостепріимнаго помѣщика, и въ домѣ его впервые встрѣтился съ молодой вдовой, Мартой Кэстисъ. Какъ по отцу, такъ и по мужу, г-жа Кэстисъ, рожденная Дэндриджъ, принадлежала къ уважаемой фамиліи, а отъ мужа унаслѣдовала огромное состояніе и имѣла двухъ маленькихъ дѣтей. Это была женщина небольшого роста, но пропорціональнаго сложенія; очень красили ее большіе темно-каріе глаза, прекрасные каштановые волосы и пріятное выраженіе лица. Ея привлекательныя манеры и простота въ обращеніи сразу понравились Вашингтону. Не смотря на свою сдержанность и серьезность, онъ былъ очень чувствителенъ къ женскимъ прелестямъ, особенно въ минуты отдыха отъ военной жизни, и миссисъ Кэстисъ въ этотъ день покорила его сердце. Обѣдъ прошелъ незамѣтно, и хотя лошади были давно поданы, Вашингтонъ медлилъ ѣхать; наконецъ, онъ приказалъ разсѣдлать лошадей и только на слѣдующее утро отправился на мѣсто своего назначенія. Имѣніе г-жи Кэстисъ «Бѣлый Домъ» находилось недалеко отъ Вилльямсбурга, и Вашингтонъ проводилъ у нея всѣ свободные отъ занятій часы. Но военныя обязанности не позволяли Вашингтону долго оставаться въ Вилльямсбургѣ, и, боясь потерять миссисъ Кэстисъ, у которой и безъ него было не мало поклонниковъ, Вашингтонъ сдѣлалъ ей предложеніе. Красивый, молодой офицеръ, успѣвшій уже пріобрѣсти себѣ славу, столь притягательную для женщинъ, получилъ согласіе миссисъ Кэстисъ, и рѣшено было отпраздновать свадьбу послѣ взятія форта Дюкена.

Но походъ противъ Дюкена состоялся лишь черезъ нѣсколько мѣсяцевъ. Форбсъ медлилъ, и Вашингтону приходилось заниматься прокладываніемъ новой дороги, такъ какъ Форбсъ не хотѣлъ идти по тому пути, гдѣ уже разъ неудача постигла Брэддока.

Между тѣмъ на сѣверѣ дѣла англичанъ день ото дня улучшались, крѣпость за крѣпостью переходили въ ихъ руки, и

французы, дѣйствовавшіе на югѣ, перестали получать съ сѣвера подкрѣпленія. Вашингтонъ торопилъ Форбса, настаивая на томъ, чтобы совершить походъ по старой дорогѣ,—но напрасно. Наконецъ, только въ началѣ ноября 1758 г., вся англійская армія собрана была въ одинъ пунктъ, и рѣшено было двинуться въ путь, тѣмъ болѣе, что со всѣхъ сторонъ ходили слухи о слабости дюкенскаго гарнизона. Вашингтонъ повелъ авангардъ, а за нимъ форсированнымъ маршемъ послѣдовали остальные. Безпрепятственно подошло англійское войско къ форту Дюкену, который, какъ оказалось, былъ покинутъ непріятелемъ. Потерявъ надежду получить подкрѣпленіе съ сѣвера, французы, узнавъ о приближеніи англичанъ, предпочли удалиться и предоставить имъ завладѣть крѣпостью безъ сраженія. Правда, французы успѣли взорвать свои магазины и сжечь всѣ зданія, такъ что Вашингтонъ засталъ на этомъ мѣстѣ однѣ развалины. Исправивъ это укрѣпленіе, англичане назвали его въ честь своего перваго министра фортомъ Питтъ.

Такъ окончилось господство французовъ въ области Огіо, на границахъ которой снова водворились миръ и спокойствіе. Вашингтонъ рѣшилъ оставить военную службу, какъ только окончится кампанія противъ форта Дюкена. Здоровье его за нѣсколько лѣтъ бивуачной жизни сильно расшаталось, вѣчныя тревоги надоѣли ему, и душа его жаждала покоя. Еще до взятія Дюкена, Вашинггонъ, по совѣту своихъ друзей, согласился поставить свою кандидатуру въ депутаты законодательнаго собранія, куда и былъ избранъ огромнымъ большинствомъ голосовъ въ качествѣ представителя отъ графства Фредериксъ. Послѣ взятія Дюкена, Вашингтонъ вышелъ въ отставку и 6-го января 1759 г. женился на миссисъ Кэстисъ. Свадьба была отпразднована въ «Бѣломъ Домѣ» въ кругу многочисленныхъ друзей и знакомыхъ, какъ того требовало старинное виргинское гостепріимство.

Въ томъ же 1759 г. французскому владычеству нанесенъ былъ окончательный ударъ и въ Канадѣ. Однако еще до 1763 г. не разъ вспыхивали въ Канадѣ возстанія, которыя англичанамъ приходилось подавлять съ оружіемъ въ рукахъ. Наконецъ, къ великой радости американскихъ колоній Англіи, заключенъ былъ миръ.

Война Англіи съ Франціей изъ-за американскихъ территорій имѣла важныя послѣдствія для американцевъ. Англійскимъ

колонистамъ пришлось въ эту войну принести огромныя жертвы. Населеніе колоній было разорено, земли опустошены, недовольство положеніемъ дѣлъ принимало все бо̀льшіе размѣры. Въ народныхъ массахъ мало по малу пробуждалось сознаніе, проявившееся въ томъ, что колоніи начали требовать отъ метрополіи возмѣщенія своихъ убытковъ. Зарождалась мысль о полномъ отложеніи колоній отъ Англіи, и Англія всячески поддерживала эту мысль своими репрессаліями противъ американскаго населенія. Дѣло въ томъ, что съ уничтоженіемъ французскаго могущества въ Америкѣ англійскія колоніи не нуждались больше въ защитѣ метрополіи,—а это въ сущности было главною связью между Англіей и ея колоніями; спустя нѣсколько лѣтъ свободолюбивые американцы съумѣли стряхнуть съ себя гнетъ, вовсе не приходившійся имъ по вкусу.

Замѣтимъ въ заключеніе, что во время войны съ французами, которую мы могли разсмотрѣть здѣсь лишь въ самыхъ общихъ чертахъ, Вашингтонъ не совершилъ ни одного блестящаго подвига, но все-таки вполнѣ заслужилъ свою популярность и славу. Вся его жизнь за это время можетъ справедливо считаться подвигомъ; не легко было имѣть дѣло съ неорганизованной арміей и замѣнять недостатки военной организаціи своими личными достоинствами, не нарушая при этомъ законовъ и смѣло встрѣчая всякую опасность. Опытъ, пріобрѣтенный имъ въ войнѣ съ французами, болѣе чѣмъ пригодился ему впослѣдствіи. Вполнѣ подготовленный, взялся онъ за великое дѣло освобожденія своей родины, благодаря которому стяжалъ себѣ право на безсмертіе.

ГЛАВА III.

Деревенская жизнь Вашингтона.

Вашингтонъ — членъ законодательнаго собранія. — Жизнь въ деревнѣ. — Моунтъ-Вернонъ и его окрестности. — Отношеніе Вашингтона къ религіи. — Управленіе имѣніемъ и времяпрепровожденіе Вашингтона. — Обхожденіе съ рабами. — Охота и рыбная ловля. — Увеселенія. — Жизнь въ Аннаполисѣ. — Осушка болотъ.

Послѣ свадьбы Вашингтонъ прожилъ съ женой три мѣсяца въ ея помѣстьѣ, носившемъ названіе «Бѣлаго Дома», и оттуда часто ѣздилъ въ Вилльямсбургъ для исполненія своего политическаго долга, а именно для участія въ засѣданіяхъ законодательнаго собранія.

Не лишено интереса самое вступленіе Вашингтона въ это собраніе. Когда Вашингтонъ впервые появился на засѣданіе, то спикеръ (предсѣдатель) собранія—уже заранѣе рѣшившаго встрѣтить доблестнаго воина съ особеннымъ почтеніемъ — въ прочувствованныхъ словахъ благодарилъ его отъ имени всѣхъ колонистовъ за услуги, оказанныя имъ родинѣ во время войны. Вашингтонъ, не ожидавшій такой встрѣчи, такъ растерялся, что не сразу догадался встать, а вставъ, чтобы отвѣтить на обращенную къ нему рѣчь, вдругъ замялся, покраснѣлъ и въ смущеніи не могъ произнести ни слова. «Садитесь, мистеръ Вашингтонъ,—съ улыбкой замѣтилъ спикеръ,—ваша скромность не меньше вашихъ заслугъ, и смущеніе ваше краснорѣчивѣе всякихъ словъ». Таковъ былъ первый шагъ Вашингтона на гражданскомъ поприщѣ, на которомъ онъ съумѣлъ проявить такой же здравый умъ, такое же мужество, великодушіе и самоотверженіе, какъ и въ своей военной дѣятельности. Пока продолжались засѣданія законодательнаго собранія, Вашингтонъ неизмѣнно посѣщалъ ихъ, а затѣмъ переѣхалъ съ женою въ свой любимый Моунтъ-Вернонъ.

Жена Вашингтона унаслѣдовала отъ перваго мужа третью часть его обширныхъ помѣстій и огромнаго состоянія; остальныя двѣ трети должны были быть раздѣлены поровну между двумя дѣтьми миссисъ Вашингтонъ отъ перваго брака. По желанію ближайшаго родственника дѣтей, генерала Курта, Вашингтонъ былъ назначенъ опекуномъ дѣтей своей жены,—обязанность не всегда легкая и весьма деликатная, которую Вашингтонъ исполнялъ съ самою щепетильною добросовѣстностью, заботясь объ интересахъ дѣтей скорѣе какъ отецъ, нежели какъ опекунъ. До женитьбы Вашингтонъ долгое время носился съ мыслью побывать въ Англіи, гдѣ вѣроятно былъ бы встрѣченъ прекрасно: молва о его военныхъ подвигахъ успѣла уже распространиться въ Англіи. Но стремленіе къ скитальческой жизни совершенно исчезло у Вашингтона послѣ брака. Поселившись въ Моунтъ-Вернонѣ, онъ писалъ одному изъ своихъ друзей слѣдующее: «Полагаю, что теперь я надолго и прочно засѣлъ здѣсь вмѣстѣ съ пріятной спутницей моей жизни, и надѣюсь найти больше счастья въ этомъ уединеніи, нежели находилъ когда-либо среди суетнаго свѣта». Этого никакъ нельзя считать со стороны Вашингтона капризомъ или мимолетною прихотью. Онъ писалъ то, что серьезно обдумалъ, выражая при этомъ

свои самыя задушевныя желанія. Любовь къ деревенской жизни отвѣчала его самымъ искреннимъ и глубокимъ стремленіямъ, жизнь въ деревнѣ казалась ему идеаломъ, осуществленіемъ завѣтныхъ его мечтаній. Даже въ самый разгаръ политической жизни, при исполненіи обязанностей военнаго вождя своего народа, его тянуло въ деревню, и при первой возможности онъ, какъ Цинцинатъ, возвращался къ своему сельскому хозяйству. «Я думаю,—писалъ Вашингтонъ уже на склонѣ своихъ дней,—что нѣтъ жизни лучше жизни сельскаго хозяина. Видѣть, какъ изъ земли поднимаются растенія, какъ они процвѣтаютъ, благодаря искусству земледѣльца, — это наполняетъ созерцательный умъ идеями, которыя легче испытывать, чѣмъ выразить». «Земледѣліе всегда было любимымъ моимъ занятіемъ,—писалъ онъ послѣ революціи,—и я все болѣе и болѣе привязываюсь къ земледѣльческимъ дѣламъ; я думаю, что неиспорченному человѣку несравненно пріятнѣе совершенствовать свое полевое хозяйство, чѣмъ вся та пустая слава, какую можно пріобрѣсти опустошеніемъ земли, хотя бы одерживая непрерывныя побѣды».

Правда, имѣніе Вашингтона, Моунтъ-Вернонъ, было очаровательнымъ уголкомъ земного шара, и Вашингтонъ покидалъ это тихое пристанище только тогда, когда этого требовалъ отъ него общественный долгъ, стоявшій для него на первомъ планѣ. Моунтъ-Вернонъ, близкій сердцу Вашингтона уже по воспоминаніямъ дѣтства и юности, былъ расположенъ въ такой мѣстности, которая способна была хоть кого привлечь къ сельской жизни. Усадьба помѣщалась на холмѣ, поросшемъ лѣсомъ, и съ котораго открывался великолѣпный видъ на долину Потомака. Огромное имѣніе (въ 25,000 акровъ — приблизительно столько-же десятинъ) разбито было на нѣсколько хуторовъ или фермъ, изъ которыхъ каждая занималась какой нибудь спеціальной культурой и находилась подъ вѣдомствомъ особаго надсмотрщика. Письма Вашингтона къ этимъ надсмотрщикамъ, а также письма къ управляющему во время войны и во время президентства свидѣтельствуютъ о его знакомствѣ съ каждымъ клочкомъ принадлежавшей ему земли. Бо́льшая часть земель Вашингтона была покрыта дремучими лѣсами, во всѣхъ направленіяхъ изрѣзанными быстрыми, многоводными потоками и цвѣтущими долинами. Лѣсистая и холмистая мѣстность вдоль Потомака была словно создана для охоты, а охота была одной

изъ любимыхъ забавъ Вашингтона. «Во всей сѣверной Америкѣ нѣтъ помѣстья, лучше расположеннаго,—писалъ владѣлецъ Моунтъ-Вернона:—имѣніе лежитъ въ высокой, сухой и здоровой странѣ, въ трехъ стахъ миляхъ отъ моря, и орошается одною изъ прекраснѣйшихъ рѣкъ въ мірѣ». Окрестныя помѣстья и имѣнія отличались такимъ же характеромъ и такими же крупными размѣрами, какъ Моунтъ-Вернонъ; храня аристократическія традиціи, владѣльцы не дробили ихъ, а передавали по наслѣдству старшему въ родѣ. Такимъ образомъ Моунтъ-Вернонъ находился въ самомъ центрѣ тогдашней помѣщичьей жизни, въ настоящее время совершенно измѣнившей свой характеръ.

Господствующею церковью въ Виргиніи была англиканская. Какъ въ Англіи, каждое графство дѣлилось на приходы, и Вашингтонъ былъ членомъ церковнаго управленія въ двухъ приходахъ— Фэрфаксѣ и Труро, находившихся въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Моунтъ-Вернона. Когда старая церковь въ приходѣ Труро пришла въ разрушеніе, то поднятъ былъ вопросъ о постройкѣ новой, но прихожане никакъ не могли рѣшить, строить ли церковь на старомъ или на новомъ мѣстѣ. Наконецъ созвано было собраніе для окончательнаго рѣшенія этого вопроса. Другъ и сосѣдъ Вашингтона, Масонъ, краснорѣчиво уговаривалъ присутствующихъ строить церковь на старомъ мѣстѣ, и такъ подѣйствовалъ на своихъ слушателей, что они готовы были поддаться его увѣщаніямъ. Но тутъ поднялся Вашингтонъ и, не говоря ни слова, вынулъ изъ кармана какую-то бумагу и развернулъ ее. Это былъ подробный планъ трурскаго прихода, съ обозначеніемъ мѣста старой церкви, предполагавшагося мѣста новой и жилищъ всѣхъ прихожанъ. Вашингтонъ въ немногихъ словахъ объяснилъ собравшимся, что новое мѣсто находится на одинаковомъ разстояніи отъ жилищъ всѣхъ прихожанъ, а потому гораздо удобнѣе стараго; но прибавилъ, что предоставляетъ на благоусмотрѣніе своихъ слушателей дѣйствовать подъ вліяніемъ чувства, говорящаго въ пользу стараго мѣста, или подъ вліяніемъ разума и здраваго смысла. Доводъ Вашингтона оказался неопровержимымъ, и церковь рѣшено было строить на новомъ мѣстѣ. Случай этотъ очень характеренъ для Вашингтона, который не отличался краснорѣчіемъ, не любилъ тратить лишнихъ словъ и нерѣдко въ гораздо болѣе обширныхъ собраніяхъ сразу рѣшалъ дѣло своимъ здравымъ и мѣткимъ сужденіемъ.

Вашингтонъ поддерживалъ церкви обоихъ приходовъ своими средствами. По воскресеньямъ онъ обыкновенно посѣщалъ ту или другую церковь, если только былъ здоровъ и не слишкомъ плохи были дороги. Отличаясь глубокимъ религіознымъ чувствомъ, Вашингтонъ съ большимъ уваженіемъ относился къ религіи и съ дѣтства привыкъ бывать въ церкви. Насколько онъ былъ вѣрующимъ въ церковномъ смыслѣ—вопросъ другой; сохранились свѣдѣнія о томъ, что онъ не особенно охотно исполнялъ церковные обряды, не любилъ высказывать своихъ мнѣній о религіи и что даже, умирая въ полномъ сознаніи, ни разу не вспомнилъ о Богѣ. Одною изъ отличительныхъ чертъ его была религіозная терпимость; онъ цѣнилъ прежде всего хорошихъ работниковъ и хорошихъ людей, «будь то магометане, евреи, христіане, принадлежащіе къ какимъ бы то ни было сектамъ, или же атеисты». «Изъ всѣхъ причинъ вражды между людьми, самая печальная—это религіозная рознь, и слѣдовало бы по мѣрѣ возможности устранить ея вліяніе на жизнь мирныхъ гражданъ» — такъ выражается Вашингтонъ въ одномъ письмѣ. Каковы бы ни были личныя его вѣрованія, Вашингтонъ всегда публично выступалъ сторонникомъ религіи, считая, что она имѣетъ важное значеніе для народа.

Обширныя виргинскія помѣстья того времени были своего рода державами, центры управленія которыхъ находились въ помѣщичьихъ домахъ. Дома эти, а также и домъ Вашингтона, были окружены многочисленными службами—кухнями, коптильнями, мастерскими, конюшнями и т. д. Здѣсь верховнымъ и неограниченнымъ повелителемъ былъ самъ плантаторъ, владѣлецъ имѣнія. Главнымъ министромъ и исполнителемъ воли плантатора былъ экономъ или управляющій. Домашнія и полевыя работы исполнялись главнымъ образомъ неграми-невольниками, жившими въ деревушкѣ недалеко отъ помѣщичьей усадьбы. Особенно много негровъ работало на табачныхъ плантаціяхъ, которыхъ не мало было у Вашингтона. Недалеко отъ усадьбы расположены были обширныя деревянныя постройки для склада табаку, мельницы, моловшія пшеницу и маисъ, которыя разводились для прокормленія семьи плантатора и его негровъ. Рабы нерѣдко были ремесленниками—портными, сапожниками, кузнецами и т. д., такъ что каждое крупное имѣніе производило для себя все крайне необходимое; только предметы роскоши выписывались извнѣ — преимущественно изъ

Англіи. Плантаторы, жившіе на Потомакѣ, который былъ судоходною рѣкою, вели непосредственную торговлю съ Англіей. Рабы нагружали табакъ на корабли, спеціально приходившіе для этой цѣли; плантаторы клали свой штемпель на каждый пакетъ табаку и отправляли табакъ своимъ агентамъ въ Бристолѣ, Ливерпулѣ или Лондонѣ, а затѣмъ уже сводили съ этими агентами счеты. Вашингтонъ велъ свое деревенское хозяйство такъ же разумно и энергично, какъ и военныя дѣла. На первыхъ порахъ онъ обрабатывалъ свои поля по общераспространенному способу, но затѣмъ убѣдился, что это не всегда бываетъ раціонально, и постепенно сталъ вводить у себя разныя усовершенствованія, даже изобрѣлъ новый плугъ. Но всѣ свои нововведенія онъ, какъ практическій человѣкъ, испытывалъ сначала экспериментальнымъ путемъ, и опытъ заставлялъ его предпочитать одни сорта табаку, пшеницы или удобренія другимъ сортамъ. Пока обстоятельства позволяли ему жить въ его любимомъ Моунтъ-Вернонѣ, онъ самъ велъ всѣ свои счеты, записывалъ приходъ и расходъ въ счетныя книги, подводилъ итоги—и все это съ точностью и аккуратностью настоящаго торговца. Счетныя книги, сохранившіяся донынѣ,—лучшее доказательство дѣловитости и хозяйственности человѣка, который умѣлъ влагать свою душу и въ крупныя историческія событія, и въ мелкія житейскія дѣла. Сельское хозяйство было его гордостью: продукты его имѣнія отличались обиліемъ и такой доброкачественностью,что табакъ и мука со штемпелемъ Вашингтона никогда не подвергались обычному осмотру въ портахъ Вестъ-Индіи. По тѣмъ временамъ, Вашингтонъ имѣлъ порядочный доходъ съ Моунтъ-Вернона—приблизительно 1,000 фунтовъ стерлинговъ, или около 10,000 рублей на наши деньги.

Интересно посмотрѣть, какъ Вашингтонъ проводилъ время въ деревнѣ. Онъ всегда вставалъ очень рано, часто—и особенно зимою, когда ночи были длинныя,—до разсвѣта. Въ такихъ случаяхъ онъ зажигалъ свѣчу и писалъ или читалъ. Въ 7 час. утра лѣтомъ и въ 8 час. зимою онъ выпивалъ двѣ чашки чаю съ двумя-тремя маисовыми лепешками—и это составляло весь его скромный завтракъ. Тотчасъ послѣ завтрака онъ садился на лошадь и объѣзжалъ тѣ части своего имѣнія, гдѣ производились работы, тщательно все осматривая и нерѣдко помогая работникамъ своими собственными руками. Такъ проходило время до обѣда, который обыкновенно пода-

вался въ два часа. Вашингтонъ ѣлъ все охотно и никогда не былъ разборчивъ въ пищѣ. За обѣдомъ онъ любилъ выпить немножко пива или сидра и двѣ рюмки мадеры. До вечера время проходило за разнообразными занятіями, а въ девять часовъ, напившись чаю—это былъ любимый напитокъ Вашингтона,—владѣлецъ Моунтъ-Вернона ложился спать. Если погода была очень плоха, то Вашингтонъ не выѣзжалъ изъ дому, а пользовался случаемъ, чтобы привести въ порядокъ свои бумаги, счета и писать письма. Нерѣдко занимался онъ чтеніемъ или же читалъ вслухъ своей семьѣ—женѣ и ея дѣтямъ.

Мы уже упоминали о томъ, что Вашингтонъ былъ рабовладѣльцемъ, хотя, подобно Франклину, не сочувствовалъ самому учрежденію рабства. Но въ то время немыслимо было обрабатывать такія огромныя пространства земли иначе, какъ невольничьимъ трудомъ; единственное, что могъ сдѣлать Вашингтонъ,—это хорошо обращаться съ своими рабами и создать для нихъ по возможности человѣческія условія существованія. Всѣхъ рабовъ у Вашингтона было около 100—130 человѣкъ, и можно смѣло утверждать, что очень рѣдко этимъ несчастнымъ существамъ жилось такъ хорошо, какъ въ Моунтъ-Вернонѣ. Вашингтонъ держался того принципа, что «увѣщанія дѣйствуютъ на людей сильнѣе наказаній», и за всю свою жизнь пустилъ въ ходъ наказаніе не больше двухъ разъ. Но въ то же время онъ требовалъ отъ рабовъ своихъ, чтобы они добросовѣстно и точно исполняли возложенныя на нихъ работы. Онъ умѣлъ сразу опредѣлять, на какую работу годится тотъ или другой невольникъ, такъ какъ часто самъ лично слѣдилъ за работами и наблюдалъ за невольниками; онъ зналъ, сколько времени требуется въ среднемъ для исполненія той или другой работы, и всегда предъявлялъ рабамъ строгія, но справедливыя требованія. Жили рабы у Вашингтона довольно хорошо—въ деревушкѣ, состоявшей изъ хижинъ, окруженныхъ небольшими садиками, и убѣгали отъ него сравнительно рѣдко. Особенно заботился Вашингтонъ о своихъ неграхъ, когда они заболѣвали, держалъ для нихъ спеціально врача и требовалъ отъ своихъ служащихъ особеннаго вниманія къ больнымъ, возмущаясь обычнымъ отношеніемъ къ рабамъ, какъ къ вьючной скотинѣ. Безыскусственный дневникъ Вашингтона свидѣтельствуетъ о томъ, какъ часто самъ онъ посѣщалъ больныхъ негровъ и старался всячески облегчить ихъ страданія. Кор-

милъ онъ рабовъ хорошо, главнымъ образомъ маисовымъ хлѣбомъ и рыбой, которой много было въ Моунтъ-Вернонѣ; по праздникамъ приказывалъ выдавать каждому по стакану рома; не смотря на то, что бѣдняги нерѣдко злоупотребляли его добротой, онъ до конца жизни не измѣнилъ своего отношенія къ нимъ и въ завѣщаніи своемъ распорядился большую часть ихъ отпустить на волю. Замѣтимъ еще, что Вашингтонъ никогда не покупалъ рабовъ, какъ бы они ни были ему нужны, если для этого приходилось разлучать ихъ съ семьею; онъ предпочиталъ въ такихъ случаяхъ пріобрѣсти всю семью. Неудивительно поэтому, что рабы, прожившіе нѣсколько времени у Вашингтона, были искренно къ нему привязаны, не смотря на его требовательность. Но Вашингтонъ не только требовалъ работы отъ другихъ: онъ самъ готовъ былъ помогать своимъ рабамъ, когда это оказывалось нужнымъ. Сохранился разсказъ, что когда во время грозы вода прорвала плотину на мельницѣ, то Вашингтонъ, во главѣ своей домашней челяди, бросился туда и подъ проливнымъ дождемъ работалъ лопатой, пока плотина не была исправлена. Разумѣется, это былъ не единственный случай за время его жизни въ деревнѣ.

Моунтъ-Вернонъ и его окрестности изобиловали всякаго рода дичью. Вашингтонъ же былъ страстнымъ охотникомъ, хотя, по правдѣ сказать, рѣдко случалось ему застрѣлить какого-нибудь звѣря. Въ охотничій сезонъ, выѣзжая рано утромъ для осмотра работъ, онъ часто бралъ съ собою собакъ на случай, что увидитъ лисицу. Дѣйствительно, лисицу увидѣть было не рѣдкостью, но затравить ее Вашингтону почти никогда не удавалось. Ловкій, смѣлый наѣздникъ, онъ никогда не былъ искуснымъ охотникомъ. Въ охотничій сезонъ онъ раза два-три въ недѣлю выѣзжалъ на охоту съ гостями посѣтителями Моунтъ-Вернона, или съ сосѣдями—главнымъ образомъ съ Фэрфаксами изъ имѣнія Бельвуара, принадлежавшаго другу Вашингтона, Георгу Вилльяму Фэрфаксу. Тогда у Вашингтона или Фэрфакса устраивался обѣдъ, на которомъ Вашингтонъ, вопреки своему обыкновенію, всегда бывалъ очень оживленъ и веселъ.

Рыбная ловля также доставляла большое удовольствіе Вашингтону. Въ Потомакѣ водилось много разнообразной рыбы, и иногда, особенно когда въ рѣкѣ появлялись стаи сельдей, ловля ихъ принимала обширные размѣры. Около того же времени слетались массами дикія утки, охота на которыхъ особенно

нравилась Вашингтону. Но сильно смущали его всякіе бродячіе охотники и рыболовы, посягавшіе на его собственность. Это сердило и раздражало его до такой степени, что онъ самъ однажды расправился съ нарушителемъ его правъ. Какой-то человѣкъ повадился охотиться на утокъ въ болотахъ, принадлежавшихъ Вашингтону. Этотъ незваный, но частый гость, прячась въ камышахъ на берегу рѣки, истреблялъ дикихъ утокъ въ такихъ огромныхъ количествахъ, что пришлось принять противъ него мѣры: Вашингтонъ нѣсколько разъ предостерегалъ его и требовалъ, чтобы онъ удалился,—но все это оказывалось напраснымъ. Однажды, объѣзжая свои поля, Вашингтонъ услышалъ выстрѣлы со стороны рѣки; онъ тотчасъ же поскакалъ туда и засталъ охотника въ тотъ моментъ, когда онъ собирался отчалить на своемъ челнокѣ отъ берега. Вашинггонъ повелительнымъ голосомъ крикнулъ ему, чтобы онъ остановился, но охотникъ оттолкнулся отъ берега и схватился за ружье. Тогда Вашингтонъ бросился въ рѣку, схватилъ лодку, притянулъ ее къ берегу, выхватилъ изъ рукъ остолбенѣвшаго охотника ружье и такъ отколотилъ его, что тотъ навсегда потерялъ желаніе охотиться на землѣ Вашингтона.

Охота въ Моунтъ-Вернонѣ часто соединялась съ пріѣздомъ гостей; впрочемъ гости посѣщали Вашингтона и въ другое время. Чаще другихъ гостили у него капитанъ Гуго Мерсеръ, дважды спасшійся отъ ножа индѣйцевъ во время войны съ французами, и д-ръ Крэкъ, жившіе оба недалеко отъ Моунтъ-Вернона. Вашингтонъ всегда былъ радъ ихъ пріѣзду и любилъ вмѣстѣ съ ними предаваться военнымъ воспоминаніямъ. Подобно другимъ виргинскимъ землевладѣльцамъ, Вашингтонъ жилъ у себя въ деревнѣ на широкую ногу и могъ принимать своихъ друзей съ самымъ щедрымъ гостепріимствомъ. Роскошная сервировка, щегольскіе экипажи и породистыя лошади составляли страсть помѣщиковъ того круга, къ которому принадлежалъ Вашингтонъ. Все это выписывалось изъ Англіи; главнымъ образомъ плантаторы старались отличиться другъ передъ другомъ пріобрѣтеніемъ и воспитаніемъ лошадей, а потому часто устраивали у себя конскіе заводы; Вашингтонъ не отставалъ отъ сосѣдей, тѣмъ болѣе, что послѣ женитьбы состояніе его значительно увеличилось. Къ услугамъ миссисъ Вашингтонъ всегда была карета, четверка лошадей и четыре форейтора изъ негровъ въ красивыхъ ливреяхъ. Самъ Вашинг-

тонъ предпочиталъ ѣздить верхомъ. У него былъ конскій заводъ, содержавшійся въ отмѣнной чистотѣ и порядкѣ, а также прекрасныя охотничьи собаки. Птичій дворъ изобиловалъ выписанными издалека породами—куропатками, китайскими фазанами, гусями и т. п., а вокругъ дома пышно разрослись рѣдкой красоты растенія. Все это, вмѣстѣ взятое, уже дѣлало пріятной жизнь въ Моунтъ-Верноне; но богатые виргинскіе помѣщики не мало времени отдавали и разнообразнымъ въ то время деревенскимъ развлеченіямъ и увеселеніямъ. Нерѣдко Потомакъ являлся сценою великолѣпныхъ катаній на изящныхъ лодкахъ, выписанныхъ изъ Англіи, и одно время, судя по дневнику Вашингтона, вся страна была охвачена словно праздничной лихорадкой по случаю прибытія британскаго фрегата, остановившагося противъ дома Фэрфаксовъ. Въ Моунтъ-Вернонѣ и Бельвуарѣ давались одни за другими завтраки и обѣды офицерамъ, которыхъ въ обоихъ имѣніяхъ принимали съ одинаковымъ радушіемъ. Иногда Вашингтонъ ѣздилъ съ женою въ близъ-лежащій городокъ, Аннаполисъ, гдѣ въ то время находилось правительство Мэриленда. Тамъ они принимали участіе въ увеселеніяхъ, очень многочисленныхъ, въ честь членовъ законодательнаго собранія; тогда въ Аннаполисъ стекалось изысканное общество, происходившее отъ англійской аристократіи, еще многое сохранившей изъ своихъ прежнихъ привычекъ и на американской почвѣ. Обѣды, балы, театральныя представленія слѣдовали одни за другими во время засѣданій законодательнаго собранія. Вашингтонъ питалъ особенное пристрастіе къ театру,—удовольствіе, которое рѣдко выпадало на его долю во время его тяжелой во многихъ отношеніяхъ жизни. Не прочь былъ онъ и потанцовать, когда представлялся для этого случай; многія молодыя и красивыя лэди очень гордились тѣмъ, что онъ находилъ удовольствіе въ ихъ обществѣ, но все-таки считали его нѣсколько церемоннымъ и тяжеловѣснымъ.

Въ такой-то атмосферѣ деревенскихъ занятій и развлеченій, соединенныхъ съ общественною дѣятельностью, протекло нѣсколько счастливѣйшихъ лѣтъ въ жизни Вашингтона (1759—1775). Дѣтей у него не было, но зато къ дѣтямъ своей жены онъ относился съ истинно отеческою заботливостью и любовью, горячо принимая къ сердцу ихъ умственное и нравственное развитіе. Живя въ деревнѣ, въ кругу семьи, Вашингтонъ однако не пренебрегалъ своими общественными обязанностями.

Часто приходилось ему отлучаться изъ дому, какъ мировому судьѣ своего графства и какъ члену законодательнаго собранія. Щепетильность и добросовѣстность его во всякомъ общественномъ дѣлѣ поистинѣ достойны изумленія. Кромѣ того въ этотъ же періодъ жизни онъ рѣшилъ приступить къ осушкѣ болотъ, находившихся близъ его имѣнія. Хотя они не принадлежали ему, но онъ считалъ полезнымъ сдѣлать ихъ пригодными для культурной обработки. Болота эти простирались на 30 миль въ длину и миль на 10 въ ширину и до тѣхъ поръ не были еще никѣмъ изслѣдованы. Вашингтонъ со свойственной ему энергіей и смѣлостью взялся за это дѣло, съ большимъ трудомъ прошелъ ихъ вдоль и поперекъ, не останавливаемый ни дремучими кедровыми и кипарисными лѣсами, ни кустарниками и ползучими растеніями, ни стоячими прудами. Въ центрѣ этихъ болотъ онъ открылъ большое озеро, расположенное значительно выше прочихъ частей этой мѣстности, и рѣшилъ, что отсюда можно провести во всѣ стороны каналы и такимъ путемъ осушить болото. Онъ изложилъ результатъ своего изслѣдованія въ виргинскомъ законодательномъ собраніи, и скоро составилось общество для осушки этой дикой области. Такимъ образомъ Вашингтонъ всюду, гдѣ только могъ, вносилъ начатки культуры, стараясь вездѣ и во всемъ облегчить и возвысить жизнь людей, среди которыхъ приходилось ему дѣйствовать.

ГЛАВА IV.

Причины и начало американской революціи.

Недовольство образомъ дѣйствій Англіи. — Система воздержанія въ Америкѣ. — Первый континентальный конгрессъ. — Сраженіе при Лексингтонѣ. — Вашингтонъ—главнокомандующій арміи. — Недостатки арміи. — Наборъ новой арміи — Занятіе Бостона.

Пока Вашингтонъ мирно жилъ въ Моунтъ-Вернонѣ, на общественномъ горизонтѣ Америки собиралась гроза. Согласно давнишнему постановленію англійскаго парламента, англійскія колоніи сѣверной Америки имѣли право вести торговлю только съ Англіей, причемъ воспрещался вывозъ изъ Америки нѣкоторыхъ предметовъ, производившихся въ Англіи. Конечно, это постановленіе было крайне невыгодно для колоній; съ нимъ однако приходилось мириться, пока колоніи нуждались въ военной защитѣ своей метрополіи. Но послѣ вытѣсненія фран-

пузовъ, положеніе дѣлъ измѣнилось. Республиканскія идеи и демократическій духъ прежде всего обнаружились въ сѣверныхъ колоніяхъ, которыя стали слѣдить ревнивымъ окомъ за дѣйствіями Англіи.

Война съ Франціей въ Америкѣ ввела Англію въ большіе расходы, и британское правительство рѣшило привлечь колоніи къ покрытію этихъ расходовъ, наложивъ пошлины на нѣкоторые предметы потребленія, ввозившіеся въ Америку изъ Англіи. Между тѣмъ, по духу англійской конституціи, введеніе прямыхъ и косвенныхъ налоговъ въ колоніяхъ было исключительнымъ правомъ мѣстныхъ законодательныхъ собраній. Но, не смущаясь этимъ, англійскій парламентъ обложилъ пошлинами патоку и сахаръ, ввозившіеся въ порты Новой Англіи и главнымъ образомъ въ Бостонъ. Вскорѣ обложены были пошлинами и другіе предметы ввоза и установленъ былъ строгій надзоръ за контрабандной торговлей, которую колоніи втихомолку вели съ французами и испанцами, и на которую Англія раньше смотрѣла сквозь пальцы. Благодаря этому, значительная часть населенія разорилась, и недовольство колоній росло не по днямъ, а по часамъ. Колоніи отправили было петицію королю и парламенту объ отмѣнѣ пошлинныхъ актовъ и послали въ Англію въ качествѣ своего уполномоченнаго Франклина. Но англійское правительство слишкомъ нуждалось въ деньгахъ, чтобы внять голосу колоній, и предпочитало нарушать конституцію. Правда впрочемъ, что парламентъ отмѣнилъ пошлины на нѣкоторые товары; но зато, какъ бы въ подтвержденіе правъ Англіи облагать колоніи налогами, изданъ былъ знаменитый актъ о гербовомъ сборѣ, по которому всѣ дѣловыя бумаги въ колоніяхъ должны были писаться на гербовой бумагѣ. Но колоніи твердо рѣшили воспротивиться этому незаконному акту и не допускать у себя его осуществленія. Теперь заговорили нетолько сѣверныя, но и южныя колоніи, отличавшіяся сравнительно большею преданностью королю, вслѣдствіе того, что тамъ находились обширныя помѣстья выселившейся англійской аристократіи. Но населеніе южныхъ колоній все-таки не желало отказываться отъ своихъ автономныхъ правъ, гарантированныхъ англійской конституціей, и добровольно исполнять деспотическія притязанія Англіи. Сѣверъ и югъ оказались объединенными по своимъ интересамъ. Актъ о гербовомъ сборѣ долженъ былъ вступить въ силу 1-го ноября 1765 г. Во многихъ колоніяхъ

населеніе сожгло склады съ гербовой бумагой и взялось за оружіе, такъ что англійскій парламентъ вынужденъ былъ отмѣнить ненавистный актъ. Но взамѣнъ этого обложены были пошлинами папка, краска и чай, привозившіеся изъ Англіи. Очевидно, что метрополія не обращала никакого вниманія на права колоній самимъ назначать пошлины и налоги. Колоніи понимали, что петиціями дѣлу не поможешь, и рѣшили не принимать къ себѣ англійскихъ товаровъ, за которые взимались пошлины. Эта мѣра имѣла въ виду ударить по карману англійскихъ купцовъ и принудить ихъ добиться отъ своего правительства отмѣны пошлинъ. Вашингтонъ, горячо сочувствовавшій этой мѣрѣ, принялъ дѣятельное участіе въ ея проведеніи.

Правда, Вашингтонъ былъ въ молодости искреннимъ монархистомъ, и симпатіи къ Англіи и ея учрежденіямъ глубоко коренились въ его природѣ; но еще больше онъ любилъ свою родину и всею душой стоялъ за сохраненіе ея политическихъ вольностей. На первыхъ порахъ однако Вашингтонъ былъ противъ борьбы съ оружіемъ въ рукахъ, такъ какъ надѣялся мирнымъ путемъ уладить отношенія между Англіей и колоніями. Изъ всѣхъ мирныхъ средствъ борьбы наиболѣе вѣрнымъ казалось ему воздержаніе отъ покупки англійскихъ товаровъ, обложенныхъ пошлинами. Онъ самъ, вмѣстѣ съ другомъ своимъ Масономъ, выработалъ систему воздержанія и представилъ свой проектъ законодательному собранію Виргиніи. Проектъ былъ принятъ, и всѣ члены собранія подпиской обязались не покупать обложенныхъ пошлинами товаровъ, кромѣ крайне необходимыхъ для жизни. Затѣмъ уставъ общества воздержанія былъ отпечатанъ и разосланъ по всѣмъ колоніямъ. Такимъ образомъ система воздержанія распространилась по всей странѣ и явилась первымъ шагомъ къ объединенію колоній. Самъ Вашингтонъ строго придерживался этой системы; въ домѣ его нельзя было найти ни одного изъ запрещенныхъ продуктовъ, даже чаю, до котораго онъ былъ большой охотникъ.

Событія принимали мало по малу все болѣе зловѣщій характеръ. Въ Бостонѣ и другихъ городахъ Новой Англіи разставлены были войска яко бы для поддержанія порядка; присутствіе ихъ крайне раздражало населеніе. Въ мартѣ 1770 г. въ Бостонѣ произошло столкновеніе между солдатами и народомъ (бостонская рѣзня), вызвавшее по всей странѣ бурю негодованія, и во многихъ мѣстахъ начали втихомолку гото-

виться къ войнѣ. Въ то-же время англійскій парламентъ вынужденъ былъ отмѣнить нѣкоторыя пошлины и понизить пошлину на чай, такъ какъ система воздержанія причинила большіе убытки англійской торговлѣ. Надѣясь въ виду этого продать свой чай въ Америкѣ, одна остъ-индская компанія отправила изъ Англіи въ Бостонъ нѣсколько кораблей, нагруженныхъ чаемъ. Но бостонцы и слышать не хотѣли о покупкѣ чая до тѣхъ поръ, пока не будутъ отмѣнены всѣ пошлины безъ исключенія, и требовали удаленія кораблей изъ гавани. Но такъ какъ корабли не удалялись, то ночью 18-го декабря 1773 г. бостонцы, переодѣтые индѣйцами, взобрались на корабли и выбросили весь чай въ море. Въ наказаніе за этотъ поступокъ англійскій парламентъ издалъ актъ, закрывавшій гавань Бостона съ 1-го іюня 1774 г. на неопредѣленное время. Дѣло зашло на этотъ разъ слишкомъ далеко, и всѣ колоніи почувствовали, что существованію ихъ грозитъ опасность. Въ маѣ 1774 г. собралось законодательное собраніе Виргиніи и протестовало противъ закрытія гавани Бостона, постановивъ 1-ое іюня провести въ постѣ и молитвѣ съ цѣлью отвратить угрожающую опасность. Не смотря на требованіе губернатора, чтобы собраніе разошлось, оно продолжало свои засѣданія въ другомъ мѣстѣ и рѣшило снестись съ другими колоніями, предлагая какъ можно скорѣе созвать конгрессъ делегатовъ отъ всѣхъ колоній. Мысль о такомъ конгрессѣ впервые высказана была Франклиномъ уже раньше. Но въ этотъ моментъ конгрессъ являлся насущною необходимостью. Это прекрасно понималъ Вашингтонъ, ясно видѣвшій, что въ отношеніяхъ колоній съ метрополіей наступилъ кризисъ, и что необходимо дѣйствовать энергично. «Я не берусь сказать,—писалъ въ это время Вашингтонъ одному изъ своихъ друзей, который былъ горячимъ приверженцемъ англійскаго режима и врагомъ оппозиціи,—гдѣ должна быть проведена пограничная черта между Великобританіей и колоніями; но я убѣжденъ въ томъ, что такая черта должна быть проведена, и наши права должны быть точно опредѣлены. Я лично желалъ бы предоставить рѣшеніе этого спора потомкамъ. Но теперь насталъ критическій моментъ, когда мы должны отстоять наши права или же подчиниться всякимъ налогамъ, которыми будутъ облагать насъ, до тѣхъ поръ, пока обычай и привычка не сдѣлаютъ изъ насъ покорныхъ и презрѣнныхъ рабовъ.»

5-го сентября конгрессъ долженъ былъ собраться въ Филадельфіи. Въ числѣ пяти делегатовъ отъ Виргиніи находились Вашингтонъ и Патрикъ Генри, одинъ изъ наиболѣе выдающихся поборниковъ американской свободы.

Первый континентальный конгрессъ былъ воплощеніемъ національнаго единства колоній, хотя еще довольно слабаго. Конгрессъ первымъ долгомъ приступилъ къ обсужденію мѣръ для того, чтобы вывести страну изъ критическаго положенія. Рѣшено было составить ассоціацію противъ ввоза и потребленія англійскихъ товаровъ и вывоза нѣкоторыхъ американскихъ товаровъ въ Англію и въ то-же время отправить воззваніе къ англійскому народу и къ населенію англійскихъ колоній въ Америкѣ, а королю Англіи послать вѣрноподданическій адресъ.

Во время преній когресса Вашингтонъ говорилъ очень мало и больше держался въ тѣни. Но что онъ оказывалъ вліяніе на всѣ постановленія конгресса, видно изъ слѣдующаго эпизода. Послѣ конгресса кто-то спросилъ Патрика Генри, кого изъ членовъ конгресса онъ считаетъ наиболѣе выдающимся. Генри отвѣтилъ: «Если вы говорите о краснорѣчіи, то мистеръ Рутледжъ изъ Южной Каролины несомнѣнно самый выдающійся ораторъ. Но если вы говорите о солидныхъ свѣдѣніяхъ и здравомъ сужденіи, то самымъ выдающимся слѣдуетъ считать полковника Вашингтона изъ Виргиніи».

Не смотря на защиту правъ колоній въ палатѣ лордовъ Питтомъ, колоніальная политика Георга III послѣ этого не измѣнилась къ лучшему. Англія сама подзадоривала свои колоніи къ войнѣ и пошла на примиреніе только тогда, когда было уже слишкомъ поздно.

Между тѣмъ всѣ сѣверо-американскія колоніи Англіи исподволь готовились къ войнѣ. Въ Виргиніи сформировалось нѣсколько отрядовъ подъ предлогомъ предстоявшей будто-бы войны съ индѣйцами. Офицеры этихъ отрядовъ очень часто обращались за совѣтами къ Вашингтону, который охотно помогалъ своими указаніями и лично обучалъ тѣ или другіе отряды. Англійское правительство однако не давало отвѣта на резолюцію конгресса. Въ Массачусетсѣ ропотъ былъ особенно силенъ въ виду того, что губернаторъ этой колоніи, Гэджъ, былъ уполномоченъ ввести парламентскіе акты въ дѣйствіе при помощи военной силы. Въ виргинскомъ собраніи Патрикъ Генри требовалъ военной обороны страны: «Призывъ къ оружію и обращеніе

къ Богу воинствъ,—вотъ все, что́ намъ осталось!» воскликнулъ онъ въ концѣ своей рѣчи. Вашингтонъ горячо сочувствовалъ Генри и былъ выбранъ въ коммисію, которая должна была заняться организаціей обороны страны. 10-го мая въ Филадельфіи вторично долженъ былъ собраться конгрессъ, и въ числѣ виргинскихъ делегатовъ опять находился Вашингтонъ. Онъ теперь уже ясно понималъ, что придется съ оружіемъ въ рукахъ отстаивать права своихъ согражданъ. «Я принялъ твердое рѣшеніе,—писалъ онъ своему брату Августину,—въ случаѣ надобности пожертвовать своей жизнью и своимъ состояніемъ ради дѣла, въ которомъ мы такъ глубоко заинтересованы».

Въ сѣверныхъ колоніяхъ, особенно въ Массачусетсѣ, чрезвычайно дѣятельно готовились къ войнѣ. Генералъ Гэджъ, временный главнокомандующій британскихъ войскъ въ Америкѣ, началъ стягивать свою армію въ Бостонъ. Гэджъ рѣшилъ разрушить складъ американскаго оружія въ Конкордѣ и съ этою цѣлью вечеромъ 18-го апрѣля выслалъ изъ Бостона отрядъ въ 900 человѣкъ, подъ начальствомъ полковника Смита. Но бостонцы провѣдали объ этомъ планѣ, а также о намѣреніи арестовать нѣсколькихъ американскихъ патріотовъ, и подняли тревогу. Едва успѣлъ Смитъ выступить изъ города, какъ на всѣхъ бостонскихъ колокольняхъ появились сигнальные фонари, и скоро со всѣхъ сторонъ начали доноситься пушечные выстрѣлы, предупреждавшіе окрестное населеніе объ опасности. Въ Лексингтонѣ Смитъ встрѣтился съ вооруженнымъ отрядомъ американцевъ, который однако же разсѣялся послѣ перваго ружейнаго залпа, даннаго англичанами. Прибывъ въ Конкордъ, Смитъ нашелъ его защищеннымъ отрядомъ въ 500 человѣкъ; къ тому же американцы успѣли убрать главную массу пороха и оружія въ другое мѣсто. Смиту пришлось отступать въ Бостонъ, причемъ на каждомъ шагу отрядъ его подвергался нападеніямъ американцевъ. Каждый домъ, каждый пригорокъ, каждое дерево по дорогѣ скрывали ожесточенныхъ американцевъ; ружейные выстрѣлы выходили словно изъ-подъ земли. Достигнувъ Лексингтона, отрядъ Смита обратился въ безпорядочное бѣгство, не смотря на подоспѣвшее подкрѣпленіе. Американцы до того пылали жаждой мести, что ни пушки, ни численность подкрѣпленія (2,000 человѣкъ) не оказывали на нихъ дѣйствія. Англичанамъ пришлось отступить, такъ какъ немыслимо было продолжать борьбу съ невидимымъ врагомъ.

сражавшимся на манеръ индѣйцевъ. Нѣсколько сотъ англичанъ осталось на мѣстѣ. Въ этотъ день американская свобода получила свое первое кровавое крещеніе. Началась американская революція.

Получивъ извѣстіе о битвѣ при Лексингтонѣ, Вашингтонъ принялъ твердое рѣшеніе сражаться за попранныя права своей родины. «Великое несчастіе видѣть, какъ мечъ брата вонзается въ грудь брата, и сознавать, что эти нѣкогда счастливыя и мирныя поля Америки должны быть или обагрены кровью, или населены рабами. Печальная альтернатива! Но можетъ-ли порядочный человѣкъ колебаться въ своемъ выборѣ?»—такъ писалъ онъ въ это время одному изъ своихъ лондонскихъ друзей.

Второй конгрессъ, открывшійся 10-го мая 1775 г., понимая, что надо во-время воспользоваться энтузіазмомъ населенія, тотчасъ приступилъ къ выработкѣ системы національной обороны. Вашингтонъ предсѣдательствовалъ въ коммисіи, избранной для этой цѣли. Благодаря опытности и практичности Вашингтона, коммисія скоро справилась со своей задачей. Рѣшено было немедленно набрать 10 полковъ въ разныхъ колоніяхъ и присоединить ихъ къ милиціи Новой Англіи, уже стоявшей подъ Бостономъ, который находился въ рукахъ англичанъ. Для покрытія военныхъ расходовъ рѣшено было выпустить бумажныя деньги на сумму 3 милліона долларовъ. Континентальная армія и ея главнокомандующій, котораго еще предстояло выбрать, должны были подчиняться конгрессу, какъ верховному учрежденію страны.

Хотя населеніе Новой Англіи первое схватилось за оружіе, но оно не претендовало, чтобы главнокомандующій былъ выбранъ изъ его среды; делегаты отъ Новой Англіи на конгрессѣ первые предложили выбрать кандидатомъ на эту должность Вашингтона, понимая, что выборъ главнокомандующаго изъ богатаго и вліятельнаго юга еще сильнѣе привяжетъ южныя колоніи къ общему дѣлу. Кромѣ того на этотъ постъ слѣдовало избрать человѣка, который личными своими достоинствами могъ-бы замѣнить недостатки военной организаціи. Вашингтонъ уже былъ человѣкъ опытный и показалъ во время войны съ французами, съ какими громадными трудностями онъ умѣетъ справляться. Не блестящіе таланты выдвинули Вашингтона, а глубокій, обстоятельный умъ, сильная воля, терпѣніе и высокіе нравственные принципы. Это вызвало къ нему общее

уваженіе и убѣжденіе, что онъ можетъ руководить дѣйствіями другихъ людей. Конечно, не малую роль играло и богатство Вашингтона, дававшее ему возможность служить безъ жалованья. Всѣ эти соображенія побудили конгрессъ единогласно избрать Вашингтона главнокомандующимъ американской арміи. Выражая конгрессу благодарность за великую честь, оказанную ему, Вашингтонъ между прочимъ сказалъ: «Такъ какъ успѣхъ не всегда отвѣчаетъ ожиданіямъ, то я объявляю сегодня съ величайшей откровенностью и искренностью, что не чувствую себя способнымъ выполнить эту сложную задачу. Что́ же касается жалованья, то прошу собраніе повѣрить мнѣ, что я не желаю извлекать никакихъ доходовъ изъ своего положенія, такъ какъ никакіе разсчеты на выгоду не могли бы побудить меня принять этотъ тяжелый постъ и отказаться отъ домашняго спокойствія и счастья». Оффиціально возведенный въ чинъ генерала и избранный главнокомандующимъ, Вашингтонъ отправился въ дѣйствующую армію, стоявшую подъ Бостономъ.

Разъяренные безтактными дѣйствіями Гэджа, американцы, въ числѣ 1500 человѣкъ, подъ начальствомъ генерала Путнама, отдѣлились отъ арміи, осаждавшей Бостонъ, захватили холмы около гавани и укрѣпились тамъ. Англичане съ величайшимъ трудомъ и большими потерями вытѣснили американцевъ съ этой позиціи, все болѣе и болѣе убѣждаясь, что не такъ-то легко имѣть дѣло съ американскими «оборванцами».

2-го іюля Вашингтонъ прибылъ въ Кэмбриджъ, гдѣ находилась главная военная квартира американской арміи. Народъ вездѣ торжественно встрѣчалъ его, армія также приняла его сердечно. Это очень ободрило Вашингтона и укрѣпило его вѣру въ себя.

Въ это время число англичанъ доходило до 12,000 человѣкъ; американская армія простиралась до 15,000 и была расположена около Бостона въ видѣ длиннаго полукруга. Вашингтонъ былъ того мнѣнія, что американцамъ слѣдовало бы имѣть армію по численности вдвое большую, чѣмъ непріятельская; но пока это было дѣломъ невозможнымъ; созванный имъ военный совѣтъ рѣшилъ увеличить армію по крайней мѣрѣ до 22,000 человѣкъ и обратиться къ колоніямъ Новой Англіи съ просьбой по возможности скорѣе пополнить этотъ недостатокъ рекрутскимъ наборомъ.

Послѣ этого Вашингтонъ занялся выработкой новаго плана

военной организаціи, стараясь устранить многіе недостатки, которыми страдала армія. Важнѣйшимъ изъ этихъ недостатковъ было отсутствіе дисциплины, ибо у каждой колоніи были свои военные законы, иногда прямо противорѣчившіе другъ другу; солдаты же и офицеры ничего не хотѣли знать объ общихъ правилахъ и руководились своими мѣстными законами и контрактами, заключенными ими при поступленіи на службу. Постановленія конгресса игнорировались; офицерамъ; назначеннымъ конгрессомъ, не повиновались. Привыкнувъ у себя дома къ самоуправленію, солдаты хотѣли сами избирать офицеровъ, не признавали общихъ дисциплинарныхъ правилъ, а это приводило къ нескончаемымъ безпорядкамъ въ арміи. Вашингтону стоило величайшаго труда завести въ войскѣ хоть нѣкоторый порядокъ; приходилось постоянно лавировать между демократическими чувствами арміи и требованіями военной дисциплины, и лишь въ самыхъ крайнихъ случаяхъ онъ прибѣгалъ къ силѣ для пресѣченія неурядицъ. Вашингтонъ всегда старался подѣйствовать на своихъ солдатъ разумными доводами, излагаемыми въ особыхъ приказахъ по арміи. Къ предвзятымъ мнѣніямъ и предразсудкамъ онъ обнаруживалъ самую широкую терпимость. Онъ старался составлять полки изъ солдатъ, принадлежавшихъ къ одной и той же колоніи

Такъ какъ армія была организована на скорую руку, то въ ней ощущался большой недостатокъ въ палаткахъ, платьѣ, оружіи и главное въ порохѣ. Вашингтонъ не могъ безъ ужаса думать о томъ, какая участь постигла бы его армію, еслибы непріятель вздумалъ дать генеральное сраженіе. Врагъ всякой лжи, онъ вынужденъ былъ лгать въ данномъ случаѣ и распространять среди окрестнаго населенія ложные слухи, чтобы истина какъ-нибудь не дошла до англичанъ.

Всѣ эти недостатки арміи вовлекли Вашингтона въ обширную переписку съ конгрессомъ, который съ большимъ интересомъ относился къ докладамъ, письмамъ и проектамъ главнокомандующаго. Но тѣмъ не менѣе Вашингтонъ долгое время не могъ добиться усиленія военной власти и продленія срока военной службы. Какъ истинно демократическое учрежденіе, конгрессъ крайне подозрительно относился къ мысли о постоянной арміи и къ усиленію власти главнокомандующаго. Срокомъ военной службы конгрессъ сначала назначилъ одинъ годъ; но въ одинъ годъ невозможно было надлежащимъ обра-

зомъ обучить солдатъ, и они, едва привыкнувъ къ военному дѣлу, покидали службу, такъ что каждый годъ приходилось имѣть дѣло съ совершенно неопытными новобранцами. Вашингтонъ настаивалъ на томъ, чтобы срокъ военной службы былъ продленъ на три года, но конгрессъ долгое время и слышать объ этомъ не хотѣлъ. Это связывало главнокомандующаго по рукамъ и по ногамъ; недовѣріе къ нему конгресса сильно его оскорбляло, но онъ понималъ и цѣнилъ побужденія, руководившія конгрессомъ, а потому не мѣнялъ добрыхъ отношеній съ нимъ и свято соблюдалъ всѣ его предписанія, хотя бы эти предписанія шли въ разрѣзъ съ его взглядами. Но все время революціи ничто не могло поколебать уваженія Вашингтона къ гражданской власти, и онъ всегда былъ убѣжденъ, что гражданская власть должна стоять выше военной. Въ этомъ отношеніи Вашингтонъ являетъ собою образецъ республиканскаго генерала, справедливо сравниваемаго съ доблестными полководцами древности.

Такъ какъ конгрессъ былъ лишенъ исполнительной власти, то Вашингтону волей-неволей приходилось обращаться къ мѣстнымъ учрежденіямъ колоній, преимущественно къ законодательнымъ собраніямъ, для осуществленія предписаній конгресса: исполнительная власть всецѣло находилась въ рукахъ мѣстныхъ учрежденій. Отъ нихъ зависѣлъ подвозъ амуниціи и провіанта, назначеніе офицеровъ и т. д. Переписка съ мѣстными учрежденіями заставила Вашингтона приходить въ соприкосновеніе съ основными элементами общественной организаціи и ознакомиться какъ нельзя лучше съ механизмомъ общественнаго самоуправленія; отсюда его изумительная опытность въ гражданскихъ дѣлахъ, обнаруженная имъ во время президентства.

Въ октябрѣ генералъ Гэджъ былъ отозванъ въ Англію. Во время войны съ французами Гэджъ былъ товарищемъ Вашингтона; но, разумѣется, съ началомъ революціи отношенія между ними измѣнились. Узнавъ о дурномъ обращеніи англичанъ съ плѣнными американцами, Вашингтонъ письменно просилъ Гэджа обращаться съ ними по человѣчески. Гэджъ отвѣтилъ на эту просьбу грубымъ письмомъ, гдѣ доказывалъ, что обращается съ американцами лучше, нежели они того заслуживаютъ, такъ какъ ихъ всѣхъ слѣдовало бы перевѣшать, какъ мятежниковъ. Вашингтонъ тогда написалъ Гэджу, что

будетъ не менѣе сурово обходиться съ военноплѣнными англичанами. Но онъ никогда не приводилъ въ исполненіе своей угрозы, считая дурное обращеніе съ плѣнными несовмѣстимымъ съ великимъ дѣломъ революціи. Въ отвѣтъ на нежеланіе Гэджа признавать его санъ, Вашингтонъ писалъ: «Вы говорите, что не желаете признавать сана, который не проистекаетъ изъ такого же источника, какъ вашъ. Я же не могу себѣ представить болѣе почетнаго сана, чѣмъ тотъ, который дается неподкупнымъ выборомъ мужественнаго и свободнаго народа. Это первоначальный родникъ и самый чистый источникъ всякой силы и власти». Послѣ отъѣзда Гэджа въ Англію, главнокомандующимъ англійской арміи въ Америкѣ назначенъ былъ лордъ Гоу.

Между тѣмъ годъ близился къ концу, и для большей части солдатъ истекалъ срокъ военной службы. Вашингтонъ серьезно опасался, что очутится одинъ въ опустѣвшемъ лагерѣ, такъ какъ конгрессъ, не смотря на всѣ его представленія, не соглашался продлить срока службы. Конгрессъ удовольствовался тѣмъ, что отправилъ въ лагерь особую коммисію для пересмотра военнаго устава и для уполномоченія главнокомандующаго лично отъ себя, помимо конгресса, разсылать приказы о наборѣ рекрутъ. Однимъ изъ членовъ этой коммисіи былъ Веньяминъ Франклинъ, съ которымъ Вашингтонъ теперь близко сошелся. Въ ноябрѣ мѣсяцѣ въ лагерь явилось лишь 5,000 новобранцевъ, вмѣсто полагавшихся 20,000! Одной изъ главныхъ причинъ медленнаго набора новой арміи были денежныя награды, помощью которыхъ колоніи привлекали людей на военную службу. Въ разныхъ колоніяхъ эти награды были различны, а потому бѣдныя колоніи, которыя не могли обѣщать большого вознагражденія, никакъ не могли набрать достаточнаго количества войска. Вашингтонъ энергично возставалъ противъ такихъ наградъ, и конгрессъ запретилъ ихъ. Тѣмъ не менѣе онѣ практиковались во все время войны и сильно тормазили дѣло.

Армія набиралась такъ медленно, и притомъ ощущался такой недостатокъ оружія и пороха, что невозможно было аттаковать непріятеля, хотя вся страна желала прекращенія бездѣйствія арміи. Вашингтона начинали упрекать въ медлительности, въ недостаткѣ мужества. Положеніе его было по истинѣ трагическое. Къ счастью, лордъ Гоу, ожидавшій подкрѣпленій изъ Англіи, не начиналъ военныхъ дѣйствій, на-

дѣясь, что американская армія распадется сама собой. Вашингтону приходилось выжидать и надѣяться на лучшее будущее. Въ это время къ нему пріѣхала изъ Моунтъ-Вернона жена, съ этихъ поръ всякую зиму проводившая съ мужемъ въ лагерѣ.

Въ началѣ 1776 г. дѣла американской арміи значительно улучшились: запасъ пороха и оружія увеличился, и каждый день приходили новыя партіи новобранцевъ. Вашингтонъ наконецъ созвалъ военный совѣтъ и предложилъ обсудить планъ аттаки Бостона, пока непріятель не успѣлъ еще получить большихъ подкрѣпленій. Планъ Вашингтона состоялъ въ томъ, чтобы занятіемъ Дорчестерскихъ высотъ близъ гавани выманить часть англійской арміи изъ Бостона и такимъ образомъ облегчить американцамъ занятіе города. Вечеромъ 4-го марта Дорчестерскія высоты были заняты и укрѣплены американцами подъ начальствомъ генерала Томаса. Пока Томасъ укрѣплялъ позицію, Вашингтонъ распорядился открыть канонаду изъ американскаго лагеря, чтобы отвлечь вниманіе англичанъ. Но взятіе города оказалось проще, чѣмъ ожидалъ главнокомандующій. Лордъ Гоу получилъ изъ Англіи предписаніе передвинуться со всей арміей и флотомъ въ одинъ изъ южныхъ портовъ. Гоу готовился уже къ выступленію, когда ему сообщили, что англійскій флотъ находится подъ угрозою дорчестерскихъ баттарей, воздвигнутыхъ американцами. Тогда Гоу объявилъ бостонцамъ, что не станетъ разрушать ихъ города, если американцы не помѣшаютъ выступленію англійскаго флота изъ гавани, разсчитывая на то, что Вашингтонъ пожелаетъ пощадить городъ. Онъ не ошибся. Вашингтонъ самъ былъ радъ, что дѣло окончится безъ кровопролитія. 17-го марта англійскій флотъ покинулъ гавань Бостона, и въ тотъ же день генералъ Путнамъ, во главѣ двухъ американскихъ дивизій, вступилъ въ городъ и занялъ всѣ посты. На слѣдующій день вступилъ въ городъ Вашингтонъ, сердечно привѣтствуемый населеніемъ. Законодательное собраніе Массачусетса и конгрессъ выразили главнокомандующему свою благодарность за великія его услуги странѣ, и въ память освобожденія Бостона конгрессъ приказалъ отчеканить золотую медаль съ изображеніемъ Вашингтона.

ГЛАВА V.

Ходъ американской революціи отъ взятія Бостона до союза съ Франціей.

Объявленіе независимости Сѣверной Америки.—Защита Нью-Іорка и сраженіе при Лонгъ-Айландѣ.—Отступленіе Вашингтона на континентъ и реорганизація арміи.—Отступленіе къ Делаверу.—Общее уныніе.—Сраженіе при Трентонѣ и Принстонѣ.—Вашингтонъ диктаторъ.—Занятіе Филадельфіи англичанами и битва при Джермэнтоунѣ.—Зимній лагерь въ Валлей-Форджѣ, страданія арміи и планъ Вашингтона для устраненія ихъ.—Заговоръ Конвея.

Послѣ освобожденія Бостона отъ англичанъ Вашингтонъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи уже значительную армію, благодаря успѣшному набору солдатъ въ колоніяхъ Новой Англіи. Опасаясь, что Гоу можетъ внезапно напасть на Нью-Іоркъ, Вашингтонъ двинулся туда, какъ только англійскій флотъ скрылся изъ виду. Между тѣмъ изъ Канады, куда Вашингтонъ отправилъ полковника Арнольда съ небольшимъ войскомъ для дѣйствій противъ Квебека, — приходили самыя безотрадныя вѣсти. Отъ арміи, посланной туда, оставались лишь жалкіе остатки, которые не могли бы справиться съ свѣжими англійскими силами, ожидавшимися этою же весною. По требованію конгресса, Вашингтонъ отправилъ въ Канаду подкрѣпленіе, съ цѣлью помѣшать непріятелю проникнуть внутрь страны. Для обсужденія дальнѣйшаго плана военной кампаніи, необходимо было личное присутствіе Вашингтона на конгрессѣ, и потому, въ концѣ мая 1776 г., онъ отправился въ Филадельфію.

Въ это время члены конгресса находились въ большомъ затрудненіи. Изъ Англіи получены были извѣстія о готовности метрополіи примириться съ колоніями, и многіе члены конгресса были сторонниками соглашенія съ Англіей. Но Вашингтонъ, недавно еще допускавшій возможность примиренія, теперь примкнулъ къ той партіи конгресса, которая не желала соглашенія съ сенъ-джемскимъ кабинетомъ; главнокомандующій былъ твердо увѣренъ, что Англія, не смотря на всѣ свои сладкія рѣчи, хочетъ только выиграть время и въ будущемъ намѣревается продолжать свою прежнюю, унизительную для американцевъ, политику. Чтобы во-время потушить раздоръ, начинавшійся уже среди членовъ конгресса подъ вліяніемъ происковъ Англіи, необходимо было разъ на всегда отрѣзать всякую возможность примиренія. Большинство конгресса давно

уже носилось съ мыслью о провозглашеніи независимости колоній; теперь же эта мѣра казалась особенно желательной. Вашингтонъ горячо стоялъ за нее, соглашаясь съ виргинскимъ законодательнымъ собраніемъ, которое первое предложило конгрессу объявить колоніи независимыми и объединенными штатами. Вмѣстѣ съ наиболѣе смѣлыми членами конгресса, Вашингтонъ считалъ объявленіе независимости самымъ могущественнымъ средствомъ, чтобы заставить сильнѣе биться всѣ сердца и достигнуть того, чтобы населеніе напрягло всѣ свои силы для борьбы за великое дѣло.

Покинувъ Филадельфію, Вашингтонъ вернулся въ Нью-Іоркъ и дѣятельно принялся за укрѣпленіе этой позиціи. Вмѣстѣ съ тѣмъ ему пришлось вліять на гражданскую власть и требовать подавленія происковъ такъ называемыхъ тори, или тайныхъ приверженцевъ англійскаго короля на американской почвѣ. Не смотря на свою гуманность и терпимость ко всякаго рода убѣжденіямъ, Вашингтонъ былъ сторонникомъ ареста и конфискаціи имуществъ торійской партіи, гнѣздо которой находилось въ Нью-Іоркѣ: эти люди были крайне опасны для едва зарождающейся свободы Америки. Догадки Вашингтона относительно намѣреній англичанъ подступить къ Нью-Іорку оказались справедливыми: уже въ концѣ іюня англійскій флотъ появился передъ Нью-Іоркомъ, но не начиналъ военныхъ дѣйствій, ожидая подкрѣпленій изъ Англіи.

Между тѣмъ конгрессъ рѣшился на тотъ шагъ, котораго давно уже ждало населеніе колоній: 4-го іюля 1776 г. колоніи объявлены были свободными и независимыми штатами. Эта желанная вѣсть быстро пронеслась отъ одного конца страны до другого и вездѣ встрѣчалась съ энтузіазмомъ. Получивъ отъ конгресса оффиціальное извѣщеніе объ этомъ событіи, Вашингтонъ выстроилъ свои полки и приказалъ громко прочесть передъ ними декларацію о независимости сѣверной Америки, и пушечный салютъ возвѣстилъ всему міру о началѣ новаго порядка. Войско было охвачено восторгомъ; долго не унимались радостные крики и рукоплесканія. Приказъ дня, разосланный Вашингтономъ по всему лагерю, заканчивался слѣдующими словами: «Генералъ надѣется, что это новое событіе заставитъ каждаго солдата дѣйствовать мужественно, сознавая, что благо страны зависитъ, кромѣ Бога, отъ успѣха нашего оружія, и что каждый изъ нихъ служитъ государству, имѣющему силу

наградить всякаго по заслугамъ и открыть ему доступъ къ самымъ высокимъ почестямъ».

12-го іюля часть флота Гоу вступила въ Гудзонъ и начала подниматься вверхъ по рѣкѣ. Гоу хотѣлъ отрѣзать армію Вашингтона отъ Канады, а Нью-Іоркъ—отъ сообщенія съ страной. Скоро явился и братъ генерала Гоу изъ Англіи съ условіями соглашенія метрополіи съ колоніями; условія эти показывали, что Вашингтонъ нисколько не ошибался насчетъ намѣреній англійскаго правительства относительно колоній, и врядъ-ли подобныя условія могли бы имѣть успѣхъ и до объявленія независимости. Теперь же объ успѣхѣ миссіи лорда Гоу не могло быть и рѣчи. Генералъ Гоу въ это время отправилъ Вашингтону оффиціальное письмо, адресованное просто «Георгу Вашингтону», такъ какъ представитель Англіи не считалъ возможнымъ отнестись къ мятежнику, называя его «превосходительствомъ». Вашингтонъ же, не желая унижать власти, полученной имъ отъ народа, отказался принять письмо. Вотъ какъ самъ онъ объясняетъ свой поступокъ: «Я ни за что не пожертвовалъ бы сущностью дѣла ради формальности; но въ данномъ случаѣ я считалъ своимъ долгомъ относительно моей страны и моего положенія настоять на подобающемъ мнѣ выраженіи уваженія, отъ чего я охотно отказался бы со всякой другой, но не съ общественной точки зрѣнія».Конгрессъ вполнѣ одобрилъ поведеніе Вашингтона, и генералъ Гоу, еще разъ потерпѣвъ неудачу при посылкѣ письма, принужденъ былъ сдаться и впредь называть американскаго главнокомандующаго «его превосходительствомъ».

Въ виду неизбѣжности столкновенія, Вашингтонъ особенно сильно укрѣпилъ островъ Нью-Іоркъ, выстроивъ на немъ двѣ крѣпости—фортъ Вашингтонъ и фортъ Ли. У Гоу, послѣ полученія подкрѣпленія, было 30,000 войска и превосходный флотъ; у Вашингтона же было подъ рукою лишь 11,000 человѣкъ, да и то не привыкшихъ къ лагерной жизни и къ дисциплинѣ. Они часто вступали въ пререканія подъ вліяніемъ мѣстныхъ интересовъ, и Вашингтонъ старался дѣйствовать на нихъ убѣжденіемъ, внушая имъ, что всякое различіе національностей и провинцій должно исчезнуть въ благородной борьбѣ за общую свободу, и что всѣ они должны прежде всего научиться чувствовать себя американцами. Въ концѣ августа армія Вашингтона значительно усилилась подкрѣпленіями, присланными

изъ различныхъ штатовъ и достигла почти 20,000. Наконецъ, генералъ Гоу началъ высаживать свои войска на одинъ изъ нью-іоркскихъ островов, Лонгъ-Айландъ, со всѣхъ сторонъ укрѣпленный американцами. Къ сожалѣнію американскій генералъ Гринъ, воздвигавшій укрѣпленія на Лонгъ-Айландѣ и хорошо знакомый съ мѣстностью, долженъ былъ по болѣзни передать начальство генералу Путнаму, незнакомому съ положеніемъ, а это не предвѣщало ничего хорошаго. И дѣйствительно, благодаря оплошности Путнама, американцы вскорѣ очутились между двухъ огней и обратились въ бѣгство. Изъ 3,000 американцевъ около половины было захвачено въ плѣнъ и убито; правда, имъ пришлось имѣть дѣло съ 15,000-ой англійской арміей, и ихъ мужество и стойкость признаны были даже врагами.

Вашингтонъ видѣлъ, что англійская армія легко могла отрѣзать островъ Нью-Іоркъ отъ американской арміи, а потому со всѣмъ своимъ войскомъ поспѣшилъ высадиться на этомъ островѣ. Это отступленіе было блестящимъ образомъ задумано и выполнено, причемъ главнокомандующій зорко наблюдалъ за всѣми деталями и втеченіе 48-ми часовъ подрядъ не сходилъ съ лошади. Англичане замѣтили переправу на Нью-Іоркъ только тогда, когда послѣдняя лодка переплывала черезъ рѣку. Тѣмъ не менѣе въ Америкѣ многіе были недовольны образомъ дѣйствій Вашингтона и пораженіемъ при Лонгъ-Айландѣ; Вашингтонъ же думалъ, что, несмотря на численное превосходство непріятеля, сопротивляться было необходимо, чтобы не деморализировать армію, и считалъ лучшимъ отдѣльными схватками ослаблять и задерживать непріятеля, но не вступать съ нимъ въ открытую борьбу, пока американская армія недостаточно къ этому подготовлена. Всѣ порицанія и упреки по своему адресу Вашингтонъ выносилъ съ удивительною стойкостью, неуклонно продолжая исполнять свой долгъ. Когда же упавшіе духомъ солдаты начали дезертировать и на каждомъ шагу приходилось сталкиваться съ нарушеніемъ дисциплины, Вашингтонъ потребовалъ у конгресса реорганизаціи арміи и созданія постояннаго войска по крайней мѣрѣ на время войны. По мнѣнію Вашингтона, только постоянная армія могла гарантировать до нѣкоторой степени благополучный исходъ войны съ Англіей.

Съ такой арміей, какая находилась въ распоряженіи Вашингтона, нечего было и думать о сохраненіи Нью-Іорка. Вашингтонъ рѣшилъ постепенно отступать, стараясь въ то-же время

отдѣльными схватками какъ можно больше вредить непріятелю. 15-го сентября англичане начали высаживаться на островѣ Нью-Іоркъ. Вашингтонъ наканунѣ отправился осматривать позицію, куда предполагалось отступить. Услышавъ пушечную пальбу, онъ поскакалъ назадъ. Подъѣхавъ къ своему войску, Вашингтонъ увидѣлъ ошеломляющее зрѣлище: цѣлая дивизія обратилась въ безпорядочное бѣгство, не сдѣлавъ ни одного выстрѣла, хотя еще не болѣе сотни англичанъ высадилось на берегъ. Такой ужасъ уже успѣли внушить англичане американцамъ! Вашингтонъ, потерявъ всякое самообладаніе, какъ бѣшеный, ринулся въ бѣгущую толпу, билъ палкой офицеровъ, ругая ихъ подлыми трусами, потомъ выхватилъ саблю и билъ ею плашмя налѣво и направо съ цѣлью остановить солдатъ. Но все было напрасно. Въ отчаяніи Вашингтонъ, предпочитавшій смерть такому позору, одинъ бросился на встрѣчу непріятелю, и трудно сказать, чѣмъ бы это кончилось, еслибы нѣкоторые офицеры не успѣли схватить его лошадь за узду. Вашингтонъ былъ человѣкъ съ сильными страстями, но и съ огромнымъ самообладаніемъ; когда же онъ — что случалось чрезвычайно рѣдко—терялъ свое самообладаніе, то становился ужасенъ. Вся американская армія отступала къ Гаарлемскимъ высотамъ въ самомъ удрученномъ состояніи духа, который впрочемъ нѣсколько поунялся послѣ одной удачной стычки съ непріятелемъ, гдѣ американцы дрались какъ львы. Самъ Гоу находилъ, что съ американцами далеко не такъ легко справиться, какъ это многіе думаютъ, и просилъ подкрѣпленія изъ Англіи, такъ какъ американцы отказывались поступать къ нему на службу.

Воспользовавшись перерывомъ военныхъ дѣйствій, Вашингтонъ, получившій наконецъ согласіе конгресса, взялся за новую организацію арміи. Конгрессъ продлилъ срокъ службы въ войскѣ на три года, и Вашингтонъ набиралъ армію на этотъ срокъ. Вся армія должна была состоять изъ 88-ми батальоновъ, и каждый штатъ при этомъ долженъ былъ присылать столько батальоновъ, сколько позволяли его средства, а также доставлять своимъ батальонамъ все необходимое. Жалованье офицерамъ было увеличено, и имъ обѣщано было въ видѣ награды по окончаніи войны по 20 долларовъ и по 100 акровъ земли. Простымъ рядовымъ также обѣщано было выдать земельные участки. Вотъ все, что удалось Вашингтону добиться отъ конгресса. Назначеніе офицеровъ, сначала предоставленное шта-

тамъ, вскорѣ однако, въ виду неудобства этого, предоставлено было главнокомандующему.

Рѣшившись отступить на континентъ, Вашингтонъ 16-го октября покинулъ островъ Нью-Іоркъ и двинулся по направленію къ городку Уайтъ-Плейнсъ. Гоу слѣдовалъ за американской арміей, и когда она заняла высокую позицію впереди англичанъ, аттаковалъ ее и заставилъ американцевъ отступить далѣе. Ночью 31-го октября Вашингтону удалось занять и укрѣпить новую позицію. Но это оказалось безполезнымъ. Не рѣшаясь дать сраженія, Гоу рѣшилъ переправиться черезъ Гудзонъ и аттаковать фортъ Вашингтонъ на островѣ Нью-Іоркѣ. Аттака произошла 16-го ноября, и несмотря на упорное сопротивленіе американцевъ, англичанамъ удалось овладѣть этимъ укрѣпленіемъ и захватить въ плѣнъ 3,000 человѣкъ. Это былъ самый страшный ударъ, нанесенный въ 1776 г. американской арміи. Общественное мнѣніе всю вину за неудачу арміи сваливало на Вашингтона, хотя онъ съ самаго начала совѣтовалъ покинуть крѣпость, предоставивъ ее англичанамъ.

Все это крайне огорчало Вашингтона. Англичане вскорѣ взяли также фортъ Ли и захватили часть пушекъ и багажа американцевъ. Боясь, чтобы Гоу не высадилъ своей арміи на незащищенный берегъ между Нью-Іоркомъ и Брунсвикомъ и не напалъ на него, Вашингтонъ, не теряя времени, отступилъ съ главнымъ своимъ корпусомъ по направленію къ рѣкѣ Делаверу. За арміей Вашингтона слѣдовалъ англійскій генералъ, лордъ Корнваллисъ, съ войскомъ, значительно превышавшимъ американское. Не смотря на это, Вашингтонъ отступалъ въ полномъ порядкѣ. Достигнувъ города Трентона на р. Делаверъ, американская армія 7 декабря переправилась на западный берегъ рѣки. Англичане однако, хотя успѣли уже завладѣть подъ начальствомъ Гоу почти всѣмъ штатомъ Нью-Джерсей, не нападали на Вашингтона, положеніе котораго было отчаянное въ виду того, что солдаты, прослужившіе подъ его началомъ опредѣленный срокъ, покидали его, а конгрессъ не присылалъ подкрѣпленій. Къ тому же Вашингтонъ узналъ о томъ, что генералъ Ли, одинъ изъ самыхъ талантливыхъ его помощниковъ, попался въ плѣнъ англичанамъ; зато дивизія его присоединилась къ главному корпусу и кромѣ того въ американскій лагерь прибылъ съ четырьмя полками генералъ Гэтсъ съ границъ Канады, гдѣ эти полки оказывались лишними.

Американцамъ приходилось болѣе чѣмъ плохо. Со дня на день можно было ожидать нападенія англичанъ на Филадельфію; американская армія была въ разстройствѣ, и подъ начальствомъ Вашингтона находилось лишь нѣсколько жалкихъ полковъ. Населеніе всей новообразовавшейся республики впало въ уныніе, и многіе—особенно изъ лицъ вліятельныхъ и богатыхъ—внимая призыву Гоу, переходили на сторону непріятеля. Какъ ни тяжело было общее настроеніе, но Вашингтонъ не обнаруживалъ и признаковъ отчаянія и сомнѣнія. Не поддаваясь ни на минуту страху и колебаніямъ, горячо и глубоко вѣруя въ успѣхъ своего дѣла, онъ сохранялъ свою рѣшительность, свое спокойствіе и предусмотрительность. «Если непріятель возьметъ Филадельфію,—говорилъ онъ,—то мы отступимъ за Сускеганну, а тамъ быть можетъ и къ Аллеганамъ». Хорошо зная характеръ своего народа, Вашингтонъ зналъ также, каковъ запасъ его силъ и какъ глубоко коренятся причины возстанія; онъ былъ убѣжденъ, что терпѣніе и настойчивость могутъ преодолѣть всѣ препятствія, и что война связана съ такими издержками для Англіи, какихъ не въ силахъ выдержать даже богатѣйшая нація въ мірѣ.

Скоро къ Вашингтону присоединились еще отряды милиціи изъ Пенсильваніи и Филадельфіи, сообщившіе войску болѣе бодрое настроеніе. Американская армія расположилась на берегу Делавера противъ г. Трентона, занятаго отрядомъ легкой британской конницы и тремя полками гессенцевъ, состоявшихъ на службѣ у англичанъ. Вашингтону пришла счастливая мысль—аттаковать часть непріятеля въ его собственномъ лагерѣ. Осуществить эту мысль рѣшено было ночью 25-го декабря, когда можно было разсчитывать по случаю праздника застигнуть непріятеля врасплохъ. Какъ только начало смеркаться, Вашингтонъ, во главѣ 2400 человѣкъ, сталъ переправляться черезъ Делаверъ. Переправа была трудная, такъ какъ дулъ сильный вѣтеръ, и по рѣкѣ неслись массы льду; поэтому американцы достигли противоположнаго берега лишь въ 4 часа утра. Раздѣлившись на двѣ части, американское войско подошло къ Трентону съ двухъ сторонъ. Наемные нѣмецкіе отряды дѣйствительно были застигнуты врасплохъ и почти всѣ попались въ плѣнъ; британская конница ускользнула. Американцы въ тотъ же день переправились обратно черезъ Делаверъ. Непріятель же, опасаясь новой аттаки, стянулъ свои силы въ Принстонъ. Давъ

своимъ войскамъ отдохнуть нѣсколько дней, Вашингтонъ снова переправился черезъ Делаверъ и занялъ позицію около Трентона.

Между тѣмъ Гоу, узнавъ о взятіи Трентона, послалъ въ Принстонъ Корнваллиса, который въ началѣ января двинулся по направленію къ Трентону. Вашингтонъ выслалъ навстрѣчу Корнваллису нѣсколько сильныхъ отрядовъ съ цѣлью мѣшать движенію непріятеля, что и было выполнено превосходно. Наконецъ Корнваллисъ подошелъ къ Трентону; это было вечеромъ, и на другое утро Корнваллисъ собирался напасть на американскую армію, нисколько не сомнѣваясь, что ее удастся уничтожить. Вашингтонъ же боялся генеральнаго сраженія съ непріятелемъ, значительно превосходившимъ его какъ численностью, такъ и дисциплиной. Онъ созвалъ военный совѣтъ, и предложилъ ночью, пока непріятель, собравшій главныя свои силы около Трентона, мирно спалъ, обходнымъ путемъ двинуться на Принстонъ. Сказано-сдѣлано. Чтобы обмануть англичанъ, приказано было всю ночь поддерживать костры въ американскомъ лагерѣ и производить окопныя работы въ мѣстахъ, ближайшихъ къ англійскимъ сторожевымъ постамъ. Планъ удался какъ нельзя лучше, и армія Вашингтона, даже не возбудивъ подозрѣнія непріятеля, вскорѣ послѣ восхода солнца 3-го января 1777 г., достигла Принстона и подъ стѣнами его разбила на голову англійскіе полки, направлявшіеся было изъ Принстона къ Трентону. Корнваллисъ подоспѣлъ къ Принстону слишкомъ поздно, чтобы выручить своихъ изъ бѣды. Вашингтонъ былъ очень доволенъ своей побѣдой, совершенной съ незначительными силами; онъ самъ дрался на самыхъ опасныхъ пунктахъ какъ подъ Трентономъ, такъ и подъ Принстономъ. Давъ отдохнуть своимъ солдатамъ, Вашингтонъ передвинулъ континентальную армію къ Морристоуну, гдѣ намѣревался провести остальную часть зимы. Отсюда Вашингтонъ сдѣлалъ еще нѣсколько удачныхъ вылазокъ противъ непріятеля и вскорѣ успѣлъ вытѣснить британцевъ изъ Нью-Джерсея. Послѣднія дѣйствія Вашингтона подняли упавшій духъ арміи и народа. Всѣ полагали, что армія стоитъ на краю гибели,— и вдругъ въ короткое время Вашингтонъ одерживаетъ двѣ побѣды и освобождаетъ Нью-Джерсей отъ англичанъ! Ударъ, нанесенный сильному и хорошо организованному врагу, оживилъ по всей странѣ военный духъ и въ конецъ разсѣялъ уныніе и сомнѣніе въ силѣ юной республики. Спасителя оте-

чества всѣ видѣли въ Вашингтонѣ, и дѣйствительно, успѣхъ американцевъ въ значительной степени слѣдуетъ приписать неистощимой энергіи и военному таланту ихъ полководца.

Въ концѣ декабря 1776 г. Вашингтонъ облеченъ былъ диктаторской властью на 6 мѣсяцевъ: конгрессъ наконецъ убѣдился, что можетъ имѣть полное довѣріе къ человѣку, служившему родинѣ съ такимъ самоотверженіемъ. Вашингтонъ вполнѣ оправдалъ это довѣріе. Чуждый тщеславія, онъ крайне осторожно пользовался данной ему неограниченной властью; онъ всегда съ благодарностью принималъ разумные совѣты другихъ и нисколько не считалъ для себя унизительнымъ, когда конгрессъ или мѣстныя гражданскія власти добровольно брали на себя часть его обязанностей. Пользуясь временнымъ перерывомъ военныхъ дѣйствій, онъ занялся организаціей новой арміи для кампаніи 1777 г., обративъ особенное вниманіе на составленіе корпуса офицеровъ. При этомъ онъ выбиралъ только такихъ лицъ, которыя могли представить удостовѣренія въ своихъ способностяхъ къ дѣлу. Всякія личныя притязанія и голословныя рекомендаціи оставлялъ онъ безъ вниманія.

До конца мая обѣ арміи простояли въ бездѣйствіи: Гоу получилъ подкрѣпленія изъ Англіи слишкомъ поздно и въ недостаточномъ количествѣ, а потому не трогалъ американцевъ. Наконецъ, Гоу рѣшился проникнуть въ Нью-Джерсей и подойти къ р. Делаверу или же принудить Вашингтона къ генеральному сраженію. Однако Вашингтонъ не даромъ заслужилъ прозвище американскаго Фабія Кунктатора: онъ ни зачто не рѣшился бы въ эту минуту на такой шагъ съ своей неопытной арміей, и только старался ловкими маневрами помѣшать непріятелю подойти къ Делаверу. Гоу наконецъ вынужденъ былъ удалиться къ Нью-Іорку. Вашингтонъ подозрѣвалъ, что англичане намѣреваются вмѣстѣ со своимъ флотомъ аттаковать Филадельфію. Въ іюлѣ дѣйствительно англійскій флотъ вошелъ въ бухту Делавера, и Вашингтонъ переправилъ свою армію черезъ эту рѣку и занялъ позицію при Джермэнтоунѣ, готовясь въ случаѣ нужды выступить на защиту Филадельфіи. Къ удивленію Вашингтона, англійскій флотъ вдругъ снова вышелъ въ открытое море, и такъ какъ временно военныхъ дѣйствій не предвидѣлось, то Вашингтонъ отправился на нѣсколько дней въ Филадельфію. Здѣсь на обѣдѣ, данномъ конгрессомъ въ честь главнокомандую-

щаго, Вашингтонъ познакомился съ недавно прибывшимъ въ Америку и принятымъ въ американскую армію молодымъ маркизомъ Лафайетомъ. Вашингтонъ не особенно сочувственно относился къ поступленію иностранцевъ въ американскую армію: онъ считалъ ихъ авантюристами, не столько преданными дѣлу свободы, сколько желающими прославиться. Но горячій, правдивый, безкорыстный Лафайетъ понравился Вашингтону, и онъ просилъ юнаго француза устроиться въ его военной квартирѣ, какъ у себя дома. Лафайетъ съ радостью принялъ это приглашеніе и скоро сдѣлался однимъ изъ ближайшихъ его друзей.

Въ августѣ Вашингтонъ узналъ, что англійскій флотъ вошелъ въ бухту Чизапикъ, а затѣмъ, что армія высадилась и движется къ Филадельфіи. Еще до высадки британской арміи на континентъ Вашингтонъ двинулся на встрѣчу англичанамъ и, рѣшивъ не подпускать непріятеля къ Филадельфіи, далъ ему сраженіе на рѣкѣ Брэнди-Уайнъ. Здѣсь американская армія потерпѣла пораженіе, но, не смотря на это, битва произвела хорошее впечатлѣніе на конгрессъ и на населеніе, которые вовсе не хотѣли уступить англичанамъ Филадельфіи безъ сопротивленія. Со всѣхъ сторонъ началъ Вашингтонъ получать подкрѣпленія и опять на нѣкоторое время былъ облеченъ диктаторскою властью. Послѣ пораженія, армія Вашингтона нисколько не была обезкуражена, и только проливной дождь помѣшалъ ей снова сразиться съ непріятелемъ недалеко отъ Филадельфіи. Вашингтонъ долженъ былъ перейти черезъ рѣку Шуйлькиль и опять отступить къ Джермэнтоуну, рѣшившись изъ этого пункта защищать Филадельфію. Въ это время его сильно смущало то, что большая часть арміи не имѣла обуви, а 1000 человѣкъ совершали всѣ переходы послѣднихъ дней босикомъ. Это было отчасти причиной того, что армія Вашингтона не успѣла во время подоспѣть къ Джермэнтоуну и помѣшать главному корпусу англичанъ переправиться черезъ рѣку Шуйлькиль и войти въ Джермэнтоунъ. Часть британской арміи въ это время вступила въ Филадельфію, находившуюся по ту же сторону рѣки, какъ и Джермэнтоунъ, а главный корпусъ занялъ этотъ городъ; флотъ же вышелъ изъ Чизапикской гавани и вошелъ въ бухту Делавера. Надѣясь воспользоваться разбросанностью непріятеля, Вашингтонъ задумалъ аттаковать главный корпусъ его въ Джермэнтоунѣ. Аттака эта произошла 4-го октября до восхода солнца, и американцамъ скоро

удалось вытѣснить англичанъ изъ города, но густой туманъ, стоявшій все это утро, помѣшалъ окончательному успѣху республиканской арміи. Часть американцевъ, обращенная англичанами въ бѣгство, вслѣдствіе тумана, приняла своихъ за враговъ и произвела страшную свалку. Вашингтону пришлось отступить, оставивъ множество убитыхъ и раненыхъ на полѣ сраженія. Несмотря на эту неудачу, американцы и вождь ихъ подъ Джермэнтоуномъ проявили такую рѣшимость и стойкость, что довѣріе страны къ арміи могло только укрѣпиться.

Въ концѣ года, послѣ нѣсколькихъ удачныхъ стычекъ съ англичанами подъ Филадельфіей, Вашингтонъ отправился на зимнюю стоянку въ Валлей-Форджъ, находившуюся въ 20 миляхъ отъ Филадельфіи, куда вошелъ на зиму главный корпусъ британскаго войска. Зима 1777—78 г. была самой тяжелой для арміи Вашингтона. Солдаты сильно страдали отъ недостатка платья, обуви, съѣстныхъ припасовъ; зима была очень холодная, а между тѣмъ солдатамъ, одѣтымъ въ рубище, нерѣдко приходилось ночевать около костровъ, за неимѣніемъ одѣялъ и плащей для защиты отъ мороза. Самъ Вашингтонъ ютился въ тѣсной бревенчатой хижинѣ. При этомъ окрестное населеніе неохотно доставляло съѣстные припасы въ лагерь, такъ какъ Вашингтонъ, не имѣя наличныхъ денегъ, принужденъ былъ расплачиваться цертификатами на имя конгресса. Армія была крайне недовольна: какъ офицеры, такъ и рядовые грозили оставить лагерь. Вполнѣ понимая, какъ тяжело положеніе его голодныхъ, полунагихъ солдатъ, Вашингтонъ не разъ принужденъ былъ пользоваться полномочіями диктатора, чтобы заставить населеніе хоть что-нибудь привозить въ его лагерь; но онъ всегда прибѣгалъ къ этому средству крайне неохотно. При всемъ томъ раздавались голоса, недовольные бездѣйствіемъ арміи, такъ какъ англичане опустошали окрестности Филадельфіи. Вашингтона подобные люди приводили въ негодованіе. Торопя конгрессъ позаботиться объ одеждѣ и пропитаніи арміи, Вашингтонъ между прочимъ писалъ: «Смѣю увѣрить этихъ господъ, что сочинять военные планы, сидя въ удобной теплой комнатѣ, гораздо легче, нежели занимать холодный обнаженный холмъ и спать на морозѣ и на снѣгу безъ платья и безъ одѣялъ. Хотя эти господа, повидимому, мало сочувствуютъ бѣдствіямъ солдатъ, но я сочувствую имъ и отъ всей души скорблю о ихъ страданіяхъ, которыхъ

не могу ни устранить ни облегчить». Благодаря настойчивымъ требованіямъ Вашингтона, лагерь былъ мало по малу снабженъ всѣмъ необходимымъ, и тогда главнокомандующій приступилъ къ выработкѣ новой военной системы, которая сдѣлала бы подобныя страданія арміи невозможными впредь. Не довѣряя самому себѣ, а главное своему образованію, Вашингтонъ съ особеннымъ вниманіемъ относился къ мнѣнію другихъ, и въ данномъ случаѣ скромный генералъ предложилъ своимъ офицерамъ письменно высказать свое мнѣніе по разнымъ вопросамъ, касавшимся реорганизаціи арміи. На основаніи этихъ трактатовъ и своего личнаго опыта, Вашингтонъ составилъ и представилъ конгрессу свой проектъ. Проектъ былъ принятъ, кромѣ предложенія назначить офицерамъ пожизненную пенсію въ размѣрѣ половины жалованья. Вашингтонъ не идеализировалъ людей; онъ зналъ, что одинъ патріотизмъ, безъ поддержки матерьяльнаго интереса, долго продолжаться не можетъ, и надѣялся, что обезпеченіе будущей судьбы привлечетъ на службу болѣе дѣльныхъ офицеровъ. Конгрессъ долго не соглашался на эту мѣру, не желая создавать въ демократической республикѣ привилегированнаго военнаго класса; но наконецъ разумные доводы главнокомандующаго подѣйствовали: — конгрессъ постановилъ выплачивать офицерамъ половину жалованья втеченіе семи лѣтъ по окончаніи войны и обѣщалъ солдатамъ, которые до конца войны пробудутъ въ арміи, награду въ 80 долларовъ. Вашингтонъ не былъ вполнѣ доволенъ отношеніемъ конгресса къ арміи, которая, по мнѣнію ея главнокомандующаго, была исключительнымъ явленіемъ въ исторіи въ виду небывалыхъ лишеній, перенесенныхъ ею; но пока пришлось удовольствоваться и этими мѣрами конгресса.

Но нетолько труды и опасности военной кампаніи, нетолько переговоры и борьба съ конгрессомъ выпали на долю Вашингтона: не мало пришлось ему испытать огорченій вслѣдствіе происковъ враговъ, желавшихъ главнымъ образомъ изъ личныхъ честолюбивыхъ побужденій унизить главнокомандующаго въ глазахъ народа. Еще въ концѣ 1776 года опубликованы были въ Нью-Іоркѣ письма, будто бы писанныя Вашингтономъ, и въ которыхъ высказывалось порицаніе конгрессу за слишкомъ поспѣшное объявленіе независимости американскихъ штатовъ, а также выражалось сочувствіе Англіи. Подложность этихъ писемъ впослѣдствіи была доказана Вашинг-

тономъ. Болѣе дурное вліяніе на армію и на конгрессъ имѣлъ такъ называемый заговоръ генерала Конвея, въ которомъ принималъ дѣятельное участіе честолюбивый генералъ Гейтсъ, завидовавшій положенію Вашингтона. Генералъ Конвей, человѣкъ хвастливый и высокомѣрный, возбудилъ къ себѣ недовѣріе Вашингтона, и послѣдній открыто высказался противъ желанія конгресса повысить Конвея по службѣ, говоря, что «заслуги Конвея и его значеніе больше существуютъ въ его собственномъ воображеніи, нежели въ дѣйствительности». Этого Конвей не могъ простить главнокомандующему. Вмѣстѣ съ Гейтсомъ, завѣдывавшимъ военными операціями въ Канадѣ, Конвей началъ распространять въ арміи и въ населеніи анонимныя письма, доказывавшія неспособность Вашингтона и неумѣстность его образа дѣйствій. Вашингтонъ отвѣчалъ на эти козни презрительнымъ молчаніемъ; онъ сознавалъ, что интригу слѣдовало какъ можно скорѣе подавить, но это неминуемо привело бы къ огласкѣ слабыхъ сторонъ арміи передъ непріятелемъ, а этого Вашингтонъ желалъ избѣгнуть во что̀ бы то ни стало. Но когда, въ концѣ 1777 г., англичане были вытѣснены изъ области Гудзона, главнымъ образомъ благодаря дѣйствіямъ Гейтса, и когда конгрессъ, куда проникла интрига, только и говорилъ, что о его доблестяхъ и способностяхъ, то Вашингтонъ понялъ, чего добиваются враги его, и рѣшилъ такъ или иначе положить дѣлу конецъ, тѣмъ болѣе, что анонимные подкопы и доносы день ото дня становились нахальнѣе и безсовѣстнѣе. 31-го января 1778 г. Вашингтонъ писалъ по этому поводу въ конгрессъ: «Мои враги знаютъ всю щекотливость моего положенія, знаютъ, какіе политическіе мотивы лишаютъ меня возможности напасть на нихъ. Я не могу опровергнуть ихъ инсинуацій, не раскрывъ нѣкоторыхъ тайнъ, которыя необходимо скрывать до послѣдней возможности. Сердце говоритъ мнѣ, что я всегда старался дѣлать все, что̀ было въ моихъ силахъ. Но можетъ быть я часто ошибался въ моемъ сужденіи объ обстоятельствахъ и заслужилъ обвиненіе въ ошибкѣ»... Но конгрессъ, вмѣсто того, чтобы разсматривать дѣло, замялъ его: было явно, что въ интригѣ противъ Вашингтона принимали участіе и нѣкоторые члены конгресса Конгрессъ покровительствовалъ планамъ Гейтса для покоренія Канады, даже создалъ военный департаментъ, во главѣ котораго поставленъ былъ Гейтсъ, окруженный своими неизмѣнными друзьями, въ

числѣ которыхъ находился Конвей. Но предполагаемая экспедиція въ Канаду такъ и осталась на бумагѣ. Военный департаментъ вскорѣ распался, и вся эта исторія въ концѣ концовъ нисколько не унизила, а скорѣе возвысила Вашингтона въ глазахъ войска и народа. Конвей, раненый на дуэли однимъ офицеромъ, горячимъ приверженцемъ Вашингтона, и думая, что послѣдній часъ его близокъ, сдѣлалъ слѣдующее признаніе въ письмѣ, написанномъ въ эти тяжкія минуты къ американскому главнокомандующему: «Вѣроятно меня скоро не будетъ въ живыхъ; поэтому справедливость и истина заставляютъ меня высказать мои послѣднія чувства. Вы въ моихъ глазахъ—великій и хорошій человѣкъ. Желаю вамъ долго, долго наслаждаться любовью, уваженіемъ и преданностью этихъ штатовъ, свободу которыхъ вы защищали своими добродѣтелями».

ГЛАВА VI.

Послѣдніе годы американской революціи.

Союзъ съ Франціей.—Освобожденіе Филадельфіи и битва при Монмоутсѣ.—Оборонительныя дѣйствія 1779 г.—Прибытіе французской эскадры.—Измѣна генерала Арнольда.—Бунтъ въ арміи.—Осада Іорктоуна.—Распущеніе арміи.—Оставленіе Вашингтономъ военной службы и возвращеніе въ Моунтъ-Вернонъ.

Послѣ злополучной зимы 1778 г. дѣла принимаютъ болѣе благопріятный оборотъ для американцевъ. Побѣды англичанъ, хотя и блестящія, не могли имѣть особеннаго значенія: англичане слишкомъ разбрасывали свои силы, а потому мало по малу теряли занятые ими посты. Проницательные американцы были увѣрены въ томъ, что англичане сами побьютъ себя; такъ, когда Франклину сообщили, что Гоу взялъ Филадельфію, то онъ полушутя замѣтилъ: «Не лордъ Гоу взялъ Филадельфію, а Филадельфія взяла лорда Гоу». Вашингтонъ также сознавалъ, что разбросанность англійской арміи приведетъ ее къ погибели. Кромѣ того, война въ Америкѣ истощала Англію въ матерьяльномъ отношеніи, и это должно было принудить ее въ скоромъ времени заключить миръ. Американцы тѣмъ болѣе могли разсчитывать на успѣхъ, что при посредничествѣ Франклина имъ удалось заключить военный и торговый союзъ съ Франціей, которая разсчитывала ослабить политическое и торговое значеніе своего давнишняго конкурента — Англіи. Узнавъ о пораженіи англичанъ при Трентонѣ и Принстонѣ

и о капитуляціи англійскихъ войскъ въ Саратогѣ (на р. Гудзонѣ), французскій король въ февралѣ 1778 г. оффиціально призналъ независимость Соединенныхъ Штатовъ и заключилъ съ ними договоръ, обязываясь оказывать денежную и военную помощь Штатамъ, пока Англія не признаетъ ихъ независимости.

Англія сочла этотъ шагъ Франціи за открытое объявленіе войны и рѣшилась наконецъ пойти на мировую со своими колоніями. Парламентъ издалъ примирительный билль, подтверждавшій всѣ прежнія права колоній и обѣщавшій всеобщее помилованіе, если колоніи сложатъ оружіе. Но теперь общественное мнѣніе въ Америкѣ было уже противъ возвращенія къ старому режиму. «Я полагаю, что насъ можетъ удовлетворить теперь только независимость,—писалъ Вашингтонъ конгрессу:—несправедливости британской націи по отношенію къ намъ слишкомъ нами незаслуженны, чтобы ихъ можно было забыть». Конгрессъ вполнѣ согласился съ мнѣніемъ главнокомандующаго и поставилъ условіемъ заключенія мира удаленіе всѣхъ англійскихъ войскъ съ американской территоріи и оффиціальное признаніе Англіей независимости Соединенныхъ Штатовъ. Англія, разумѣется, не могла принять этого условія, и война продолжалась.

Зимовка въ Филадельфіи имѣла роковыя послѣдствія для англичанъ. Долгое бездѣйствіе вредно отразилось на дисциплинѣ; солдаты—большею частью нѣмецкіе наемники—дезертировали массами, убѣгая въ лѣсныя дебри Америки. На мѣсто лорда Гоу главнокомандующимъ британской арміи назначенъ былъ Клинтонъ, въ распоряженіи котораго было 20,000 войска, сосредоточеннаго въ Филадельфіи; онъ отправилъ часть войска въ Вестъ-Индію, а часть во Флориду, гдѣ уже начались враждебныя дѣйствія между французами и англичанами; самъ же Клинтонъ рѣшилъ съ 12,000-ой арміей выступить изъ Филадельфіи и направиться въ Нью-Іоркъ, опасаясь, что прибытіе французскаго флота въ бухту Делавера поведетъ къ блокадѣ Филадельфіи.

Выступленіе изъ Филадельфіи должно было произойти тайно; но Вашингтонъ узналъ о намѣреніяхъ Клинтона, и какъ только непріятель выступилъ изъ Филадельфіи, пустился вслѣдъ за нимъ съ главнымъ корпусомъ, рѣшившись во что бы то ни стало аттаковать англичанъ, на этотъ разъ даже вопреки мнѣнію военнаго совѣта. На военномъ совѣтѣ особенно сильно

ратовалъ противъ аттаки генералъ Ли, только-что вернувшійся изъ англійскаго плѣна и занимавшій въ американской арміи второе мѣсто послѣ главнокомандующаго. Тотчасъ послѣ совѣта Вашингтонъ отправилъ двѣ бригады подъ начальствомъ Лафайета, по рангу слѣдовавшаго непосредственно за Ли, и приказалъ при первомъ удобномъ случаѣ аттаковать англичанъ. Генералъ же Клинтонъ, боявшійся аттаки, завидѣвъ американскій авангардъ, круто повернулъ въ сторону и занялъ позицію около городка Монмоутса, со всѣхъ сторонъ окруженнаго болотами и лѣсами. Вскорѣ послѣ ухода Лафайета, Ли вдругъ заявилъ Вашингтону о своемъ желаніи участвовать въ аттакѣ; тогда командованіе, порученное Лафайету, должно было перейти къ Ли, и Вашингтонъ, давъ ему еще двѣ бригады, приказалъ ему тотчасъ же соединиться съ авангардомъ, Лафайету же написалъ объяснительное письмо, прося его уступить начальство генералу Ли. Самъ же Вашингтонъ съ главнымъ корпусомъ двинулся къ Монмоутсу, разсчитывая во-время подоспѣть на помощь своимъ. Пройдя не болѣе пяти миль, Вашингтонъ вдругъ узнаетъ, что Ли отступаетъ въ большомъ безпорядкѣ. Между тѣмъ, судя по немногочисленнымъ выстрѣламъ, сраженіе еще едва началось. Скоро показались передовыя колонны дивизіи Ли, и, невольно подумавъ, что Ли преднамѣренно устроилъ это отступленіе, Вашингтонъ въ сильномъ гнѣвѣ пришпорилъ коня и поскакалъ впередъ. Подъѣхавъ къ Ли, Вашингтонъ крикнулъ громовымъ голосомъ: «Что означаетъ все это?» Ли замялся. «Я желаю знать причину этого безпорядка!» повторилъ Вашингтонъ, теряя самообладаніе. По словамъ свидѣтеля этой сцены, Лафайета, Вашингтонъ въ эту минуту былъ положительно страшенъ. Ли оправдывался, говоря, что солдаты были приведены въ замѣшательство ложными извѣстіями, и что онъ не желалъ въ такомъ настроеніи вести ихъ противъ непріятеля. «Каковы бы ни были ваши взгляды,—презрительно возразилъ Вашингтонъ,—я надѣялся, что вы по крайней мѣрѣ исполните мои приказанія».

Но терять время на разговоры было некогда, такъ какъ непріятель могъ надвинуться всякую минуту. Благодаря энергіи и находчивости Вашингтона, въ дивизіи Ли водворенъ былъ порядокъ; на нѣкоторомъ разстояніи отъ нея расположился главный корпусъ. Скоро показался и непріятель, начавши аттаку обоихъ фланговъ въ надеждѣ пробиться сквозь

нихъ. Американцы защищали свои посты съ отчаянной храбростью; Вашингтонъ лично руководилъ всѣми дѣйствіями, появляясь на самыхъ жаркихъ пунктахъ сраженія. Наконецъ непріятель вынужденъ былъ отступить, потерявъ 300 человѣкъ. Такъ какъ наступила ночь, то Вашингтонъ не преслѣдовалъ англичанъ, рѣшивъ возобновить аттаку на слѣдующее утро. Но ночью Клинтону удалось ускользнуть обходными путями, и 30-го іюня англійская армія вступила въ Нью-Іоркъ. Въ половинѣ іюля Вашингтонъ переправился со своей арміей на лѣвый берегъ Гудзона и расположился лагеремъ около городка Уайтъ-Плейнсъ.

Еще въ самый день битвы при Монмоутсѣ Ли написалъ Вашингтону грубое письмо, требуя отъ него извиненій. Вашингтонъ не только не извинился, но въ своемъ отвѣтномъ письмѣ назвалъ поступокъ Ли крайне позорнымъ. Ли перенесъ это дѣло въ военный судъ, который нашелъ его виновнымъ, послѣ чего Ли навсегда покинулъ армію.

Въ началѣ іюля въ бухту Делавера вошла французская эскадра, состоявшая изъ 12-ти линейныхъ кораблей и 4-хъ фрегатовъ съ 4,000 отборнаго войска подъ командой графа д'Эстена. Населеніе Америки ликовало, тѣмъ болѣе, что д'Эстенъ привезъ извѣстіе о готовности короля ссудить Соединенные Штаты 3-мя милліонами франковъ. Вашингтонъ нѣсколько опасался, какъ бы надежда на помощь Франціи не ослабила рвенія американцевъ въ борьбѣ за свою свободу. По его мнѣнію, американцамъ слѣдовало прежде всего полагаться на самихъ себя. «Help yourself»—девизъ современнаго янки—былъ также девизомъ Вашингтона, и потому самъ онъ не зналъ еще, слѣдуетъ ли ему радоваться прибытію французовъ.

Съ согласія Вашингтона, д'Эстенъ рѣшилъ аттаковать съ моря часть англійскаго флота и войска, находившихся въ штатѣ Родъ-Айландъ. Поэтому онъ передвинулъ свою эскадру къ сѣверу, рѣшивъ начать аттаку съ гавани Ньюпортъ. Для аттаки этой гавани съ суши Вашингтонъ отрядилъ 10,000 американцевъ подъ начальствомъ генерала Сулливана. Но французская эскадра, вслѣдствіе несогласія въ дѣйствіяхъ съ американцами, очутилась вдругъ между двухъ огней: съ одной стороны ее аттаковало близъ Ньюпорта англійское войско, съ другой—флотъ, появившійся изъ Нью-Іорка. Графу д'Эстену едва удалось ускользнуть въ море; сухопутная американская

армія также отступила—и даже съ большими потерями. Теперь настроеніе измѣнилось: французы были недовольны американцами, американцы—французами, и Вашингтону пришлось умолять своихъ офицеровъ и генераловъ быть какъ можно сдержаннѣе съ союзниками.

На зиму Вашингтонъ расположилъ свою армію въ видѣ длинной цѣпи между рѣками Гудзономъ и Делаверомъ, а затѣмъ отправился въ Филадельфію, чтобы переговорить съ конгрессомъ насчетъ плана ближайшей кампаніи. Многіе члены конгресса стояли за наступательный образъ дѣйствій; но Вашингтонъ, отлично понимавшій отчаянное положеніе Англіи, которой предстояла война съ Франціей и Испаніей, предложилъ конгрессу выработанный имъ оборонительный планъ войны, гораздо менѣе тяжелый для страны, матерьяльное состояніе которой было болѣе, чѣмъ плачевно. Финансы Соединенныхъ Штатовъ были въ конецъ разстроены; бумажныя деньги, выпущенныя въ огромномъ количествѣ, представляли собою лишь $^1/_{40}$ номинальной стоимости; товары вздорожали, торговыя отношенія запутались, земледѣліе и промышленность во многихъ мѣстахъ совершенно прекратились. Вашингтонъ желалъ въ такую тяжелую минуту поберечь силы своихъ согражданъ—это было для него гораздо важнѣе всякой военной славы, всякихъ завоеваній и побѣдъ. Конгрессъ, убѣжденный доводами Вашингтона, принялъ его планъ оборонительныхъ дѣйствій.

Вернувшись въ свою главную военную квартиру, Вашингтонъ приступилъ къ набору новой арміи. Дѣло на этотъ разъ пошло быстрѣе прежняго, тѣмъ болѣе, что солдатъ требовалось меньше. Дисциплина въ арміи также значительно улучшилась. Всю зиму 1779 г. англичане не предпринимали никакихъ военныхъ дѣйствій и оставались въ Нью-Іоркѣ. Вашингтонъ воспользовался этимъ перерывомъ, чтобы нанести ударъ индѣйцамъ, которые огнемъ и мечомъ опустошали пограничныя области. Экспедиція противъ индѣйцевъ поручена была генералу Сулливану, который надолго отбилъ у нихъ охоту вторгаться въ американскія владѣнія. Англичане, по приказанію своего министерства, также начали во многихъ мѣстахъ мародерскую войну; между прочимъ, значительному опустошенію подверглись Виргинія и Коннектикутъ, причемъ англичане убивали, жгли и грабили съ безпощадной жестокостью. Населеніе взывало о мести. Поэтому Вашингтонъ рѣ-

шилъ воспользоваться разбросанностью англійскаго войска, напасть на укрѣпленіе Стони-Понтъ и отнять его у англичанъ. Аттака состоялась ночью 15-го іюля и увѣнчалась блестящимъ успѣхомъ. Весь англійскій гарнизонъ былъ взятъ въ плѣнъ, и американцы завладѣли огромнымъ запасомъ оружія и пороху. Этимъ окончились военныя операціи 1779 года. Клинтонъ стянулъ свои войска въ Нью-Іоркъ, а Вашингтонъ сохранялъ уже ранѣе занятую имъ позицію на р. Гудзонѣ, близъ Вестъ-Пойнта.

Наконецъ, въ декабрѣ 1779 г., Клинтонъ получилъ подкрѣпленія изъ Англіи и, оставивъ часть войска въ Нью-Іоркѣ, отплылъ въ Южную Каролину въ надеждѣ, что ему легче будетъ справиться съ рабовладѣльческими колоніями юга, чѣмъ съ демократическими колоніями сѣвера. Вашингтонъ отрядилъ на югъ ген. Линкольна съ нѣсколькими полками, а самъ перебрался на зиму въ Морристоунъ. Зима была суровая, подвозъ провіанта былъ затрудненъ, и Вашингтону, боявшемуся повторенія всѣхъ ужасовъ зимовки въ Валлей-Форджѣ, пришлось не разъ прибѣгать къ репрессаліямъ, чтобы спасти своихъ солдатъ отъ голода. Вообще финансовый вопросъ былъ въ это время злобою дня въ Соединенныхъ Штатахъ. Не зная, какъ помочь бѣдѣ, конгрессъ издалъ распоряженіе, по которому бумажныя деньги при уплатѣ долговъ получали свою номинальную цѣнность. Разумѣется, кредиторы были весьма недовольны этимъ распоряженіемъ; недоволенъ былъ и Вашингтонъ, находившій, что несправедливо нарушать права одной части гражданъ въ пользу другой части. Самъ онъ былъ въ числѣ пострадавшихъ, такъ какъ въ свое время успѣлъ одолжить разнымъ лицамъ крупныя суммы денегъ. Многіе изъ его должниковъ вернули ему теперь свои долги, т. е. сороковую часть того, что взяли. Особенно возмущали Вашингтона богачи, спѣшившіе теперь уплачивать долги. Одно богатое и вліятельное лицо, бывшее въ хорошихъ отношеніяхъ съ Вашингтономъ, вернуло ему бумажными деньгами свой долгъ, составлявшій довольно крупную сумму. Вашингтонъ взялъ, не сказавъ ни слова. Послѣ этого данное лицо два раза являлось въ Морристоунъ, но всякій разъ Вашингтонъ дѣлалъ видъ, что не замѣчаетъ его присутствія. Лафайетъ, свидѣтель обѣихъ этихъ сценъ, крайне изумился такой необычайной невѣжливости Вашингтона и замѣтилъ, какъ только упомянутое лицо удалилось: «Генералъ, этотъ человѣкъ повидимому

очень преданъ вамъ, а вы едва обратили на него вниманіе». Вашингтонъ улыбнулся и сказалъ: «Я знаю, я не отнесся къ нему сердечно; я изо всѣхъ силъ старался быть съ нимъ вѣжливымъ и пытался даже два раза заговорить съ нимъ, но бумажныя деньги стояли у меня поперекъ горла».

Въ іюнѣ мѣсяцѣ англійскій генералъ Книфгаузенъ выступилъ со своимъ войскомъ изъ Нью-Іорка и напалъ на американцевъ при Спрингфильдѣ, въ Нью-Джерсеѣ. Книфгаузенъ былъ отбитъ и опять отступилъ въ Нью-Іоркъ, куда скоро вернулся Клинтонъ послѣ весьма удачной экспедиціи на югъ, гдѣ онъ овладѣлъ г. Чарльзтоуномъ. Вашингтонъ въ это время успѣлъ передвинуть свою армію къ рѣкѣ Гудзону.

Въ началѣ іюля прибыла въ Америку новая французская эскадра, получившая инструкцію во всемъ подчиняться американскому главнокомандующему. Это распоряженіе французскаго правительства было выхлопотано маркизомъ Лафайетомъ и значительно упрощало совмѣстныя военныя дѣйствія французовъ и американцевъ. Теперь Вашингтонъ надѣялся, что удастся аттаковать Нью-Іоркъ и съ суши, и съ моря, и вытѣснить англичанъ изъ сѣв. Америки. Чтобы обсудить это дѣло, Вашингтонъ отправился лично къ начальнику французскаго флота, графу Рошамбо. На обратномъ пути Вашингтонъ узналъ объ измѣнѣ одного изъ лучшихъ и талантливѣйшихъ своихъ генераловъ—Арнольда, бѣжавшаго къ англичанамъ въ надеждѣ такимъ образомъ поправить свои крайне запутанныя денежныя дѣла. Арнольдъ вручилъ планы крѣпостей и другія важныя бумаги англійскому маіору Андрé, который былъ арестованъ американцами и которому Вашингтонъ принужденъ былъ подписать смертный приговоръ, какъ шпіону, не смотря на личную симпатію къ нему.

На югѣ въ это время дѣла принимали неблагопріятный оборотъ для американцевъ. Лордъ Корнваллисъ занялъ обѣ Каролины и собирался вторгнуться въ Виргинію. Американцы потерпѣли страшное пораженіе у Кемдена. Подъ вліяніемъ этихъ критическихъ обстоятельствъ, конгрессъ наконецъ одобрилъ давно предлагаемую Вашингтономъ мѣру о назначеніи офицерамъ пожизненной пенсіи въ размѣрѣ половины жалованья, надѣясь такимъ образомъ привлечь въ армію наиболѣе способныхъ и дѣятельныхъ офицеровъ. Вашингтонъ въ эту пору стоялъ на зимнихъ квартирахъ между Гудзономъ и Мор-

ристоуномъ и боролся съ нуждами и недовольствомъ солдатъ, не получавшихъ жалованья за нѣсколько мѣсяцевъ или получавшихъ плату обезцѣнившимися бумажными деньгами. Недовольство солдатъ росло съ каждымъ днемъ и грозило перейти въ открытое возстаніе. Помочь бѣдѣ не могъ ни главнокомандующій, ни конгрессъ: страна была разорена продолжительной войной, и средствъ для удовлетворенія нуждъ арміи взять было неоткуда. Случилось то, чего опасался Вашингтонъ: 1-го января 1781 г. въ Нью-Джерсеѣ возстала пенсильванская милиція. Солдаты, недовольные попытками офицеровъ удержать ихъ на службѣ долѣе трехъ лѣтъ, убили нѣсколькихъ офицеровъ, захватили съ собой пушки и покинули лагерь, намѣреваясь идти въ Филадельфію и добиваться отъ конгресса удовлетворенія всѣхъ своихъ нуждъ. Вашингтонъ понималъ, что требованія солдатъ были справедливы, и рѣшилъ избѣгать всякихъ насильственныхъ мѣръ, такъ что не противился желанію солдатъ двинуться въ Филадельфію. Дорогой солдаты значительно успокоились; конгрессъ выслалъ имъ на встрѣчу коммисію съ обѣщаніемъ удовлетворить всѣ ихъ нужды, и солдаты, окончательно успокоенные, вернулись въ лагерь. Замѣчательно, что происки агентовъ Клинтона, старавшихся переманить солдатъ на сторону англичанъ, не имѣли никакого успѣха. Солдаты даже схватили нѣкоторыхъ агентовъ и представили ихъ своему генералу, говоря, что они «вовсе не Арнольды» и измѣнять родинѣ не намѣрены, какія блага ни сулили-бы имъ англичане. Когда вскорѣ послѣ этого вспыхнулъ бунтъ солдатъ въ Нью-Джерсеѣ, то Вашингтонъ счелъ на этотъ разъ нужнымъ подавить его силою и даже казнить двухъ главныхъ зачинщиковъ. Но, имѣя въ виду справедливость требованій своихъ солдатъ, Вашингтонъ настаивалъ, чтобы конгрессъ сдѣлалъ новый заемъ во Франціи для удовлетворенія нуждъ арміи, доказывая, что только такимъ путемъ, а не насиліемъ, можно искоренить въ арміи мятежный духъ. Дѣйствительно, конгрессу удалось, опять-таки при посредничествѣ Франклина, сдѣлать во Франціи заемъ въ 6 милліоновъ франковъ и такимъ образомъ покрыть расходы по содержанію континентальной арміи.

Послѣ этого Вашингтонъ только и думалъ о томъ, какъ бы отнять у англичанъ Нью-Іоркъ. Но онъ долженъ былъ отправить нѣсколько отрядовъ подъ начальствомъ Лафайета

на югъ и ждать набора новой арміи, которая по обыкновенію собиралась крайне медленно. Раньше іюля дѣйствовать было невозможно, и, повидавшись съ начальникомъ французской эскадры, Вашингтонъ рѣшилъ въ этотъ срокъ начать общими силами дѣйствія противъ Нью-Іорка. Къ тому же пришло извѣстіе, что скоро въ Нью-Іоркъ придетъ французскій флотъ изъ Вестъ-Индіи. Вашингтонъ поспѣшилъ разослать циркуляры къ штатамъ Новой Англіи съ требованіемъ поскорѣе прислать войска, умоляя населеніе въ этотъ важный моментъ напречь свои силы, чтобы не ударить лицомъ въ грязь передъ союзниками и однимъ ударомъ покончить съ врагами на сѣверѣ.

Къ концу іюня, дѣйствительно, армія Вашингтона настолько увеличилась, что онъ могъ надѣяться, въ союзѣ съ французами, удачно напасть на Нью-Іоркъ. Но аттака Нью-Іорка не состоялась по той причинѣ, что адмиралъ де-Грассъ, начальникъ французскаго флота въ Вестъ-Индіи, двинулся въ Чизапикскую бухту и просилъ Вашингтона какъ можно скорѣе направиться на югъ, такъ какъ французскій флотъ могъ пробыть въ Чизапикѣ только до половины октября. Радуясь усиленію французскаго флота (который теперь оказывался сильнѣе англійскаго), Вашингтонъ такъ быстро двинулся съ союзной арміей въ Виргинію, что Корнваллисъ не успѣлъ получить подкрѣпленія; но, думая, что англійскій флотъ сильнѣе французскаго, онъ былъ увѣренъ, что можетъ выдержать осаду, и стянулъ свою армію въ хорошо укрѣпленный г. Іорктоунъ, у устья р. Іорка, впадающей въ Чизапикъ. 1-го октября союзная армія окружила Іорктоунъ съ суши; съ моря же онъ былъ окруженъ французскимъ флотомъ. Первые два редута были построены американцами подъ непосредственнымъ наблюденіемъ Вашингтона, подъ непрерывнымъ градомъ англійскихъ бомбъ. Одна бомба упала возлѣ Вашингтона, взрыла землю и подняла цѣлое облако пыли. Стоявшій рядомъ съ Вашингтономъ пасторъ Эвансъ, гордясь своею храбростью, показалъ главнокомандующему свою шляпу, покрытую пылью. «Вы бы лучше показали это вашей женѣ и дѣтямъ», замѣтилъ ему Вашингтонъ. Когда готовы были баттареи, Вашингтонъ собственноручно разрядилъ первую пушку—и въ отвѣтъ раздался адскій хоръ сотни пушекъ и мортиръ. Рѣшено было взять первые англійскіе редуты штурмомъ. Вашингтонъ, окруженный своими генералами, находился на главной баттареѣ и слѣ-

дилъ за дѣйствіями союзниковъ съ напряженнымъ вниманіемъ. Одинъ изъ адъютантовъ замѣтилъ ему, что онъ стоитъ на опасномъ мѣстѣ, на что Вашингтонъ возразилъ: «Если вы находите это мѣсто опаснымъ, то можете оставить его». Когда два редута были наконецъ взяты, Вашингтонъ глубоко вздохнулъ и сказалъ: «Дѣло сдѣлано, и сдѣлано хорошо». Понимая, что его дѣло проиграно, особенно въ виду невозможности подвозить съѣстные припасы, Корнваллисъ рѣшился на капитуляцію. Условія ея были слѣдующія: Іорктоунъ и Глостеръ передавались американцамъ, а британскіе корабли—де-Грассу; 7,000 отборнаго англійскаго сухопутнаго войска становились военнопленными американцевъ, которые получали также и все огнестрѣльное оружіе англичанъ.

Капитуляція Іорктоуна была рѣшительнымъ ударомъ, нанесеннымъ Англіи. Этимъ, собственно говоря, окончились военныя дѣйствія. Вся страна ожила въ ожиданіи окончанія войны. Конгрессъ выразилъ благодарность Вашингтону, Рошамбо и де-Грассу и рѣшилъ въ память славнаго событія соорудить въ Іорктоунѣ мраморную колонну съ эмблемами союза Франціи и Америки.

Вашингтонъ переправилъ свою армію на сѣверъ, оставивъ французовъ въ Виргиніи, и самъ въ ноябрѣ покинулъ Іорктоунъ. Въ Эльтсамѣ ему пришлось присутствовать при смерти своего пасынка, м-ра Кэстиса, оставившаго послѣ себя четверыхъ малолѣтнихъ дѣтей. Изъ нихъ двое младшихъ были впослѣдствіи усыновлены Вашингтономъ; они до конца его жизни не разставались съ нимъ и вполнѣ замѣнили ему дѣтей. По пути въ Филадельфію населеніе вездѣ съ торжествомъ встрѣчало Вашингтона. Вся страна, да и сама Англія теперь жаждали мира. Тѣмъ не менѣе на конгрессѣ Вашингтонъ настаивалъ на увеличеніи американской арміи, справедливо полагая, что, только имѣя сильную армію, Америка можетъ диктовать Англіи условія мира. Конгрессъ согласился съ этимъ мнѣніемъ, и во всѣ штаты разосланы были циркуляры о новомъ наборѣ. Но армія набиралась вяло, такъ какъ всѣ увѣрены были въ скоромъ заключеніи мира, такъ что Вашингтону пришлось довольствоваться всего только 10,000 войскомъ.

Въ это время въ арміи начали обнаруживаться тенденціи въ пользу конституціонной монархіи, причемъ верховную власть рѣшено было предложить Вашингтону, какъ единствен-

ному человѣку, на которомъ сосредоточивались симпатіи арміи и населенія. Въ концѣ мая 1782 г. въ этомъ смыслѣ составлена была записка, которая сильно встревожила главнокомандующаго. Вотъ что онъ отвѣчалъ автору упомянутой записки: «Я былъ крайне пораженъ, узнавъ о тѣхъ взглядахъ, какіе вы распространяете. Смѣю васъ увѣрить, что втеченіе всей войны ничто не причинило мнѣ такого огорченія, какъ извѣстіе о томъ, что въ армію проникли мысли, внушающія мнѣ такое отвращеніе. Я положительно не въ силахъ понять, что въ моемъ поведеніи и во всей моей жизни могло подать поводъ такому адресу, который, какъ мнѣ кажется, не можетъ обѣщать моему отечеству ничего, кромѣ величайшихъ бѣдствій. Насколько я знаю себя, вы врядъ ли могли бы найти другое лицо, которому ваши планы были бы болѣе непріятны». Эти строки не нуждаются въ комментаріяхъ. Какая громадная разница видна здѣсь между Вашингтономъ и Наполеономъ!

Вашингтонъ не распускалъ арміи до тѣхъ поръ, пока изъ Европы не пришло извѣстія о заключеніи мира. Въ арміи однако было неспокойно. Офицеры тревожились, что конгрессъ не выплатитъ имъ жалованья, а тѣмъ менѣе станетъ выплачивать пожизненную пенсію; недовольство, подстрекаемое анонимными листками, грозило перейти въ открытый бунтъ. Офицеры наконецъ рѣшили устроить собраніе съ цѣлью принять мѣры для обезпеченія интересовъ арміи. Вашингтонъ понималъ, что дѣло можетъ окончиться плохо, такъ какъ офицеры были крайне возбуждены; онъ всячески оттягивалъ собраніе, чтобы дать офицерамъ успокоиться, но запретить собраніе не хотѣлъ, понимая справедливость требованій арміи. Когда офицеры наконецъ собрались для обсужденія дѣлъ арміи, то неожиданно вошелъ въ комнату главнокомандующій, хотя не былъ приглашенъ на собраніе. Онъ первымъ долгомъ извинился въ томъ, что такъ внезапно появился на собраніи, сказавъ, что считалъ нужнымъ выразить и свои мнѣнія, которыя онъ изложилъ письменно и прочтетъ съ позволенія своихъ товарищей. Съ этими словами онъ вынулъ изъ кармана свертокъ бумаги и развернулъ его. «Господа, вы мнѣ позволите надѣть очки, — сказалъ онъ, надѣвая ихъ: — я вижу, что не только посѣдѣлъ, но и ослѣпъ на службѣ отечеству». Это замѣчаніе вызвало у многихъ на глазахъ слезы. Рѣчь Вашингтона была проникнута глубокимъ чувствомъ. Онъ доказывалъ офицерамъ, что въ данное время не слѣдуетъ бросать тѣни подозрѣнія

на высшій авторитетъ страны, говоря, что ничего не имѣетъ противъ того, чтобы армія изложила свои жалобы; онъ прибавилъ, что всегда былъ другомъ арміи, свидѣтелемъ ея страданій, всегда радовался ея успѣхамъ и не можетъ безразлично относиться къ ея интересамъ. Онъ обѣщалъ сдѣлать все, что въ его власти, для удовлетворенія законныхъ требованій арміи и заклиналъ офицеровъ избѣгать такихъ рѣшеній, которыя могли бы повлечь за собою гражданскую войну. Впечатлѣніе этой рѣчи было подавляющее. Послѣ удаленія Вашингтона офицеры разсуждали недолго и единодушно приняли резолюцію благодарить главнокомандующаго и выразить свое довѣріе къ конгрессу и странѣ. Послѣ этого въ арміи возстановилось спокойствіе. Конгрессъ дѣйствительно внялъ просьбамъ Вашингтона и постарался удовлетворить справедливыя требованія арміи.

Вскорѣ Вашингтонъ получилъ оффиціальное извѣщеніе съ томъ, что въ Парижѣ подписанъ мирный договоръ, подтверждавшій независимость Американскаго Союза. Тогда конгрессъ распустилъ большую часть арміи; вслѣдъ затѣмъ англичане очистили Нью-Іоркъ, куда теперь торжественно вступили американцы съ генераломъ Вашингтономъ во главѣ.

Вашингтону оставалось теперь только отказаться передъ конгрессомъ отъ своей должности. Но сначала онъ долженъ былъ проститься съ офицерами, и это прощаніе было очень тяжело Вашингтону. Оно произошло 4-го декабря въ одной изъ городскихъ тавернъ, куда собрались всѣ офицеры и ихъ любимый вождь. Вашингтонъ былъ слишкомъ взволнованъ, чтобы скрыть свои чувства. Наполнивъ свой стаканъ виномъ, онъ сказалъ: «Съ сердцемъ, полнымъ любви и благодарности, я вамъ говорю теперь мое послѣднее прости. Отъ всей души желаю, чтобы ваши послѣдующіе дни были такъ же благополучны и счастливы, какъ ваши прежніе дни были доблестны и славны». Выпивъ свой стаканъ, онъ прибавилъ: «Я не могу подойти и проститься съ каждымъ изъ васъ въ отдѣльности; но вы очень меня обяжете, если каждый изъ васъ подойдетъ ко мнѣ и подастъ мнѣ свою руку». Генералъ Ноксъ, стоявшій ближе другихъ къ Вашингтону, подошелъ къ нему первый. Вашингтонъ не въ силахъ былъ произнести ни одного слова: онъ схватилъ Нокса за руку и обнялъ его. Такъ-же простился онъ и съ остальными офицерами. У всѣхъ присутствующихъ глаза наполнились слезами. Никто не проронилъ ни слова,

чтобы не нарушать торжественности и трогательности этого послѣдняго свиданія. Пожавъ всѣмъ руку, Вашингтонъ вышелъ изъ комнаты и направился къ пристани, гдѣ ожидала его шлюпка. Долго еще, стоя въ шлюпкѣ, Вашингтонъ медленно размахивалъ шляпой, прощаясь съ дорогими товарищами.

Вездѣ народъ, члены законодательныхъ собраній и различныя общества торжественно встрѣчали Вашингтона, ѣхавшаго въ Аннаполисъ, гдѣ засѣдалъ конгрессъ. 23-го декабря, въ присутствіи всѣхъ членовъ конгресса, Вашингтонъ сложилъ съ себя должность главнокомандующаго. «Окончивъ трудъ, возложенный на меня,—сказалъ при этомъ Вашингтонъ,—я удаляюсь съ этого великаго театра дѣйствій. Я прощаюсь съ этимъ высокимъ собраніемъ, подъ руководствомъ котораго такъ долго дѣйствовалъ, и, отказываясь отъ должности, навсегда покидаю общественную жизнь». Съ этими словами онъ подошелъ къ предсѣдателю и вручилъ ему свой отказъ отъ должности.

Въ тотъ же день Вашингтонъ отправился въ Моунтъ-Вернонъ, гдѣ провелъ канунъ Рождества послѣ восьмилѣтняго отсутствія.

ГЛАВА VII.

Перерывъ общественной дѣятельности Вашингтона.

Настроеніе Вашингтона послѣ возвращенія въ Моунтъ-Вернонъ.—Заботы о развитіи водныхъ путей сообщенія.—Послѣднее свиданіе съ Лафайетомъ.—Заботы Вашингтона о распространеніи народнаго образованія.—Занятія сельскимъ хозяйствомъ и садоводствомъ.—Пріѣздъ множества посѣтителей въ Моунтъ-Вернонъ и обширная переписка Вашингтона.—Участіе Вашингтона въ составленіи конституціи Соединенныхъ Штатовъ.—Избраніе Вашингтона президентомъ Соединенныхъ Штатовъ.

Болѣе восьми лѣтъ не былъ уже Вашингтонъ въ Моунтъ-Вернонѣ, и наконецъ, по окончаніи войны, когда слава его гремѣла на весь міръ, могъ онъ съ сознаніемъ исполненнаго долга отдохнуть въ своемъ любимомъ мирномъ уголкѣ послѣ всѣхъ перенесенныхъ имъ трудовъ, опасностей и лишеній. Онъ жаждалъ спокойствія, уединенія, занятія своимъ хозяйствомъ, которое къ тому же въ его отсутствіе пришло въ разстройство вслѣдствіе войны. Личные расходы Вашингтона за послѣдніе годы составляли крупную сумму, главнымъ образомъ покрывавшуюся доходами съ Моунтъ-Вернона, такъ какъ онъ не получалъ жалованья во время войны, а послѣ войны отказался отъ предложенія конгресса возмѣстить его денеж-

ные расходы. Погрузившись въ свое сельское хозяйство, Вашингтонъ былъ вполнѣ доволенъ своею судьбою, какъ видно изъ его письма къ Лафайету въ февралѣ 1784 года: «Наконецъ я сдѣлался частнымъ гражданиномъ на берегахъ Потомака, и подъ тѣнью моихъ виноградниковъ и фиговыхъ деревьевъ, свободный отъ сутолоки лагерной жизни и отъ дѣловыхъ сценъ общественной дѣятельности, я вполнѣ наслаждаюсь тѣми тихими радостями, о которыхъ имѣетъ весьма слабое представленіе воинъ, гоняющійся за славою, государственный человѣкъ, посвящающій свои дни и безсонныя ночи составленію проектовъ для поднятія благосостоянія родной страны и быть можетъ для нанесенія вреда другимъ странамъ, какъ будто этотъ земной шаръ не можетъ вмѣстить всѣхъ насъ, — или царедворецъ, постоянно слѣдящій за выраженіемъ лица своего повелителя въ надеждѣ увидѣть милостивую улыбку. Я, нетолько удалился отъ общественныхъ дѣлъ, но собираюсь уйти въ самого себя и надѣюсь найти полное внутреннее удовлетвореніе, одиноко совершая свой жизненный путь и шествуя по стезѣ частной жизни. Никому не завидуя, я рѣшился быть всѣмъ довольнымъ. Вотъ въ настоящее время планъ моего похода, и я бодро буду двигаться подъ гору жизни, пока не усну съ моими предками». Спустя немного онъ писалъ генералу Ноксу: «Я чувствую себя, какъ утомленный путникъ, который, совершивъ много мучительныхъ шаговъ съ тяжелой ношей на спинѣ, наконецъ освобождается отъ тяжести, достигнувъ тихой пристани, и съ порога своего дома оглядывается назадъ, еще разъ обнимая мыслью тѣ тропинки, по которымъ онъ избѣжалъ сыпучихъ песковъ и болотъ, лежавшихъ на его пути».

Въ первый же годъ по возвращеніи въ Моунтъ-Вернонъ, Вашингтонъ отправился осматривать свои земли къ западу отъ Аллегановъ, пріобрѣтенныя имъ еще до революціи. Одною изъ главныхъ цѣлей этого путешествія было ближе ознакомиться со свойствами рѣкъ, текущихъ съ Аллегановъ и впадающихъ въ Огіо, и посмотрѣть, нельзя ли соединить ихъ каналами съ Потомакомъ или Джемсомъ, вливающимися въ океанъ, а также съ Великими Озерами. Не смотря на свои 52 года, Вашингтонъ съ удовольствіемъ совершилъ это путешествіе верхомъ на конѣ вмѣстѣ съ другомъ своимъ Крэкомъ, вспоминая былыя времена войны съ французами, ночуя подъ открытымъ небомъ среди величественной природы, которая одна не

измѣнилась, хотя въ судьбахъ людей произошло столько перемѣнъ! Какъ видно изъ его дневника, Вашингтонъ обращалъ большое вниманіе на взаимное положеніе рѣкъ, на тѣ пункты ихъ, гдѣ ему казалось удобнымъ устройство пристаней и т д. Онъ хотѣлъ было по Огіо спуститься къ Великой Кенгавѣ, но, услышавъ о враждебномъ настроеніи тамошнихъ индѣйцевъ къ бѣлымъ, предпочелъ вернуться въ Моунтъ-Вернонъ, проѣхавъ въ общей сложности около 700 англ. миль. Въ Моунтъ-Вернонѣ онъ выработалъ проектъ внутренняго судоходства на основаніи своихъ собственныхъ наблюденій. Въ развитіи внутренней навигаціи, въ данномъ случаѣ въ соединеніи рѣкъ, берущихъ начало въ Аллеганахъ и несущихъ воды свои въ Огіо, съ Потомакомъ и Джемсомъ, онъ видѣлъ могущественный стимулъ для развитія внутренней торговли и промышленности и для сближенія штатовъ между собою; ему казалось, что отдѣльные штаты не сознаютъ общности своихъ интересовъ и часто бываютъ проникнуты партикуляризмомъ потому, что рѣдко приходятъ въ соприкосновеніе другъ съ другомъ, а это, по мнѣнію Вашингтона, неизбѣжно должно ослаблять федерацію. Эти идеи Вашингтона нашли себѣ примѣненіе и осуществленіе частью при его жизни, частью послѣ его смерти.

Въ ноябрѣ, къ большой радости Вашингтона, пріѣхалъ къ нему гостить въ Моунтъ-Вернонъ другъ его Лафайетъ. Проживъ около мѣсяца у Вашингтона, Лафайетъ долженъ былъ уѣхать во Францію. Вашингтонъ, глубоко любившій и уважавшій этого человѣка, такъ безкорыстно послужившаго дѣлу Америки, съ большою грустью разставался со своимъ молодымъ другомъ—и, предчувствуя, что это будетъ ихъ послѣднее свиданіе, самъ проводилъ его до Аннаполиса. Вернувшись домой, Вашингтонъ написалъ Лафайету слѣдующія строки: «Въ моментъ нашей разлуки, я глубоко чувствовалъ любовь, уваженіе и привязанность къ вамъ, возникшія во мнѣ подъ вліяніемъ многолѣтняго общенія и дружбы съ вами и подъ вліяніемъ вашихъ заслугъ. Когда наши кареты разъѣхались, я все спрашивалъ себя, неужели я видѣлъ васъ въ послѣдній разъ? Хотя я желалъ отвѣчать *нѣтъ*, но долженъ былъ отвѣчать *да*. Я вспомнилъ дни моей юности, которые давно уже навсегда улетѣли, вспомнилъ, что теперь спускаюсь съ горы, на которую взбирался втеченіе 52-хъ лѣтъ, что, несмотря на крѣпкое тѣлосложеніе, я принадлежу къ недолго-

вѣчной семьѣ и скоро буду погребенъ со своими предками. Эти мысли сгустили тѣни, придавъ мрачный оттѣнокъ картинѣ, а слѣдовательно и моей надеждѣ еще разъ увидѣть васъ». Предчувствія Вашингтона оправдались: онъ больше не видѣлся съ Лафайетомъ, но никогда не терялъ его изъ виду и во время французской революціи всячески старался облегчить его тяжелую судьбу. Лафайету удалось освободиться изъ тюрьмы, отчасти благодаря вліянію Вашингтона.

Проектъ Вашингтона о развитіи водныхъ путей сообщенія былъ принятъ законодательнымъ собраніемъ Виргиніи (1785 г.), и скоро составилось два общества для осуществленія проекта Вашингтона — потомакское и джемское. Виргинское собраніе рѣшило поднести Вашингтону, какъ иниціатору этого дѣла, 150 акцій обоихъ обществъ на сумму болѣе 60,000 долларовъ. Вашингтонъ принялъ этотъ денежный подарокъ, но съ условіемъ, что ему позволено будетъ употребить его на какое-нибудь полезное общественное дѣло. Вашингтонъ пожертвовалъ 100 акцій въ пользу одного высшаго учебнаго заведенія въ графствѣ Рокбриджъ, получившаго съ тѣхъ поръ названіе колледжа Вашингтона; 50-же акцій Вашингтонъ завѣщалъ на основаніе и расширеніе университета въ округѣ Колумбіи. Получивъ самъ образованіе весьма скудное, Вашингтонъ тѣмъ не менѣе былъ горячимъ сторонникомъ просвѣщенія народа, особенно важнаго, по его мнѣнію, въ республиканскомъ обществѣ, гдѣ общественное мнѣніе руководило всѣми дѣйствіями правительственныхъ учрежденій. Особенно сильно желалъ Вашингтонъ, чтобы въ Америкѣ возникъ національный университетъ на европейскій ладъ, но эта идея приведена была въ исполненіе лишь послѣ его смерти. Университетъ, думалось ему, болѣе всякаго другого учрежденія способенъ искоренить мѣстные предразсудки и способствовать сліянію разнородныхъ составныхъ частей федераціи. Общіе духовные интересы казались Вашингтону не менѣе важными для объединенія націи, чѣмъ общіе интересы экономическіе. Еще больше заботился онъ о распространеніи знаній въ народныхъ массахъ. Идея такъ называемыхъ народныхъ университетовъ, которыми нынѣ такъ гордится Америка, уже приходила въ голову ея освободителю. Общее идейное образованіе, на ряду съ профессіональнымъ, представлялось ему, не смотря на дѣловой складъ его ума, чрезвычайно важнымъ, и онъ доказывалъ, что на это государство не должно щадить затратъ, которыя

въ будущемъ окупятся сторицею. Щедрою рукою ежегодно жертвовалъ онъ изъ своихъ личныхъ средствъ крупныя суммы на сиротскія школы, академіи и колледжи. Въ пользу воспитанія бѣдныхъ дѣтей въ Александріи онъ вносилъ ежегодно 50 фунт. ст. и, умирая, завѣщалъ для этой цѣли 4,000 долларовъ. Многихъ бѣдныхъ юношей онъ содержалъ на свой счетъ, какъ въ высшихъ, такъ и въ среднихъ школахъ. Нечего и говорить, что онъ далъ основательное образованіе своимъ многочисленнымъ племянникамъ и потомству своего пасынка.

Сельское хозяйство, какъ всегда во время пребыванія въ деревнѣ, сильно занимало и теперь владѣльца Моунтъ-Вернона. Чтобы возстановить потери въ хозяйствѣ во время своего отсутствія, Вашингтонъ завелъ строгую экономію. Долголѣтній опытъ убѣдилъ его, что табакъ сильно истощаетъ почву, и потому, тотчасъ послѣ возвращенія въ свое имѣніе, онъ завелъ у себя новую плодосмѣнную систему: пшеница, маисъ, картофель, овесъ, кормовыя травы и другіе злаки послѣдовательно засѣвались на одномъ и томъ же полѣ черезъ опредѣленные промежутки времени. Вашингтонъ набросалъ даже схему посѣвовъ на нѣсколько лѣтъ впередъ и очень удачно осуществлялъ ее до самой своей смерти. Въ земледѣліи, какъ и въ военномъ искусствѣ, онъ былъ прежде всего практикъ; онъ зналъ особенности каждаго клочка своей земли и руководился ими, плохо умѣя разбираться въ агрономическихъ книжкахъ. Очень любилъ Вашингтонъ и садоводство. Домъ свой онъ окружилъ рощами, фруктовыми деревьями, цвѣтниками, оранжереями, разводилъ всевозможные экзотическіе виды растеній, выписывая ихъ изъ Европы, Вестъ-Индіи и т. д. Большой лугъ передъ домомъ онъ обсадилъ деревьями и кустарниками и самъ нерѣдко помогалъ при этомъ въ работахъ. Его часто можно было видѣть въ саду съ садовыми ножницами въ рукахъ, лично занимающагося стрижкой деревьевъ. Садовниковъ своихъ онъ выписывалъ изъ Европы, придавая большое значеніе развитію садоводства.

Не мало времени однако приходилось ему удѣлять многочисленнымъ посѣщеніямъ, предметомъ которыхъ сдѣлался теперь Моунтъ-Вернонъ. Это было не особенно-то пріятно Вашингтону, но домъ его былъ открытъ для всѣхъ, особенно же для тѣхъ, которые являлись къ нему по рекомендаціи его друзей или сослуживцевъ, и всѣ встрѣчали съ его сто-

роны простой и вѣжливый пріемъ. Въ этомъ отношеніи большую часть бремени брала на себя его жена; ея простота и достоинство въ обращеніи производили на всѣхъ прекрасное впечатлѣніе, и всѣ покидали домъ Вашингтона довольные, воочію увидѣвъ царившее въ немъ мирное и тихое семейное счастье. Другимъ бѣдствіемъ для владѣльца Моунтъ-Вернона была его обширная переписка съ друзьями и съ разными выдающимися общественными дѣятелями Европы и Америки. Каждый день въ Моунтъ-Вернонѣ получалась цѣлая груда писемъ. Первое время Вашингтонъ читалъ ихъ и отвѣчалъ на нихъ одинъ, но потомъ пришлось пригласить секретаря. Особенно много времени отнимали у него отвѣты на просьбы его сослуживцевъ выдать имъ свидѣтельства о военной службѣ или походатайствовать за нихъ передъ правительствомъ. Для удовлетворенія этихъ просьбъ приходилось часами рыться въ дѣловыхъ документахъ и иногда только для того, чтобы убѣдиться въ неосновательности притязаній того или другого лица. Напряженная работа вредно отзывалась на здоровьѣ Вашингтона, который къ тому же, вслѣдствіе обширной переписки и пріема гостей, очень мало пользовался уединеніемъ и рѣдко могъ предаваться своимъ мыслямъ.

Удалившись съ арены общественной дѣятельности, Вашингтонъ однако не переставалъ внимательно слѣдить за ходомъ общественныхъ дѣлъ. Его сильно заботила непрочность связи между отдѣльными частями федераціи. Послѣ заключенія мира съ Англіей мѣстные интересы стали все болѣе и болѣе выступать на первый планъ, а это грозило погубить только что отвоеванную независимость. Конгрессъ, не имѣвшій большой власти даже во время войны, теперь потерялъ всякое значеніе; функціи законодательства и управленія фактически сосредоточились въ законодательныхъ собраніяхъ отдѣльныхъ штатовъ, которые ничего и слышать не хотѣли о единообразной системѣ экономической политики, необходимой однако для покрытія національнаго долга и для процвѣтанія внутренней торговли. Соединенные Штаты лишились кредита въ Европѣ и внутри страны и переживали промышленный и торговый кризисъ. Лучшіе дѣятели Америки, и въ томъ числѣ Вашингтонъ, считали необходимымъ пересмотръ конституціи и усиленіе власти конгресса. Иные общественные дѣятели начинали сомнѣваться въ способности колоній къ самоуправленію и выступали

сторонниками конституціонной монархіи на подобіе англійской. «Какія удивительныя перемѣны могли произойти въ нѣсколько лѣтъ!—пишетъ по этому поводу Вашингтонъ:—я слышалъ, что доже почтенные люди говорятъ безъ ужаса о монархической формѣ правленія. Но какой это былъ бы непоправимый и ужасный шагъ! Да поможетъ Богъ, чтобы во-время были приняты мѣры для отвращенія послѣдствій, которыхъ мы имѣемъ слишкомъ много основаній опасаться!» Вашингтонъ зналъ, что юная республика скрываетъ въ себѣ неистощимый запасъ силъ, и что силы эти развернутся во всей полнотѣ, если дать союзному государству здоровую организацію.

Наконецъ, общественное мнѣніе многихъ штатовъ стало высказываться въ пользу составленія новой конституціи. Послѣ многихъ переговоровъ, съѣздомъ делегатовъ отъ отдѣльныхъ штатовъ въ Аннаполисѣ (1786 г.) рѣшено было разослать всѣмъ штатамъ предложеніе прислать депутатовъ на конвенцію, которая должна была собраться въ Филадельфіи въ маѣ 1787 г. для составленія конституціи. Въ то же время аннаполисское собраніе извѣстило объ этомъ конгрессъ. Въ числѣ своихъ 7-ми делегатовъ на эту конвенцію, Виргинія единогласно и прежде всего выбрала Вашингтона. Вашингтонъ неохотно согласился покинуть свое деревенское уединеніе; но дѣлать было нечего—долгъ всегда стоялъ для него выше всякихъ другихъ соображеній. Рѣшившись принять участіе въ составленіи конституціи, Вашингтонъ по своему обыкновенію усѣрдно готовился къ этой работѣ, внимательно штудируя капитальныя историческія сочиненія и изучая конституціи древнихъ и новыхъ временъ. Особенно усердно знакомился онъ съ конституціями Англіи, Швейцаріи и Нидерландовъ.

Когда въ маѣ 1787 г. Вашингтонъ прибылъ въ Филадельфію, то ему устроена была торжественная встрѣча, и отрядъ легкой конницы эскортировалъ его при въѣздѣ въ городъ. Вашингтонъ первымъ долгомъ сдѣлалъ визитъ престарѣлому Франклину, къ которому относился съ величайшимъ уваженіемъ, считая его украшеніемъ не только своей родины, но и всего человѣчества.

Конвенція для составленія новой конституціи открыла свои засѣданія 25-го мая 1787 г. Предсѣдателемъ ея единогласно избранъ былъ Вашингтонъ. Четыре мѣсяца длились жаркіе дебаты; въ общемъ однако дѣло налаживалось, благо-

даря искусству предсѣдателя вести дѣло,— искусству не легкому, такъ какъ въ конвенціи принимали участіе представители всевозможныхъ мнѣній и интересовъ. Самъ Вашингтонъ говорилъ очень рѣдко, но когда говорилъ, то мнѣніе его всегда оказывало вліяніе, побуждая различныя партіи къ уступкамъ и соглашеніямъ. 17-го сентября 1787 г. конституція Соединенныхъ Штатовъ была наконецъ готова и подписана почти всѣми членами конвенціи; эта конституція съ незначительными измѣненіями продолжаетъ дѣйствовать и донынѣ въ Сѣверо-американскомъ Союзѣ. Конституція 1787 года была результатомъ компромисса между малыми и крупными штатами, между представителями крупной и мелкой собственности, между интересами земледѣльцевъ и промышленниковъ. Въ этомъ ея сильная и въ этомъ же ея слабая сторона, и потому многіе усматривали ея достоинство именно въ томъ, въ чемъ другіе видѣли ея недостатки, и наоборотъ. Это-то и заставляло Вашингтона и его товарищей по созданію конституціи считать новую конституцію «лучшею, какая только могла быть получена въ настоящее время».

Для вступленія конституціи въ силу, необходимо было одобреніе ея населеніемъ девяти штатовъ. Конгрессъ, напечатавъ ее въ достаточномъ количествѣ экземпляровъ, разослалъ ее законодательнымъ собраніямъ всѣхъ штатовъ. Населеніе каждаго штата должно было избрать представителей, которые рѣшили бы вопросъ о принятіи или непринятіи конституціи. На это ушелъ еще почти цѣлый годъ, втеченіе котораго происходила страстная полемика между приверженцами и противниками новой конституціи, но въ общемъ дѣло клонилось къ ея принятію. Получивъ оффиціальное одобреніе конституціи отъ 9-ти штатовъ, конгрессъ назначилъ день (въ началѣ февраля 1789 г.), когда народъ во всѣхъ штатахъ долженъ былъ избрать представителей для выбора президента Союза. Въ началѣ марта должны были произойти выборы президента, и взоры всей націи обратились на Вашингтона. Всѣ, правда, знали скромность Вашингтона, его любовь къ сельской жизни, его нежеланіе опять выступать на общественное поприще; но всѣ знали также, что никогда онъ не отказывался слѣдовать призыву страны и всегда готовъ былъ пожертвовать своими личными благами для ея блага. Избраніе Вашингтона обѣщало примирить всѣ разногласія, такъ какъ онъ пользовался уваже-

ніемъ всѣхъ партій безъ исключенія. Къ тому же республика, едва вышедшая изъ пеленокъ, нуждалась въ такомъ опытномъ и твердомъ руководителѣ. Вашингтонъ видѣлъ, что эта горькая чаша не минуетъ его, но развѣ могъ онъ отказаться выпить ее до дна? Наконецъ, въ началѣ апрѣля (вмѣсто марта) собрались въ Нью-Іоркѣ избиратели президента, и Георгъ Вашингтонъ единодушно провозглашенъ былъ первымъ главою республики Соединенныхъ Штатовъ.

ГЛАВА VIII.

Президентство и послѣдніе годы Вашингтона.

Торжественное вступленіе Вашингтона въ Нью-Іоркъ.—Присяга и вступительная рѣчь.—Болѣзнь Вашингтона и смерть его матери.—Правила Вашингтона при назначеніи чиновниковъ.—Пріемные дни президента.—Поѣздка въ Сѣверные штаты.—Приведеніе въ порядокъ финансовъ.—Отношеніе Соединенныхъ Штатовъ къ другимъ государствамъ и война съ индѣйцами.—Политическія партіи въ конгрессѣ и вражда между членами кабинета.—Объявленіе нейтралитета Соединенныхъ Штатовъ.—Нападки на Вашингтона.—Торговый договоръ съ Англіей.—Прощальный адресъ Вашингтона къ народу и возвращеніе въ Моунтъ-Вернонъ.—Военныя приготовленія въ виду войны съ Франціей.—Болѣзнь и смерть Вашингтона.

Въ половинѣ апрѣля 1789 г. въ Моунтъ-Вернонѣ Вашингтонъ получилъ отъ предсѣдателя сената оффиціальное извѣщеніе объ избраніи его президентомъ республики. Все было уже готово къ отъѣзду, и 16-го апрѣля Вашингтонъ пустился въ путь, на этотъ разъ особенно неохотно разставаясь съ деревенской жизнью. «Я простился съ Моунтъ-Вернономъ, съ частной жизнью и съ домашнимъ счастьемъ; подавленный самыми тревожными и тяжелыми чувствами, я направилъ свой путь въ Нью-Іоркъ съ наилучшими намѣреніями еще разъ послужить родинѣ, но съ слабыми надеждами достойно выполнить ея ожиданія»...

Путешествіе Вашингтона въ Нью-Іоркъ было настоящимъ тріумфальнымъ шествіемъ. Отъ одного города до другого его сопровождали отряды легкой кавалеріи. Во всѣхъ городахъ его встрѣчали колокольнымъ звономъ и пушечными залпами. Вездѣ выходили ему навстрѣчу представители гражданской власти, депутаціи отъ религіозныхъ и научныхъ обществъ и отъ горожанъ. Народъ толпился по дорогамъ, чтобы поглядѣть на своего президента. Въ Нью-Джерсеѣ встрѣтили его

представители отъ обѣихъ палатъ конгресса (палаты депутатовъ и сената). Отсюда Вашингтонъ поплылъ въ Нью-Іоркъ въ разубранной зеленью и флагами лодкѣ, сопровождаемый огромною толпою. Едва высадился онъ въ Нью-Іоркѣ на берегъ, какъ раздался пушечный залпъ, и загудѣли всѣ колокола города. Дома были украшены флагами и цвѣтами, толпа привѣтствовала его радостными кликами. Вашингтонъ, какъ истинный представитель демократическаго правленія, не захотѣлъ ѣхать въ каретѣ, а отправился въ отведенный для него домъ пѣшкомъ, въ сопровожденіи народа, высшихъ сановниковъ, духовенства и нью-іоркской милиціи. Вечеромъ городъ былъ иллюминованъ. Это было 23-го апрѣля. 30-го апрѣля Вашингтонъ принесъ присягу конституціи въ Федеральной залѣ, куда президента сопровождали обѣ палаты конгресса, войска и высшіе государственные чиновники. Вашингтонъ вышелъ на балконъ и, положивъ лѣвую руку на сердце, а правую на Библію, на глазахъ всего народа произнесъ формулу клятвы. Послѣ этого на куполѣ зданія взвился національный флагъ, многотысячная толпа огласила воздухъ восторженными кликами и со всѣхъ нью-іоркскихъ баттарей раздался пушечный залпъ. Вашингтонъ, сильно взволнованный, вошелъ въ залу засѣданій, чтобы произнести вступительную рѣчь. «При этомъ великій человѣкъ былъ такъ смущенъ, какъ никогда не смущался передъ направленной на него пушкой,— говоритъ одинъ очевидецъ:—онъ дрожалъ и прерывающимся голосомъ прочелъ свою рѣчь». Другой очевидецъ прибавляетъ: «Это была трогательная и торжественная сцена. Видъ у него былъ серьезный, почти печальный; скромность его невольно потрясала свидѣтелей; голосъ его былъ глухой, нѣсколько дрожащій и еле слышный». Окончивъ рѣчь, въ которой выражалъ надежду, сообща съ представителями народа, способствовать благу страны, Вашингтонъ отправился въ церковь св. Павла, гдѣ совершено было торжественное богослуженіе.

Принявъ доклады отъ лицъ, временно поставленныхъ во главѣ различныхъ вѣдомствъ, Вашингтонъ самымъ тщательнымъ образомъ вникъ во всѣ дѣла молодого государства, самъ рылся въ архивахъ и дѣлалъ извлеченія изъ важнѣйшихъ документовъ. Но скоро пришлось ему прервать эту дѣятельность: тяжкій недугъ на цѣлыхъ три мѣсяца отвлекъ его отъ государственныхъ дѣлъ. Едва оправившись отъ болѣзни, онъ

получилъ извѣстіе о смерти матери, скончавшейся 25-го августа 1789 г., 82-хъ лѣтъ отъ роду. Она дожила до славы своего сына, но никогда не чванилась этимъ, до конца дней сохранивъ простоту, не лишенную суровости. Слыша похвалы сыну, она молчала или говорила: «Георгъ всегда былъ хорошимъ сыномъ, и я надѣюсь, что, какъ человѣкъ, онъ исполнилъ свой долгъ». Вашингтонъ искренно оплакивалъ свою мать, которой многимъ былъ обязанъ въ жизни.

Между тѣмъ конгрессъ успѣлъ организовать исполнительную власть республики. Создано было 4 департамента (по нашему министерства): иностранныхъ дѣлъ, финансовъ, военный и юстиціи. Вашингтонъ назначилъ министрами способныхъ и честныхъ лицъ, обнаруживъ умѣнье безпристрастно выбирать себѣ дѣльныхъ помощниковъ. Вашингтонъ поставилъ себѣ за правило никого не назначать ни на какую должность по протекціи. Онъ не обращалъ вниманія ни на происхожденіе, ни даже на политическіе принципы чиновниковъ; ему нужна была только гарантія, что данное лицо отличается честностью, трудолюбіемъ и необходимыми для дѣла свѣдѣніями. Никогда не стѣснялся Вашингтонъ отказывать своимъ друзьямъ или знакомымъ, просившимъ его пристроить кого-нибудь, кто не годился для дѣла, къ теплому мѣстечку, и, благодаря этому, избѣгъ интригъ, зависти и т. п., царящихъ сплошь и рядомъ въ чиновничьихъ сферахъ. Только одинъ разъ назначилъ онъ на одну должность своего родственника, да и то убѣдившись въ его познаніяхъ. Руководясь этими здоровыми принципами, Вашингтонъ поставилъ во главѣ министерства иностранныхъ дѣлъ (куда включено было и вѣдомство внутреннихъ дѣлъ) Джефферсона, человѣка энергичнаго и талантливаго, не смотря на то, что Джефферсонъ отличался гораздо болѣе крайними демократическими убѣжденіями, чѣмъ Вашингтонъ. Финансы были поручены Гамильтону, военное вѣдомство—генералу Ноксу, а департаментъ юстиціи—Джею. Мало по малу, политическій механизмъ Соединенныхъ Штатовъ началъ дѣйствовать.

Много времени отнимали у Вашингтона визиты какъ частныхъ, такъ и оффиціальныхъ лицъ. Пріемная президента была всегда переполнена. Пріемы утомляли его тѣмъ болѣе, что и безъ нихъ дѣла было множество, да и годы его уже были не молодые. Разсчеты Вашингтона на деликатность публики не оправдывались — всякій хотѣлъ воспользоваться

своимъ правомъ лично обращаться къ президенту. Наконецъ, по совѣту друзей, Вашингтонъ установилъ для этихъ пріемовъ опредѣленный часъ, и каждый вторникъ отъ 3—4 час. въ пріемную президента могъ являться всякій, и онъ лично со всякимъ непринужденно бесѣдовалъ. По пятницамъ вечеромъ открытъ былъ салонъ миссисъ Вашингтонъ для всѣхъ, кто желалъ посѣтить домъ президента и видѣть Вашингтона, который всегда присутствовалъ на этихъ собраніяхъ. Они отличались простотою, но всякая фамильярность была изъ нихъ исключена, какъ нѣчто несовмѣстимое съ почтеніемъ къ положенію хозяина Разъ въ недѣлю всѣ члены кабинета обѣдали у президента вмѣстѣ съ его близкими друзьями. Воскресенье Вашингтонъ всегда проводилъ въ кругу своей семьи. Распредѣляя такимъ образомъ свое время, Вашингтонъ успѣвалъ урвать время для занятій своимъ любимымъ Моунтъ-Вернономъ, для отвѣтовъ на письма управляющаго, причемъ попрежнему вникалъ во всѣ крупныя и мелкія дѣла своего имѣнія. Въ своемъ домашнемъ хозяйствѣ въ Нью-Іоркѣ Вашингтонъ завелъ строгую экономію, не желая непроизводительно растрачивать деньги, которыя выплачивались ему государствомъ въ видѣ жалованья. Онъ согласился получать лишь такое жалованье, которое было необходимо для оффиціальныхъ пріемовъ и для содержанія дома, а именно 25,000 долларовъ въ годъ. Несмотря на всю экономію, часто приходилось дѣлать прибавки изъ своихъ средствъ для покрытія расходовъ, сопряженныхъ съ такимъ высокимъ положеніемъ. Каждый день Вашингтонъ просматривалъ и вписывалъ въ особую книгу расходы, провѣряя всѣ счета, представляемые ему дворецкимъ.

Осенью Вашингтонъ, пользуясь перерывомъ въ засѣданіяхъ конгресса, отправился въ штаты Новой Англіи съ цѣлью воочію убѣдиться въ результатахъ новой формы правленія. Всюду президента встрѣчали съ энтузіазмомъ, народъ часто стекался издалека, чтобы поглядѣть на своего «отца» и выразить ему свои чувства. Это всегда глубоко трогало Вашингтона—народная любовь была лучшимъ вознагражденіемъ за всѣ его труды и лишенія на пользу родины. Еще больше радовало Вашингтона то, что онъ видѣлъ вокругъ себя во время своего путешествія. Онъ видѣлъ, что послѣ бурь и невзгодъ революціи во всѣ общественные слои начинаютъ проникать спокойствіе и довольство. Земледѣліе, промышленность, торговля раз-

вивались на тѣхъ самыхъ мѣстахъ, гдѣ въ началѣ войны проливалась кровь. Раны страны явно заживали, и могущественныя силы юнаго общественнаго организма безпрепятственно развертывались. Нельзя было сомнѣваться, что новое правительство дѣйствовало удачно. Вашингтонъ, увѣренный въ хорошемъ будущемъ своего отечества, вернулся опять къ своему посту.

Засѣданія конгресса открылись 8-го января 1790 г., и прежде всего приступлено было къ обсужденію мѣръ для урегулированія финансовъ. Во главѣ департамента финансовъ стоялъ Гамильтонъ, выработавшій проектъ о томъ, чтобы для поднятія кредита страны сдѣлать всѣ внѣшніе и внутренніе долги Соединенныхъ Штатовъ національными или государственными. Внѣшній долгъ республики простирался до 12 милліоновъ долларовъ, внутренній же—до 42 милліоновъ долларовъ; послѣдній сдѣланъ былъ конгрессомъ посредствомъ выпуска бумажныхъ денегъ во время войны; наконецъ, 25 милліоновъ долларовъ долгу имѣли въ общей сложности отдѣльные штаты. Всѣ эти долги, достигавшіе 79 милліоновъ, Гамильтонъ предложилъ національизировать, что послѣ долгихъ и жаркихъ преній было принято конгрессомъ. Вашингтонъ былъ очень доволенъ этимъ, хотя самъ держался въ сторонѣ отъ дебатовъ, не желая подвергаться обвиненію въ партійности. Кромѣ того, конгрессъ назначилъ мѣстомъ своихъ засѣданій (на 10 лѣтъ) городъ Филадельфію и отвелъ участокъ земли въ Колумбіи, рѣшивъ застроить его и сдѣлать навсегда резиденціей конгресса и президента. Эту задачу взялъ на себя Вашингтонъ, который самъ велъ дѣла съ подрядчиками, назначалъ архитекторовъ, разсматривалъ планы новыхъ построекъ. Такъ возникъ городъ, названный въ честь президента Вашингтономъ.

Много времени посвящалъ Вашингтонъ тому, чтобъ улаживать отношенія между Соединенными Штатами и другими государствами. Отношенія съ Франціей были прекрасныя, съ Англіей же—натянутыя. Англія все еще не присылала посла въ Соединенные Штаты; къ тому же англичане, вопреки мирному договору, все еще удерживали въ своихъ рукахъ нѣкоторые посты въ области Великихъ Озеръ, подъ тѣмъ предлогомъ, что Сѣверо-американскій Союзъ не выплачиваетъ Англіи своихъ долговъ. Вашингтонъ рѣшилъ вступить въ переговоры съ британскимъ кабинетомъ и съ этою цѣлью отправилъ въ Лондонъ своего агента, поручивъ ему агитировать въ пользу

заключенія торговаго договора между Англіей и Союзомъ. Этого договора сильно желали торговые и промышленные классы Америки, и Вашингтонъ въ данномъ случаѣ стоялъ на сторонѣ этихъ классовъ. Отношенія съ Испаніей тоже требовали заключенія торговаго договора, который позволилъ бы Соединеннымъ Штатамъ безпрепятственно плавать по Миссисипи. Многое въ этихъ отношеніяхъ смущало и заботило Вашингтона, который осенью 1790 г. опять опасно заболѣлъ. Въ послѣдніе годы здоровье его сильно ухудшилось; особенно мучили его головныя боли и страданія пищеварительныхъ органовъ; лишенія лагерной жизни ослабили его зрѣніе и слухъ, такъ что во время президентства съ нимъ приходилось разговаривать очень громко. Онъ поѣхалъ нѣсколько отдохнуть въ Моунтъ-Вернонъ и дѣйствительно поправился тамъ.

Но въ Нью-Іоркѣ ждали его новыя тревоги и заботы: индѣйцы, уже во время революціи недружелюбно относившіеся къ Соединеннымъ Штатамъ, теперь обнаруживали стремленіе начать враждебныя дѣйствія, подстрекаемые на сѣверѣ англійскими торговцами, а на югѣ—испанцами. На запросы Вашингтона англійскій и испанскій кабинеты отвѣчали, что это дѣлается безъ ихъ вѣдома. Вашингтонъ видѣлъ, что придется защищать границы республики съ оружіемъ въ рукахъ, хотя никогда не сочувствовалъ насиліямъ противъ индѣйцевъ. Онъ признавалъ за ними право владѣть американскими землями, и предпочиталъ пріобрѣтать у нихъ земли покупкой, а не оружіемъ. Но индѣйцы то и дѣло нарушали мирныя соглашенія съ американцами, инстинктивно чуя въ нихъ враговъ и рѣшившись огнемъ и мечомъ противиться распространенію американской культуры. Нападеній ихъ уже нельзя было больше терпѣть, и вотъ между американцами и индѣйцами возгорѣлась война, продолжавшаяся пять лѣтъ и много убытковъ причинившая Соединеннымъ Штатамъ. На первыхъ порахъ индѣйцы одерживали одну побѣду за другою, но потомъ, когда во главѣ американской арміи поставленъ былъ генералъ Вейнъ, то индѣйцы были наконецъ усмирены и заключили съ американцами выгодный для послѣднихъ мирный договоръ.

Въ декабрѣ 1790 г. конгрессъ открылъ свои засѣданія уже въ Филадельфіи. На этотъ разъ Гамильтонъ выступилъ съ проектомъ основанія національнаго банка. Не смотря на оппозицію крайней демократической партіи, проектъ этотъ былъ

принятъ и рѣшено было основать національный банкъ съ капиталомъ въ 10 милліоновъ долларовъ. Сильныя пренія въ конгрессѣ вызвалъ и другой проектъ Гамильтона—обложеніе пошлиною всѣхъ спиртныхъ напитковъ. Обсужденіе этихъ проектовъ явно обнаружило существованіе въ конгрессѣ двухъ крупныхъ партій, изъ которыхъ одна стремилась къ централизаціи и къ усиленію центральной власти (федералисты), а другая отстаивала автономію и суверенитетъ отдѣльныхъ штатовъ (демократы).

Какъ только окончилась сессія конгресса (въ мартѣ 1791 г.), Вашингтонъ отправился осмотрѣть южные штаты, что́ и выполнилъ аккуратнѣйшимъ образомъ, слѣдуя заранѣе составленному плану и совершивъ въ три мѣсяца около 2,000 англ. миль на однѣхъ и тѣхъ же лошадяхъ.

Вернувшись въ Филадельфію, онъ засталъ борьбу федералистовъ и демократовъ въ полномъ разгарѣ. Средніе и низшіе классы населенія и мелкіе штаты поддерживали демократическую партію конгресса; богатые же классы общества и крупные штаты стояли на сторонѣ федералистовъ. Вашингтонъ понималъ, какъ глубоко коренятся причины раздора какъ въ конгрессѣ, такъ и въ обществѣ, и предвидѣлъ неизбѣжность гражданской войны въ недалекомъ будущемъ. Своихъ министровъ—Гамильтона, представителя федеральной партіи, и Джефферсона, представителя партіи демократической,—Вашингтонъ всячески старался примирить. Самъ онъ сочувствовалъ въ данномъ случаѣ Гамильтону; но не могъ не цѣнить талантливаго, энергичнаго Джефферсона. Однако всѣ усилія Вашингтона примирить этихъ двухъ людей не привели ни къ чему. Политическая борьба обоихъ министровъ мало по малу перешла въ личную вражду. Къ чести Джефферсона надо замѣтить, что, оспаривая проекты Гамильтона въ печати и въ конгрессѣ, онъ свято подчинялся конституціи и, разъ проекты его противника были приняты конгрессомъ, всячески содѣйствовалъ ихъ осуществленію.

Наступилъ послѣдній годъ президентства Вашингтона. Его сильно тянуло въ Моунтъ-Вернонъ, гдѣ хотѣлось дожить свои послѣдніе годы; но и на этотъ разъ не суждено ему было освободиться отъ тяжелыхъ обязанностей главы государства. Письма друзей, петиціи отъ разныхъ обществъ, настоянія всѣхъ членовъ кабинета и сознаніе, что онъ одинъ можетъ примирить до нѣкоторой степени разногласія, царящія въ обществѣ, за-

ставили Вашингтона, послѣ упорной внутренней борьбы, еще разъ выступить кандидатомъ на президентство. Въ началѣ 1793 г. онъ опять былъ единогласно избранъ президентомъ Соединенныхъ Штатовъ.

Это президентство было очень тяжелое для Вашингтона, особенно вслѣдствіе отношеній съ Франціей. Французская революція была встрѣчена въ Америкѣ съ энтузіазмомъ; но мало по малу федералисты перестали сочувствовать тому, что̀ дѣлалось во Франціи, между тѣмъ какъ демократы радовались успѣхамъ революціи, надѣясь, что она смететь съ лица земли деспотизмъ и рабство. Вашингтонъ, самъ проникнутый революціоннымъ духомъ и боровшійся за свободу, никакъ не могъ примириться съ жестокостями революціонеровъ во Франціи, имѣя, какъ американецъ, весьма слабое понятіе о невозможныхъ соціальныхъ отношеніяхъ, существовавшихъ во Франціи до революціи. Въ мартѣ 1793 г. Франція объявила войну Англіи и Голландіи. Какъ только это извѣстіе распространилось въ Америкѣ, отовсюду раздались голоса, требовавшія, чтобы Соединенные Штаты оказали дѣятельную помощь своему бывшему союзнику—Франціи. Въ Америкѣ стали даже организоваться добровольные отряды и снаряжаться небольшія военныя суда для нападеній на торговыя суда Англіи, которой рѣшено было вредить, гдѣ только возможно. Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ Вашингтонъ пригласилъ къ себѣ членовъ своего кабинета для обсужденія того, какъ слѣдуетъ держать себя Соединеннымъ Штатамъ по отношенію къ другимъ государствамъ. Всѣ члены кабинета единодушно высказались, подобно Вашингтону, за нейтралитетъ Соединенныхъ Штатовъ, тѣмъ болѣе, что съ Франціей былъ заключенъ лишь оборонительный союзъ, а въ данномъ случаѣ Франція сама сдѣлала вызовъ Англіи. Кабинетъ постановилъ выпустить прокламацію, «запрещавшую гражданамъ Соединенныхъ Штатовъ принимать участіе въ какихъ бы то ни было враждебныхъ дѣйствіяхъ на морѣ и удерживавшую ихъ отъ всякихъ дѣйствій, несовмѣстимыхъ съ обязанностями дружественной націи относительно націй, воюющихъ между собою». Рѣшено было также единогласно принять посла отъ французской республики. Вашингтонъ признавалъ французское правительство, хотя лично ему не симпатичное, вполнѣ законнымъ, такъ какъ оно было установлено народомъ, который, по мнѣнію Вашингтона, имѣлъ полное право устанавливать пра-

вительство, соотвѣтствующее его желаніямъ. 22 апрѣля прокламація о нейтралитетѣ Соединенныхъ Штатовъ была подписана Вашингтономъ, а затѣмъ была напечатана и распространена въ народѣ. Объявленіе нейтралитета было самымъ важнымъ политическимъ актомъ Вашингтона, благодаря которому сѣвероамериканская республика не была вовлечена въ европейскія войны, а шла по пути мирной культуры. Со временъ Вашингтона нейтралитетъ легъ въ основаніе всей послѣдующей иностранной политики Соединенныхъ Штатовъ и подъ названіемъ ученія Монроэ сохраняется въ полной силѣ и по сей день. Современные американцы, знающіе, какое благодѣтельное вліяніе имѣлъ актъ Вашингтона, признаютъ политическую мудрость перваго президента своего Союза. Но далеко не такъ относились къ этому акту Вашингтона его современники. Вся страна въ то время распалась на два лагеря, причемъ демократы ожесточенно нападали на правительство въ газетахъ, на собраніяхъ и т. д., обвиняя президента въ пристрастіи къ Англіи, въ вѣроломствѣ по отношенію къ Франціи и т. п. Демократическія газеты начали противъ Вашингтона настоящую травлю. Эти газетныя нападки и инсинуаціи выводили Вашингтона изъ себя. Онъ хотѣлъ совсѣмъ бросить читать газеты, но не въ силахъ былъ не прочитывать яростныхъ нападокъ на самого себя, и при этомъ волновался, бранился, но все-таки выписывалъ враждебныя ему газеты. Впрочемъ никакіе газетные толки не могли поколебать его принциповъ и убѣжденій, согласно съ которыми онъ считалъ нужнымъ дѣйствовать.

Не мѣшаетъ упомянуть здѣсь о томъ, что Вашингтонъ дѣйствительно питалъ нѣкоторое пристрастіе къ англичанамъ, но это пристрастіе вовсе не обусловливалось личными симпатіями, какъ говорили про него враги. Вашингтонъ былъ сторонникомъ торговаго союза съ Англіей, находя такой союзъ выгоднымъ для экономическаго и культурнаго развитія своей родины, и эти разсчеты и ожиданія его блестящимъ образомъ оправдались.

Между тѣмъ въ Соединенные Штаты прибылъ французскій посолъ Жене́, рѣшившій воспользоваться готовностью американцевъ-демократовъ помогать французамъ съ оружіемъ въ рукахъ. Онъ сталъ подстрекать американцевъ къ составленію добровольныхъ военныхъ отрядовъ, къ снаряженію военныхъ кораблей; американцы дѣйствительно захватили нѣсколько англійскихъ кораблей, на что британское правительство не за-

медлило заявить протестъ и требовать возмѣщенія убытковъ, причиненныхъ ему американцами. Признавая въ этомъ дѣлѣ правоту Англіи, правительство Соединенныхъ Штатовъ взяло ея сторону, уплатило понесенные ею убытки и приказало закрыть всѣ порты для американскихъ кораблей, снаряженныхъ для захвата англійскихъ торговыхъ судовъ. Жене́ однако не унимался, такъ что пришлось просить французское правительство отозвать его обратно во Францію, такъ какъ онъ явно нарушалъ данныя ему полномочія.

Отношенія Соединенныхъ Штатовъ съ Англіей были еще хуже, чѣмъ съ Франціей, и съ каждымъ днемъ ухудшались. Англичане захватили множество американскихъ торговыхъ кораблей съ зерномъ и мукой, направлявшихся во Францію, и отправили ихъ въ англійскіе порты. Протесты американскаго правительства долгое время ни къ чему не приводили, и наконецъ отношенія съ обѣихъ сторонъ такъ обострились, что война казалась неизбѣжной. Открывая конгрессъ въ декабрѣ 1793 г., Вашингтонъ предложилъ принять мѣры для обороны страны и для защиты правъ американскихъ гражданъ. Эти предложенія нашли поддержку въ обѣихъ партіяхъ конгресса, понимавшихъ, что поступокъ Англіи есть нарушеніе правъ провозглашеннаго Соединенными Штатами нейтралитета.

Вскорѣ однако Вашингтонъ получилъ извѣщеніе отъ американскаго посла въ Лондонѣ, что британскій кабинетъ выражаетъ готовность миролюбивымъ путемъ уладить несогласія между Англіей и Штатами и не прочь заключить съ сѣверо-американскимъ Союзомъ торговый договоръ. Вашингтонъ тотчасъ же послалъ въ Лондонъ Джея для переговоровъ съ англійскимъ правительствомъ; но зная, что, въ случаѣ неудачи Джея, война съ Англіей неизбѣжна, конгрессъ принялъ мѣры для обороны страны. Президентъ продолжалъ подвергаться нападкамъ демократовъ, хотя желалъ только быть справедливымъ ко всѣмъ націямъ, жить со всѣми въ мирѣ, но въ то-же время, для гарантіи мира, всегда быть готовымъ къ войнѣ.

Наконецъ, въ мартѣ 1795 г., Вашингтонъ получилъ отъ Джея условія торговаго договора, предлагаемыя Англіей. Во многихъ отношеніяхъ договоръ не отвѣчалъ ожиданіямъ президента; но въ общемъ этотъ договоръ все-таки обѣщалъ Соединеннымъ Штатамъ извѣстныя выгоды, и потому Вашингтонъ рѣшилъ какъ можно скорѣе ратифицировать его и съ этою

цѣлью созвалъ сенатъ, согласно съ конституціей, имѣвшій вмѣстѣ съ президентомъ право ратификаціи торговыхъ договоровъ съ другими державами. Сенатъ нашелъ торговый договоръ съ Англіей удовлетворительнымъ, но воспротивился запрещенію вывозить изъ Соединенныхъ Штатовъ хлопчатую бумагу, которая была главнымъ предметомъ вывоза изъ южныхъ штатовъ. Вашингтонъ очутился такимъ образомъ въ большомъ затрудненіи. Съ одной стороны непринятіе договора грозило войной, съ другой—въ прессѣ условія договора возбудили бурю негодованія; но Вашингтону ничего другого не оставалось дѣлать, какъ подписать договоръ. Въ отвѣтъ на протестъ бостонцевъ противъ этого договора, Вашингтонъ между прочимъ писалъ, что онъ объективно взвѣсилъ всѣ доводы за и противъ договора, что лучшаго пока нельзя заключить, и что такой договоръ во всякомъ случаѣ болѣе соотвѣтствуетъ интересамъ страны, чѣмъ война. Подписанный Вашингтономъ договоръ былъ отправленъ въ Англію, съ просьбой уничтожить пунктъ, касающійся запрещенія вывозить изъ Америки хлопчатую бумагу, на что лондонскій кабинетъ согласился.

Мало по малу отношенія Соединенныхъ Штатовъ къ другимъ государствамъ начали принимать благопріятный оборотъ. Послѣ торговаго договора съ Англіей, заключенъ былъ договоръ съ Испаніей, по которому корабли Соединенныхъ Штатовъ получили доступъ въ Миссисипи. Открывая засѣданіе конгресса въ 1796 г., Вашингтонъ могъ поздравить обѣ палаты съ благопріятнымъ положеніемъ дѣлъ, благодаря которому республика могла надѣяться на мирное культурное развитіе. Однако торговый договоръ съ Англіей сильно поколебалъ популярность Вашингтона, хотя онъ ни на мгновеніе не упускалъ изъ виду блага страны; еще долго продолжались нападки на него въ обществѣ и въ печати, пока наконецъ не убѣдились, что путь, избранный Вашингтономъ, былъ лучше всякаго другого.

Между тѣмъ истекало второе четырехлѣтіе президентства Вашингтона. На этотъ разъ, находя, что онъ уже достаточно потрудился, Вашингтонъ рѣшилъ удалиться въ Моунтъ-Вернонъ и обратился къ народу съ прощальнымъ адресомъ, напечатаннымъ за полгода до окончанія его президентства. Въ этомъ документѣ Вашингтонъ резюмировалъ результаты своего долгаго опыта въ общественныхъ дѣлахъ и изложилъ свою политическую систему. Въ заключеніи адреса онъ говорилъ между прочимъ

слѣдующее: «Хотя, оглядываясь на всѣ акты моего управленія, я не вижу ни одной сознательной ошибки, но я глубоко чувствую свои недостатки и вполнѣ допускаю, что, быть можетъ, совершилъ много ошибокъ. Каковы бы ни были эти ошибки, я горячо молю Всевышняго устранить то зло, какое онѣ могли бы причинить. Я уношу съ собою надежду, что моя родина никогда не перестанетъ относиться къ нимъ съ снисхожденіемъ и что, послѣ 45-ти-лѣтняго ревностнаго служенія отечеству, удѣломъ моихъ недостатковъ сдѣлается забвеніе, какъ моимъ удѣломъ скоро сдѣлается вѣчное успокоеніе. Полагаясь на такую доброту моей пламенно любимой родины, я заранѣе наслаждаюсь тѣмъ уединеніемъ, въ которомъ испытаю на себѣ, вмѣстѣ со своими согражданами, сладостное благодѣяніе законовъ, охраняемыхъ свободнымъ правительствомъ...» Этотъ адресъ произвелъ на народъ сильное впечатлѣніе, и даже враги Вашингтона поддались обаянію истинно великой души этого замѣчательнаго человѣка. Всѣ политическія партіи соединились въ общемъ чувствѣ благодарности, любви и уваженія къ тому, кто такъ долго и неустанно трудился для своихъ соотечественниковъ. Со всѣхъ сторонъ посыпались отвѣтные адресы съ изъявленіемъ сожалѣнія, что онъ покидаетъ постъ президента.

Въ февралѣ 1797 г. произошли выборы новаго президента, которымъ избранъ былъ Адамсъ. Вашингтонъ въ качествѣ простого зрителя присутствовалъ при присягѣ новаго президента. Огромная толпа народа тѣснилась вокругъ зданія. Но она ожидала не новаго, а стараго президента. Какъ только Вашингтонъ вышелъ изъ залы, гдѣ приносилась присяга, вся толпа устремилась вслѣдъ за нимъ. Выйдя на улицу, Вашингтонъ обнажилъ голову; серебряные локоны его развѣвались вѣтромъ. Съ лицомъ, сіяющимъ безконечною любовью и добротою, привѣтствовалъ онъ многотысячную народную толпу, которая въ торжественномъ молчаніи провожала его до дверей его дома. Здѣсь онъ обернулся еще разъ и глубоко поклонился. Въ глазахъ его стояли слезы. Но отъ волненія онъ не въ силахъ былъ произнести ни слова, и знаками выражалъ свою благодарность и послѣднія пожеланія.

Возвращеніе Вашингтона изъ Филадельфіи въ Моунтъ-Вернонъ было такимъ же тріумфальнымъ шествіемъ, какъ отправленіе въ Нью-Іоркъ 8-ю годами раньше. Его всю дорогу сопровождали военные отряды; вездѣ народъ, горожане,

городскія власти высыпали привѣтствовать его, быть можетъ въ послѣдній разъ. И только вернувшись въ Моунтъ-Вернонъ, Вашингтонъ могъ почуствовать себя частнымъ человѣкомъ.

Въ Моунтъ-Вернонѣ Вашингтонъ провелъ остатокъ своихъ дней, занимаясь сельскимъ хозяйствомъ и отрываясь отъ него только тогда, когда того требовала общественная жизнь. Время въ Моунтъ-Вернонѣ онъ проводилъ какъ всегда, но чаще прежняго правильность деревенской жизни нарушалась посѣщеніями изъ Америки и изъ Европы. «За обѣдомъ я всегда почти вижу чужія лица, которыя являются, какъ они говорятъ, изъ уваженія ко мнѣ. И какая разница между ихъ посѣщеніями и присутствіемъ за моимъ столомъ нѣсколькихъ интимныхъ друзей!» Однакоже Вашингтону пришлось еще разъ выступить на общественное поприще. Со времени оставленія имъ президентства начали сильно обостряться отношенія Союза съ Франціей, недовольной торговымъ договоромъ между Соединенными Штатами и Англіей. По распоряженію французскаго правительства (директоріи), американскіе корабли, направлявшіеся въ Англію, захватывались французами, и всѣ протесты американцевъ оставлялись безъ вниманія. Мало по малу отношенія съ Франціей приняли такой оборотъ, что приходилось готовиться къ войнѣ. Организована была армія и приняты были мѣры для обороны страны. Всѣ взоры опять обратились на престарѣлаго обитателя Моунтъ-Вернона. Президентъ республики, да и весь народъ, были увѣрены, что одного имени Вашингтона достаточно, чтобы воодушевить страну для борьбы, что одно имя его способно съ другой стороны отбить у французовъ охоту воевать. Очень тяжело было Вашингтону согласиться на просьбу президента взять на себя командованіе новой арміей. Но всю жизнь онъ руководился зовомъ родины и жертвовалъ своими личными удобствами и такъ поступилъ и въ этотъ разъ. Онъ согласился на назначеніе его главнокомандующимъ, но съ тѣмъ условіемъ, что останется въ Моунтъ-Вернонѣ до тѣхъ поръ, пока личное его присутствіе въ арміи не будетъ необходимо. И вотъ опять пришлось Вашингтону вырабатывать планъ военныхъ дѣйствій, назначать офицеровъ, вести письменные переговоры съ военными и гражданскими властями. Все это онъ совершалъ съ юношескою энергіей; но въ то-же время онъ сильно сомнѣвался въ томъ, чтобы Франція рѣшилась на открытую войну съ Соединенными

Штатами. Дѣлая военныя приготовленія, онъ слѣдовалъ своему убѣжденію, по которому своевременныя приготовленія къ войнѣ были лучшимъ средствомъ для сохраненія мира. Вашингтонъ не ошибся: скоро директорія съ Бонапартомъ во главѣ изъявила согласіе на миролюбивую сдѣлку съ Соединенными Штатами. До полнаго окончанія недоразумѣній съ Франціей Вашингтону однако не суждено было дожить.

12-го декабря 1799 г. Вашингтонъ, какъ обыкновенно, до обѣда объѣзжалъ свои фермы, не обращая вниманія на отвратительную погоду. Шелъ смѣшанный со снѣгомъ дождь и дулъ холодный вѣтеръ. Вашингтонъ промокъ до костей и сильно озябъ; когда онъ вернулся домой, то хлопья снѣга повисли у него на волосахъ, и вода струилась за воротникъ. Однако, не смотря на просьбу жены, онъ не согласился перемѣнить платье. На другой день онъ чувствовалъ ознобъ и боль въ горлѣ; тѣмъ не менѣе онъ долго возился въ саду, собственноручно отмѣчая деревья, заслонявшія видъ на рѣку, и которыя распорядился срубить. Къ вечеру стало ему хуже, но онъ не хотѣлъ принимать никакихъ мѣръ, говоря встревоженнымъ домашнимъ, что «это пройдетъ такъ-же, какъ пришло». Весь вечеръ онъ провелъ со своей семьей, читая ей вслухъ, не смотря на хрипоту, интересныя выдержки изъ газетъ. Ночью лихорадка усилилась, и опухоль въ горлѣ не давала ему дышать. Пришлось послать за докторомъ Крэкомъ. Еще до прибытія его Вашингтонъ приказалъ одному изъ своихъ служащихъ пустить ему кровь; но это не помогло. Вашингтонъ сильно страдалъ, дыханіе его становилось все труднѣе. Крэкъ, прибывшій съ двумя другими врачами, опять прибѣгъ къ кровопусканію, такъ что въ общей сложности было выпущено 32 унціи крови, что̀ окончательно лишило старика силъ. Вашингтонъ почувствовалъ приближеніе конца. «Я вижу, что умираю,—сказалъ онъ съ покорностью,—это долгъ, который всѣ мы должны уплатить». Онъ просилъ жену сжечь его старое завѣщаніе и оставить новое, помѣченное 9-мъ іюля 1799 г.; секретарю своему приказалъ привести въ порядокъ свои документы, письма и счета. Страданія его все усиливались. Съ выраженіемъ благодарности въ глазахъ, онъ сказалъ секретарю, старавшемуся помочь ему лечь удобнѣе: «Это хорошо; это долгъ, который мы должны платить другъ другу, и я надѣюсь, что когда вамъ понадобится такая же помощь, то вы

найдете ее». «Докторъ,—обратился онъ къ Крэку,—смерть у меня тяжелая, но умереть я не боюсь». Къ вечеру онъ сталъ сильнѣе задыхаться, но лежалъ, не двигаясь и не жалуясь. Около 10 час. вечера онъ съ усиліемъ промолвилъ: «Моментъ насталъ... Я умираю... Похороните меня должнымъ образомъ... но не раньше, какъ черезъ три дня... Поняли?» Спустя немного онъ сталъ дышать свободнѣе, самъ хотѣлъ было ощупать у себя пульсъ, но рука его безсильно упала. Въ ночь съ 14-го на 15-ое декабря 1799 г. Вашингтонъ скончался, достигнувъ почти 68-ми-лѣтняго возраста. Похоронили его въ фамильномъ склепѣ, въ Моунтъ-Вернонѣ.

Когда въ Филадельфіи получено было извѣстіе о смерти Вашингтона, конгрессъ тотчасъ же прекратилъ засѣданіе. На слѣдующій день засѣданіе открылось рѣчью Маршалля. «Нашего Вашингтона болѣе не существуетъ,—сказалъ онъ;—герой, патріотъ и мудрецъ Америки, человѣкъ, на котораго въ минуту опасности обращались всѣ взоры, живетъ теперь лишь въ своихъ великихъ дѣяніяхъ и въ сердцахъ горячо его любившаго и огорченнаго народа!» Конгрессъ постановилъ, что во время сессіи кресло спикера должно быть обтянуто чернымъ крепомъ, и что депутаты въ знакъ траура должны являться на засѣданія въ черныхъ платьяхъ. Кромѣ того рѣшено было воздвигнуть мраморный памятникъ, чтобы увѣковѣчить военныя и политическія дѣянія Вашингтона, и поручить президенту отъ имени конгресса написать миссисъ Вашингтонъ и выразить ей соболѣзнованіе. Извѣстіе о смерти Вашингтона быстро облетѣло всю страну; всѣ партіи на время забыли свою вражду и братски протянули другъ другу руки, скорбя объ утратѣ человѣка, вся жизнь котораго была примѣромъ самоотверженія ради народнаго блага,—человѣка, который на полѣ битвы отстоялъ независимость Америки и руководилъ первыми шагами молодой республики,—человѣка, который былъ «первымъ на войнѣ, первымъ въ мирѣ и первымъ въ сердцахъ своихъ согражданъ», котораго съ полнымъ правомъ можно было назвать «отцомъ отечества».

Счастье и трудъ. *Мантегацца.* 3-е изд. Ц. 50 к.
Матери великихъ людей. *Блока.* Перев. съ франц. Со многими рисунками и портретами. Ц. 60 к.
Долой оружіе! Антивоен. ром. *Б. Зуттнеръ.* Ц. 30 к.
Подъ маской благочестія. (Преступленія и оргіи папъ). Ром. *Э. Постери.* Съ итальянск. Ц. 1 р.
Тургеневъ о русскомъ народѣ. Чтенія для народа. Съ портретомъ И. С. Тургенева. Ц. 15 к.
Литература и жизнь. Письма о разныхъ разностяхъ. *Н. К. Михайловскаго.* Ц. 1 р.
Вырожденіе. Психопатическія явленія въ области современной литературы и искусства. *Макса Нордау.* Переводъ съ нѣмецкаго, подъ редакціей и съ предисловіемъ *Р. Сементковскаго.* Большой томъ, 585 столб. Ц. 1 р. 50 к.
Организація свободы и общественный долгъ. *А. Прэнса.* Перев. подъ редакціей и съ предисловіемъ *Р. Сементковскаго.* Ц. 80 к.
Соціальное развитіе. *Кидда.* Съ предисл. проф. *Вейсмана.* Перев. *М. Чепинской.* Ц. 75 к.
Общественный организмъ. *Р. Вормса.* Переводъ подъ редакціей и съ предисловіемъ профессора *А. Трачевскаго.* Ц. 75 к.
Безсмертіе съ точки зрѣнія эволюціоннаго натурализма. Лекціи *А. Сабатье.* Перев. *В. Обреимова.* 2-е изд. Ц. 50 коп.
Общественный прогрессъ и регрессъ. *Греефа.* Перев. *Г. Паперна.* Ц. 1 р. 50 к.
Современная женщина. Ея положенія въ Европѣ и Америкѣ. *Б. Ф. Брандта.* Ц. 60 к.
Исторія цивилизаціи въ Англіи. *Бокля.* Переводъ *А. Н. Буйницкаго.* Съ портр. автора. Съ примѣчаніями. Ц. 2 р. и безъ нихъ—1 р. 50 к.
Герои и героическое въ исторіи. Публичныя бесѣды. *Том. Карлейля.* 2-е изд. Ц. 1 р.
Грядущая раса. Фантастическій романъ. *Эд Бульвера.* Перев. съ англ. Ц. 50 к.
Европейскіе монархи и ихъ дворы. *Politicos'a.* Съ 16 порт. Ц. 1 р.
Исторія французской революціи. *И. Карно.* Перевод съ франц. 2-е изд. Ц. 1 р.
Исторія религіи. Проф. *А. Мензиса.* Съ англійскаго. Ц. 1 р.
Исторія культуры. *Липперта.* Переводъ съ нѣмецкаго. Съ 85 рис. 3-е изд. Ц. 1 р. 60 к.
Исторія семьи. *Липперта* (автора „Исторія культуры"). Переводъ съ нѣмецкаго. Ц. 75 к.
Представительное правленіе. *Дж. Стюарта Милля.* Ц. 60 к.
Путь къ счастью. Сост. *Фрид. Кирхнеръ.* Ц. 60 к.
Исторія новѣйшей русской литературы (1848-1892 гг.). *А. Скабичевскаго,* 3-е изд. Съ 52-мя портр. Ц. 2 р.
Исторія русской цензуры. *А. Скабичевскаго.* Ц. 2 р.
Въ поискахъ за истиной. *Макса Нордау.* Переводъ съ нѣм. *Э. Зауеръ.* 4-е изд. Ц. 1 р.
Больная любовь. Гигіенич. романъ. *Мантегацца.* Ц. 50 к.
Роль общественнаго мнѣнія въ государственной жизни. Проф. *Гольцендорфа.* Ц. 75 к.
Законы о гражданскихъ договорахъ, общепонятно изложенные и объясненные. Состав. *В. Фармаковскій.* Изд. 4-е. Ц. 1 р. 25 к.
Очерки самоуправленія (земскаго, городского и сельскаго). *С. Приклонскаго.* Ц. 2 р.
Борьба съ земельнымъ хищничествомъ. Бытовые очерки *И. Тимощенкова.* Ц. 1 р.
Брюхо Петербурга. Общественно-физіологическіе очерки. *А. Бахтіарова.* Ц. 1 р. 50 к.
Исторія книги на Руси. *А. Бахтіарова.* Со многими рисунками. Ц. 1 р. 50 к.
Русскіе фланеры въ Парижѣ. *Попова.* 2-е изд. Ц. 1 р.
По градамъ и весямъ. Романъ *Вологдина.* (П. Засодимскаго). Ц. 1 р. 50 к.
Правители и мыслители. Біографическіе очерки *Е. Литвиновой.* Со многими портретами. Ц. 1 р.

Для дѣтей и юношества.

Иллюстрированныя сказки Андерсена. Полное собраніе въ 6 том. Съ 530 рисунк. Перев. *Б. Поровской.* Ц. каждаго тома 60 к. въ пап. 75 к., въ перепл. по 3 тома—2 р. 50 к.
Сказки Густафсона. Съ 30 рис. Ц. 1 р. 25 к., въ папкѣ 1 р. 50 к, въ перепл. 1 р. 75 к.
Русскія народныя сказки въ стихахъ. *А. Брянчанинова.* Съ пред. И. С. Тургенева. Множ. рис. Ц. 2 р. Въ папкѣ 2 р. 50 к., въ перепл. 3 р.
На землѣ и подъ землей. Изъ воспом. всемірнаго путешественника. *В. Галузіева.* Съ рис. Ц. 1 р. 25 к., въ папкѣ 1 р. 50 к., въ пер. 2 р.
Иллюстрированные романы Диккенса. Въ сокращенномъ переводѣ *Л. Шелгуновой.* 1) Давидъ Копперфильдъ, 2) Домби и сынъ, 3) Оливеръ Твистъ, 4) Большія надежды, 5) Нашъ общій другъ, 6) Лавка древностей, 7) Крошка Доррить, 8) Тяжелыя времена, 9) Холодный домъ, 10) Николай Никльби, 11) Два города, 12) Мартинъ Чезльвитъ. Цѣна каждаго романа 40 к. Въ папкѣ 50 к., въ переплетѣ по 6 ром.—3 р. 25 к.
Черные богатыри. *Е. Конради.* Съ 55 рисунками. 2-е удешевл. изданіе. Ц. 1 р., въ переплетѣ 1 р. 75 к.
Иллюстрированные романы Вальтеръ-Скотта. Въ сокращенномъ переводѣ *Л. Шелгуновой.* 1) Вервелей, 2) Антикварій, 3) Робъ-Рой, 4) Айвенго, 5) Астрологъ, 6) Квентинъ Дорвардъ, 7) Вудстокъ, 8) Замокъ Кенильвортъ, 9) Ламермурская невѣста, 10) Легенда о Монтрозѣ, 11) Пверилъ Пикъ, 12) Пресвитеріане, 13) Пертская красавица, 14) Аббатъ, 15) Монастырь, 16) Пиратъ, 17) Карлъ Смѣлый, 18) Ричардъ-Львиное Сердце, 19) Обрученные, 20) Черный Карликъ, 21) Приключенія Нигеля, 22) Редгантлетъ, 23) Робертъ Графъ Парижскій, 24) Сенъ-Ронанскіе воды, 25) Опасный замокъ и Два пастуха. По каж. ром. 40 к., въ пап. 50 к., въ перепл. по 5-ти романовъ ц. 2 р. 80 к.
Къ свѣту. Разсказы *В. Огаркова.* Съ 27 рис. Ц. 1 р., въ папкѣ 1 р. 25 к., въ пер. 1 р. 60 к.
Всякому гвоздю свое мѣсто. *Л. Кругелова.* Съ 4 рис. Ц. 1 р. 25 к., въ пап. 1 р. 50 к., въ пер. 2 р.
Дѣтскій маскарадъ. *Авбелева.* Съ 16 р. Ц. 20 к.
Два проказника. Шуточн. разск. въ стихахъ *Буши.* Пер. съ нѣмецк. 100 рис. 2-е изд. Ц. въ папкѣ 50 к.

Съ осени 1890 года издается задуманная Ф. Павленковымъ біографическая библіотека подъ заглавіемъ:

„ЖИЗНЬ ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ ЛЮДЕЙ"

БІОГРАФИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА Ф. ПАВЛЕНКОВА.

Въ составъ библіотеки войдетъ около 200 біографій замѣчательныхъ людей. Каждому изъ нихъ посвящается особая книжка, объемомъ отъ 80 до 160 страницъ, снабженная портретомъ. Къ біографіямъ путешественниковъ, художниковъ и музыкантовъ прилагаются кромѣ того карты, снимки съ картинъ и ноты.

До 1 января 1898 г. вышли отдѣльными книжками 185 біографій слѣдующихъ лицъ:

I. Представители религіи и церкви: Будда (Сакіа-Муни), Григорій VII, Гусъ, Кальвинъ, Конфуцій, Лойола, Лютеръ, Магометъ, Савонарола, Торквемада, Францискъ Ассизскій, Цвингли.—Протопопъ Аввакумъ, патріархъ Никонъ.

II. Государственные люди и народные герои: Александръ Македонскій и Юлій Цезарь (двѣ біографіи въ одной книжкѣ), Бисмаркъ, Вашингтонъ, Гарибальди, Гракхи, Демосфенъ и Цицеронъ (двѣ біографіи въ одной книжкѣ), Кромвель, Линкольнъ, Мирабо, Томасъ Моръ, Ришелье.—Воронцовы, Дашкова, Іоаннъ Грозный, Канкринъ, Меньшиковъ, Петръ Великій, Потемкинъ, Скобелевъ, Сперанскій, Суворовъ, Богданъ Хмельницкій.

III. Ученые: Беккаріа и Бентамъ, Бокль, Галилей, Гарвей, А. Гумбольдтъ, Даламберъ, Дарвинъ, Декартъ, Дженнеръ, Кеплеръ, Кетле, Кондорсе, Коперникъ, Кювье, Лавуазье, Лапласъ и Эйлеръ, Лассаль, Линней, Ляйелль, Мальтусъ, Милль, Монтескье, Паскаль, Пастеръ, Ньютонъ, Прудонъ, Адамъ Смитъ, Фарадей.—К. Бэръ, Боткинъ, Ковалевская, Лобачевскій, Пироговъ, Соловьевъ (историкъ), Струве,

IV. Философы: Аристотель, Бэконъ, Дж. Бруно, Гегель, Кантъ, Огюстъ Контъ, Лейбницъ, Локкъ, Сенека, Сократъ, Платонъ, Спиноза, Шопенгауэръ, Юмъ.

V. Филантропы и дѣятели по народному просвѣщенію: Говардъ, Оуэнъ, Песталоцци, Франклинъ.—Каразинъ (основатель хар. университета), баронъ Н. А. Корфъ, Новиковъ, К. Д. Ушинскій.

VI. Путешественники: Колумбъ, Ливингстонъ, Стэнли.—Пржевальскій.

VII. Изобрѣтатели и люди широкаго почина: Гутенбергъ, Дагеръ и Ніэпсъ, (изобрѣтатели фотографіи), Лессепсъ, Ротшильды, Стефенсонъ и Фультонъ (изобрѣт. жел. дорогъ и пароходовъ), Уаттъ, Эдисонъ и Морзе.—Демидовы.

VIII. Писатели русскіе и иностранные.

Иностранные писатели: Андерсенъ, Байронъ, Бальзакъ, Берне, Беранже, Боккачіо, Бомарше, Вольтеръ, Гейне, Гете, Гюго, Данте, Дефо, Дидро, Диккенсъ, Жоржъ-Зандъ, Золя, Ибсенъ, Карлейль, Лессингъ, Маколей, Мильтонъ, Мицкевичъ, Мольеръ, Рабле, Ренанъ, Руссо, Свифтъ, Сервантесъ, В. Скоттъ, Теккерей, Шекспиръ, Шиллеръ, Джоржъ Эліотъ.

Русскіе писатели: Аксаковы, Бѣлинскій, Гоголь, Гончаровъ, Грибоѣдовъ, Державинъ, Добролюбовъ, Достоевскій, Жуковскій, Кантемиръ, Карамзинъ, Кольцовъ, Крыловъ, Лермонтовъ, Ломоносовъ, Никитинъ, Писаревъ, Писемскій, Пушкинъ, Салтыковъ, (Щедринъ), Сенковскій (баронъ Брамбеусъ), Левъ Толстой, Тургеневъ, Фонвизинъ, Шевченко.

IX. Художники: Леонардо да Винчи, Микель-Анджело, Рафаэль, Рембрандтъ.—Ивановъ, Крамской, Перовъ, Ѳедотовъ.

X. Музыканты и актеры: Бахъ, Бетховенъ, Вагнеръ, Гаррикъ, Мейерберъ, Моцартъ, Шопенъ, Шуманъ.—Волковъ (основатель русск. театра), Глинка, Даргомыжскій, Сѣровъ, Щепкинъ.

Цѣна каждой книжки 25 к. Біографіи продаются во всѣхъ книж. магазинахъ.

Приготовляются къ печати біографіи слѣдующихъ лицъ:

Герцена, Екатерины II, Макіавелли, Меттерниха, Наполеона I, Некрасова, Островскаго и др.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 7 Февраля 1898 года.

ИЗДАНІЯ Ф. ПАВЛЕНКОВА.

Литература, исторія, публицистика и законовѣдѣніе.

Сочиненія Чарльза Диккенса. Съ портретомъ и біографіей. Полное собраніе въ 10 томахъ. 1) Давидъ Копперфильдъ. 2) Домби и сынъ. 3) Холодный домъ и Повѣсть о двухъ городахъ. 4) Крошка Доррить и Большія надежды. 5) Нашъ общій другъ и Оливеръ Твистъ. 6) Записки Пиквикскаго клуба и Тяжелыя времена. 7) Николай Никльби и Рождественскіе разсказы. 8) Мартинъ Чезльвитъ. Гимнъ Рождеству. Затравленъ. 9) Барнеби Реджъ, Тайна Эдвина Друда и Колокола. 10) Лавка древностей, Записки путешественника не по торговымъ дѣламъ, Станція Мегби, Медфогскіязаписки, Рецепты доктора Меригольда и Безъ выхода. Цѣна каждаго тома 1 р. 50 к.

Сочиненія Пушкина. Съ портретами, біографіей и 500 письмами. Полное собраніе въ 1-мъ и въ 10 томахъ. Цѣна 1-томнаго и 10-томнаго изданія одна и та же: безъ карт.—1 р. 50 к. Съ 70 картин.—2 р. 50 к. За переплеты: для 1-томн. изд.—40 к. и 1 р. Для 10-томнаго (въ 5 пер.) 1 р. и 2 р.

Альбомъ къ „Сочиненіямъ Пушкина". 44 иллюстраціи съ подписями,портр. Пушкина и снимкомъ его почерка. Ц. въ каленкоровомъ переплетѣ—1 р. 25 к.

Сочиненія Лермонтова (въ одномъ томѣ и въ 4 томахъ). Полное собраніе. Съ портретомъ, біографіей и 115 рисунками. Ц. 1 р. Въ простомъ перепл.—1 р. 40 к., и въ двухъ переплетахъ 1 р. 50 к., въ каленкоровомъ съ золотомъ 2 р.

120 рисунковъ къ Лермонтову. Художественный альбомъ *М. Е. Малышева.* Ц. въ папкѣ 50 к.

Сочиненія Виктора Гюго. Съ портретомъ автора и статьей *А. М. Скабичевскаго.* Сокращ. перев. *С. Брагинской.* Два большихъ тома. Ц. 2 р. 50 к.

Сочиненія Эркмана-Шатріана. Въ двухъ большихъ томахъ (1800 страницъ). Цѣна 3 р.

Повѣсти и разсказы И. Н. Потапенко. 11 томовъ. Цѣна каждаго—1 р. Перепл. для 2 томовъ по 75 к.

Сочиненія Глѣба Успенскаго. 4 изд., въ 2 том. Съ портретомъ автора и статьей *Н. К. Михайловскаго.* Ц. за два тома—3 р.

Сочиненія Гл. Успенскаго. Томъ 3-й. Цѣна 1 р. 50 к.

Сочиненія Ѳ. М. Рѣшетникова. Въ двухъ томахъ, съ портр. автора и статьей *М. Протопопова.* Ц. 2 р. 50 к.

Сочиненія В. Г. Бѣлинскаго. Съ портретомъ и факсимиле автора, статьей *Н. К. Михайловскаго* и гравюрой съ картины художника *Наумова* „Бѣлинскій передъ смертью". Въ 4-хъ большихъ томахъ. Цѣна каждаго тома 1 р. 25 к.

Сочиненія Д. И. Писарева. Полное собраніе въ 6 томахъ. Съ портретомъ автора и вступительной статьей *Е. А. Соловьева.* Цѣна каждаго тома 1 р.

Прогрессивная нравственность. Проф. *Фаулера.* Переводъ съ англійскаго, подъ ред. *Владиміра Соловьева.* Ц. 40 к.

Сочиненія А. М. Скабичевскаго. Критическіе этюды, публицистическіе очерки, литерат. характеристики. Съ портретомъ автора. 2-е изд. Цѣна за все собраніе въ двухъ большихъ томахъ (до 1700 стр.) 3 р.

Этика. Ученіе о нравственности. *Д. Макенни.* Ц. 1 р.

Будущее человѣчество. Соціалистическая фантазія *Мантегацца.* Ц. 2 р. 40 к.

Капитанская дочка. *А. Пушкина.* Съ 188 рисун. Ц. 60 к., въ пап. 75 к., въ пер. 1 р.

Черезъ сто лѣтъ. Соціологическій романъ *Э. Беллами.* Съ приложеніемъ очерка Рише „Куда мы идемъ?" 3-е изд. Ц. 1 р.

Жизнь и дѣятельность А. И. Герцена въ Россіи и заграницей. *В. Д. Смирнова.* Ц. 1 р.

Духовныя завѣщанія. Какъ ихъ составлять,измѣнять, отмѣнять, представлять къ утвержденію и оспаривать. Сост. *Л. В. Абрамовъ* (№ 1 „Популярно-юридической библіотеки"). Ц. 25 к.

Наслѣдство и раздѣлъ. *Я. Абрамова.* (№ 2 „Популярно-юридической библіотеки"). Ц. 25 к.

Пріобрѣтеніе и отчужденіе имуществъ. *Я. Абрамова.* (№ 3 „Популярно-юридической библіотеки"). Ц. 25 к.

Аренда и наемъ имуществъ. *Я. В. Абрамова.* (№ 4 „Популярно-юридич. библіотеки"). Ц. 25 коп.

Заемъ, закладъ и залогъ. *Я. В. Абрамова.* (№ 5 „Популярно-Юридич. библіотеки). Ц. 25 к.

Происхожденіе и развитіе семьи и собственности. *М. Ковалевскаго.* 2-е изд. Ц. 60 к.

Въ трущобахъ Англіи (Планъ социал. борьбы съ эконом. язвами современ. общества). *Бутса.* Ц. 1 р.

Голодъ. Романъ. *А. Гамсуна.* Ц. 60 к.

Забота. Романъ. *Зудермана.* Ц. 60 к.

До потопа. Романъ изъ жизни первобытныхъ людей. *Рони.* Съ 16 рисунками. Ц. 50 к.

Стелла. Астрономическій романъ *К. Фламмаріона.* Ц. 80 к.

Конецъ міра. Астрономич. романъ *Фламмаріона.* Съ 80 рис. Ц. 60 к.

Въ небесахъ (Uranie). Астрономическій романъ *К. Фламмаріона.* Съ 89 рис. 3-е изд. Ц. 75 к.

При свѣтѣ звѣздъ. Попул.-научные очерки *Фламмаріона.* Ц. 1 р.

По волнамъ безконечности. Астрономическая фантазія *К. Фламмаріона.* 2-е изд. Ц. 80 к.

Новѣйшіе русскіе писатели. Книга для домашняго чтенія. *А. Цвѣткова.* Съ 72 портр. Ц. 3 р. въ пер. 3 р. 75 к.

Соціологическія основы исторіи. *Лакомба.* Перев. съ франц., подъ редакц. *Р. Сементковскаго.* Ц. 1 р. 50 к

Литература XIX вѣка въ ея главнѣйшихъ теченіяхъ. *Г. Брандеса.* Франц. литер.: Литература эмигрантовъ. Реакція во Франціи. Романтическая школа. Перевела *Э. Зауергъ.* Съ 13 портр. и вступит. статьей *Е. Соловьева.* Ц. 2 р.

Литературное развитіе различныхъ племенъ и народовъ. *Ш. Летурно.* Пер. *В. Святловскаго.* Ц. 1 р. 50 к.

Психическіе факторы цивилизаціи. *Л. Уорда.* Перев. съ англійск. *Л. Давыдова.* 324. Ц. 80 к.

Итоги XIX вѣка. *Д. Норсена.* Переводъ съ нѣмецкаго. *Э. Зауэрг.* Ц. 40 к.